4
Д-44

Диалектная
лексика
1975

Л., 1978

73202

4
Д-44
3/#1I

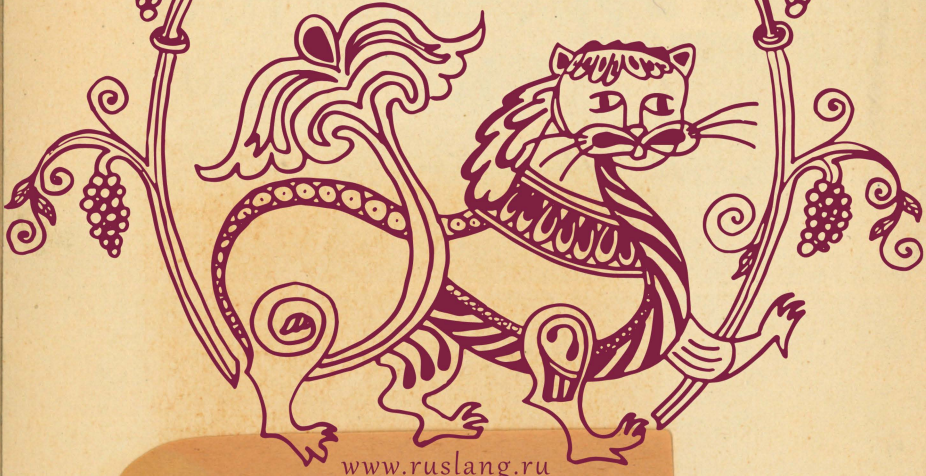
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1975

РЯ- диал.-харак/ терн/

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

73202

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1975

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1978

Настоящий сборник продолжает серию исследований, предпринятых диалектологами Словарного сектора, работающими над «Словарем русских народных говоров». Он содержит статьи по диалектной лексикологии и диалектному словообразованию. Авторы обсуждают вопросы о взаимодействии лексики литературного языка и словарного состава народных говоров, прослеживают историю отдельных слов и целых групп лексики в русском языке XIX—XX вв. В ряде статей предприняты попытки уточнить этимологию некоторых слов.

Ответственный редактор
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

4
Д-44
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
20 73202

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1975

Редактор издательства
Н. Г. Герасимова

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
М. Э. Карлайтис

Корректоры
Р. Г. Гершинская
и *А. И. Кац*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

ИБ № 8412

Сдано в набор 22.09.77. Подписано к печати 21.02.78. М-30627. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура Обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 13¹/₂= =13.50 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14.62. Тираж 2650. Изд. № 6715. Тип. зак. № 740. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Д $\frac{70102\text{-}514}{042(02)\text{-}78}$ 419-78

© Издательство «Наука», 1978

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка

В этой статье читатель не найдет систематического изложения истории русской диалектной и исторической лексикологии. Автор и не ставил перед собой такой задачи. Он хотел только обратить внимание на некоторые наиболее яркие страницы этой истории, во многом определившие пути и методы изучения словарного состава древнерусского языка и народных говоров в русском языкознании нашего времени.

Лексические особенности диалектной речи, связи и отношения народно-диалектной речи и литературного языка обращали на себя внимание задолго до появления диалектологии как особого отдела языкознания. На местные лексические особенности русского языка указывали еще В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, И. И. Лепехин и другие деятели русской науки и культуры XVIII в. Уже тогда появляются областные словарики, насчитывающие несколько сот местных слов и выражений. Это, например, «Словарь местных слов, употребляемых в городе Устюге Великом», 1754 г. (301 слово), «Слова и речи в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые», 1772 г. (178 слов до буквы «с»). К XVIII в. относятся попытки осмыслить значение диалектной лексики в развитии и обогащении литературного словаря. Так, в 1787 г. А. И. Фомин помещает в журнале «Новые ежемесячные сочинения» статью, в которой высказывает мысль о необходимости и неизбежности для литературного языка усваивать лучшее, что есть «в местных разветвлениях общего языка», что отражает особенности быта, жизни, природы различных мест России. В этой связи А. И. Фомин ставит вопрос о создании областного словаря, охватывающего все русские говоры.

Отечественная война 1812 г. вызвала подъем национального самосознания и широкое движение за национальную чистоту и своеобразие русской культуры и русского языка. Именно в 20-е годы XIX в. звучит призыв: «Замечать и собирать областные наречия, особые выражения, необыкновенные грамматические

формы».[1] В эти и последующие годы в печати и в научных кругах обсуждаются вопросы об источниках пополнения «недостающих» в литературном языке наименований предметов и явлений русской действительности, о роли областной лексики в изучении словарного состава русского национального языка, о значении диалектной лексики в изучении особенностей быта и жизни, материальной и духовной культуры (народной психологии) русского народа. К концу первой половины XIX в. систематическим и целенаправленным сбором диалектной лексики начинает заниматься Академия наук и Русское географическое общество. Это было по существу новым этапом в истории русской диалектной лексикологии и лексикографии. Венцом деятельности Академии в изучении лексического состава русских народных говоров явился «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858). Выход в свет этого словаря явился своеобразным толчком для более широкого собирания диалектных слов во второй половине XIX в.

Богато представлена местная лексика, бытовавшая на обширной территории русского языка, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, много потрудившегося на ниве лексикографии, в том числе и областной. В конце XIX—начале XX в. появляется целая серия региональных областных словарей (словари А. О. Подвысоцкого, А. Грандилевского, Г. Куликовского, М. К. Герасимова, В. Волоцкого, И. Т. Смирнова, Е. Ф. Будде, В. Н. Добровольского и др.).[2]

Все это явилось серьезным вкладом в исследование лексики русских народных говоров. И тем не менее справедливо утверждение о том, что диалектная лексикология вплоть до 30-х годов XX в. развивалась сравнительно слабо, была по существу в зачаточном состоянии. Аналогичное положение наблюдалось и в исторической лексикологии русского языка.

В русском языкознании не было работ, в которых лексика древнерусского языка или словарный состав говоров исследовались бы как система.[3] Первым лексикологическим трудом в русской диалектологии явилось «Исследование о лексике русских народных говоров (по материалам сельскохозяйственной терминологии)» Ф. П. Филина (М.—Л., 1936). Значение этой книги заключается прежде всего в том, что она открывает собой новый этап в изучении народных говоров. До сих пор русские диалектологи традиционно сосредоточивали свое основное внимание на

---

[1] Тр. любителей росс. словесности, ч. 20. СПб., 1822.

[2] Наиболее полную библиографию областных словарей и работ по диалектной лексикологии см. в кн.: Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 39—129.

[3] Обзор литературы по исторической лексикологии русского языка и подведение некоторых итогов изучения представлены в статье Ф. П. Филина «Библиографические заметки по исторической лексикологии русского языка» (1956). К сожалению, эта статья пока не опубликована.

изучении фонетики и морфологии; наблюдения по лексике ограничивались большей частью собиранием материалов и исследованиями этимологии, а иногда и истории отдельных диалектных слов (или небольших групп слов). Чаще же всего диалектные слова привлекались в исследования в качестве примеров, иллюстрирующих проявления фонетических и морфологических закономерностей.

Исключительно важное значение диалектных данных для решения многих кардинальных вопросов исторического и современного языкознания настоятельно требовало введения в научный оборот лексических богатств народных говоров, их исследования и интерпретации. Выдающиеся русские языковеды подчеркивали, что «без должного учета лексики местных диалектов историческая лексикология как полноценная научная дисциплина вообще не может существовать».[4] Диалектная лексика является важнейшим источником для этимологических исследований, для реконструкции прошлого состояния русского и других славянских языков, для решения вопросов, связанных с образованием национального языка, и т. п. Все более очевидной становилась важность и необходимость изучения диалектной лексики как определенной системы, развивающейся в особых социально-исторических условиях. Исследование Ф. П. Филина прокладывало первые пути в этом направлении. Обратившись к анализу диалектной сельскохозяйственной терминологии, автор ставил перед собой следующие задачи: воссоздать историю сельскохозяйственных диалектных терминов, установить способы их образования и семантическую структуру, наметить территориальное распределение сельскохозяйственных терминов и проанализировать процессы словотворчества в сельскохозяйственной терминологии современной деревни. Последняя задача позволила Ф. П. Филину обсуждать вопрос о социальной дифференциации сельскохозяйственных терминов в современных народных говорах. Ф. П. Филин впервые в русском языкознании включил в исследование чрезвычайно широкий круг сельскохозяйственной лексики, употреблявшейся в русских говорах, и подверг ее тщательному и всестороннему анализу. Все исследование лексического материала в книге ведется в тесном переплетении синхронных и диахронических методов, на фоне широкого изучения культурно-исторических факторов, влияющих на языковые процессы.

Обращаясь к вопросу о территориальном распределении сельскохозяйственных терминов, Ф. П. Филин связывает его с вопросом о территориальном распределении говоров вообще, с самой историей русских диалектов русского языка в целом. Теоретически важным в этом отношении представляется вывод Ф. П. Фи-

---

[4] Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 320.

лина о том, что «говор, несмотря на всю относительность его границ, является реальной единицей, а границы распространения сельскохозяйственных терминов в основном имеют тяготение к границам отдельных говоров и наречий».[5] Это положение имеет большое значение в исследовании истории русского языка и его говоров.

«Исследование о лексике русских говоров» получило высокую оценку отечественных и зарубежных критиков, отмечавших его фундаментальный, новаторский характер. Многие работы по русской диалектной лексике, написанные позднее, опирались и опираются на положения, выдвинутые и развитые Ф. П. Филиным, используют его методы исследования. Само их появление в значительной мере обязано книге Ф. П. Филина. В дальнейшем значительно расширяется круг тематических разрядов лексики различных говоров, явившихся предметом исследования: предметно-бытовая лексика, производственно-промысловая лексика, лексика флоры и фауны, различные разряды непредметной лексики и т. п. Интерес к истории русского языка и его говоров приводит Ф. П. Филина к убеждению, что без широкого применения методов ареальной лингвистики в этой отрасли языкознания невозможно рассчитывать на серьезные результаты. Само движение истории языка и диалектологии диктовало необходимость развернуть широкую работу по подготовке диалектологического атласа русского языка. Ф. П. Филин является одним из самых активных зачинателей этой работы, ставшей вскоре основной проблемой, разрабатываемой русской диалектологической наукой. Осенью 1935 г. он выступает с докладом «О диалектологическом атласе русского языка»[6] на заседании кабинета русского и других славянских языков ИЯМ АН СССР. Многие положения, выдвинутые Ф. П. Филиным в этом докладе, были положены в основу обширной программы по собиранию диалектных материалов для атласа. Ф. П. Филин в соавторстве с М. Д. Мальцевым составил первый лингвогеографический опыт «Лингвистический атлас района озера Селигер» (1949). Теоретические принципы, положенные русскими диалектологами в основу собирания материалов и при составлении атласа, были оригинальными и во многом отличались как от установок западной (главным образом французской) школы лингвистической географии, так и от положений, выдвинутых в свое время Московской диалектологической комиссией.

Одновременно с этим Ф. П. Филин обращается к исследованию важнейших проблем истории русского языка. В 1940 г. он публикует книгу «Очерки истории русского языка до XIV столетия», представляющую собой курс лекций, читанных на филологиче-

---

[5] Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. (По материалам сельскохозяйственной терминологии). М.—Л., 1936, с. 12.

[6] Литературный критик, 1935, № 12.

ском факультете педагогического института им. А. И. Герцена. Это было для Ф. П. Филина первым шагом в реализации его замысла подготовить исследование лексической системы древнерусского языка. В 1949 г. выходит в свет монография «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)». В этой работе впервые был широко поставлен вопрос об особенностях древнерусской лексики, и прежде всего о древнерусских диалектах по лексическим данным. Рисуя общую картину состояния и развития лексики древнерусского языка, привлекая к исследованию большой массив древнерусской лексики, Ф. П. Филин именно на основе лексических данных устанавливает диалектное расслоение древнерусского языка.

Древнерусский литературный язык в книге Ф. П. Филина предстает как живая система «с богатыми и своеобразными закономерностями и с известными противоречиями и колебаниями. . . Эта система складывалась в процессе литературного речетворчества, прежде всего как органическое слияние византийско-инославянского языкового наследия (древнецерковнославянской языковой струи) с восточнославянской языковой основой, причем ведущую, определяющую роль играла восточнославянская речь».[7] Конечно, система эта была довольно сложной и своеобразной. Книга Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» до сих пор является одним из основных пособий по исторической лексикологии русского языка, отправным пунктом для многочисленных работ молодых и уже опытных исследователей по истории древнерусской лексики.

Продолжением и углублением исторической проблематики явилась книга Федота Петровича «Образование языка восточных славян», вышедшая в свет в 1962 г. Эта книга — первое солидное исследование, появившееся в отечественном языкознании после работ А. И. Соболевского, А. Л. Погодина, А А. Шахматова, — посвящена проблеме происхождения славян, славянских языков вообще и восточных славян и древнерусского (восточнославянского) языка в частности.

Говоря о признаках и критериях, дающих основания для решения этногенетических проблем, Ф. П. Филин замечает: «Вопросы этногенеза славян стали почти безраздельной монополией археологов, хотя по своему существу они являются прежде всего лингвистическими. . . Существует ли такой признак, который, если его удалось установить как таковой, вне зависимости от других признаков, может послужить безошибочным критерием определения этнической единицы? Да, существует. Этим ведущим, постоянным признаком является язык».[8] Языковые признаки и были положены в основу данного исследования. Выводы и ги-

---

[7] Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Л., 1949, с. 5—6.

[8] Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. Л., 1962, с. 76.

потезы, выдвинутые Ф. П. Филиным, основываются на привлечении комплекса фактов, имеющих отношение к решаемой проблеме.

Основным методом исследования и «расшифровки» проблемы этногенеза славян и этнической истории древних славянских племен Ф. П. Филин считает метод лингвистической палеогеографии. Этот метод позволяет устанавливать относительную хронологию развития праславянского языка, сравнивать (выявляя сходство и различие) хронологически определенные явления в славянских и соседних с ними языках. Результаты такого исследования позволяют судить и о территориях, которые занимали древние славяне со времени их отделения от других индоевропейских народов, что дает возможность определить, в окружении каких языков находился древний славянский язык. «Если удастся установить географическую картину распространения языков, так или иначе связанных с праславянским, и изменение этой картины со времени самостоятельного существования праславянского языка, то тем самым будет определена прародина славян, границы которой несомненно не были стабильными».[9] В этом отношении, по справедливому мнению Ф. П. Филина, наиболее ценным является исследование лексики, связанной с обозначением животных, растений, особенностей местного ландшафта, топонимические названия и названия различного рода предметов материальной культуры, имеющих локальное распространение. Данные лингвистической палеогеографии должны сопоставляться (и корректироваться!) с данными археологии, этнографии, палеозоологии, палеоботаники и других научных дисциплин. И все-таки определяющими должны считаться данные исторического языкознания.

Историю языковых фактов Ф. П. Филин, как и А. А. Шахматов, Т. Лер-Сплавинский и другие крупнейшие слависты, прослеживает с эпохи распадения индоевропейского языкового единства и кончая образованием восточнославянской языковой ветви. Между этими двумя вехами существует ряд промежуточных, переходных моментов (этапов). Ф. П. Филин уделяет прослеживанию этих этапов значительное место (и это в таком широком плане и так обстоятельно делается впервые в славяноведении). Наиболее содержательной, богатой фактами (большей частью новыми, впервые введенными в науку) является часть книги, в которой прослеживается развитие особой восточнославянской лексики. Здесь Ф. П. Филин продолжает развивать свое исследование лексики древнерусского (восточнославянского) языка, начатое им в книге «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи».

В 1972 г. Ф. П. Филин выпускает в свет вторую часть задуманной им трилогии — «Происхождение русского, украинского и

---

[9] Там же, с. 77—78.

белорусского языков», посвященную проблеме образования трех близкородственных восточнославянских языков, прежде всего истории восточнославянских диалектных явлений, в особенности древних диалектных явлений, предшествующих и сопутствующих образованию русского, белорусского и украинского языков, многие из которых как раз и стали дифференциальными чертами этих языков. Ф. П. Филин главное внимание обращает на те языковые явления, которые образовывали на восточнославянской территории изоглоссу; все такие особенности проанализированы в книге с большой тщательностью и глубиной. Здесь важно отметить, что Ф. П. Филин хорошо показывает, как одно и то же явление своими вариациями могло увеличивать число диалектных изоглосс и в различные периоды истории языка могло обладать специфическими особенностями развития.

Ставя вопрос о причинах образования ареала по тому или иному признаку, Ф. П. Филин затрагивает и общий вопрос о причинах языковых изменений.

«В изучении происхождения языков, их исходных основ историческая диалектология — важнейшая, определяющая дисциплина»,[10] — пишет Ф. П. Филин. Эта мысль определяет общий замысел книги, ее построение, характер изложения и конечные результаты. Для Ф. П. Филина является бесспорным, что «диалекты с четко очерченными границами — плод лингвистической абстракции, а не лингвистическая реальность», что «монолитных диалектных единиц в древнерусскую эпоху не существовало».[11] Ф. П. Филин выясняет причины новых диалектных членений, различные этапы в развитии диалектных особенностей. Важным является выдвигаемое автором положение о том, что диалектное варьирование возникло в результате неравномерного развития языковой системы, вследствие хронологического несовпадения одних и тех же процессов.[12] Важным представляется положение о том, что «диалектные расхождения в лексике своими корнями уходят в глубокую праславянскую древность, что прежнее мнение о чуть ли не полной лексической монолитности древнерусского языка является безусловно устаревшим».[13] Вместе с этим подчеркивается единство древнерусского языка при всей вариантности в его отдельных звеньях. Даже в XII—XIII вв., несмотря на развитие диалектов феодальной поры, древнерусский язык еще не распался, древнерусская народность продолжала существовать. Диалектные различия пока не разрушают единства, складывавшегося в течение столетий, а развитие диалектных явлений не исключает объединительных языковых тенденций. Ф. П. Филин говорит о постепенном «нарастании диалектизмов»,

---

[10] Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 4.
[11] Там же, с. 63.
[12] Там же, с. 201, 215, 219, 220 и др.
[13] Там же, с. 517.

о «накоплении локальных языковых признаков».[14] Постепенное накопление первоначально несущественных диалектных различий приводит к образованию сложной системы частных изоглосс. Мысль о том, что только языковое единство может служить критерием этнической общности, приводит Ф. П. Филина к заключению, что «современные восточнославянские языки возникают не на базе племенных подразделений и феодальных княжеств»,[15] последние только способствуют образованию диалектных изоглосс, но не создают их.

Книга Ф. П. Филина восстанавливает доверие к историческому источнику — «древнерусская письменность является первостепенным источником для исторической диалектологии. Локализация диалектизмов основывается прежде всего на массовости свидетельств и на совпадении географии изучаемой особенности в древней письменности и современных говорах».[16]

Последние три-четыре десятилетия в русском языкознании отмечены появлением особенно большого количества работ по диалектологии, в том числе работ, посвященных исследованию диалектной лексики. Составляются и издаются областные словари, описывающие лексику отдельных говоров или группы говоров: «Краткий Ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961), «Материалы для Смоленского областного словаря» А. И. Ивановой, М. А. Кустаревой, Б. А. Моисеева (1958), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (т. 1—3) и «Дополнение» к нему (т. 1—3) под ред. В. В. Палагиной, «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (1969), «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под ред. И. А. Оссовецкого (1969), первые два выпуска «Псковского областного словаря» (1967, 1973) с историческими данными и др. Это далеко не полный перечень вышедших, подготовленных и готовящихся к выпуску областных словарей русского языка. Можно сказать, что именно на ниве лексикографии русская диалектология нашего времени добилась наиболее ощутимых результатов.

Конец 50—начало 60-х годов характеризуется острой полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняли и обостряли полемику.

Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т. е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного

---

[14] Там же, с. 634, 527.
[15] Там же, с. 634.
[16] Там же, с. 92.

языка, или он должен быть строго дифференциальным — включать лексику только диалектную, слова чисто местного распространения (противоположение: полный словарь — дифференциальный словарь); 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т. е. быть пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т. е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и по возможности хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным нашими предшественниками в XIX—начале XX в. (можно их использовать при составлении областных словарей или не следует учитывать вовсе).

Основной вопрос диалектной лексикографии — о типе диалектных словарей — разделил диалектологов на два лагеря: в одном оказались сторонники только полных («системных») областных словарей (Б. А. Ларин, И. А. Оссовецкий и др.), в другом объединились ученые, признававшие возможность и целесообразность составления и полных, и дифференциальных словарей говоров (Ф. П. Филин и его школа).

Следует особо отметить, что обсуждение проблемы о типе диалектных словарей, об отборе лексического материала для них, о характере его разработки не может проходить без учета реальной картины взаимоотношения диалектов с литературным языком в ту или иную эпоху. Русский язык в его современном состоянии четко и последовательно противопоставлен во всех сторонах его структуры диалектной речи народным говорам. Это дает возможность установить границы между диалектными словами и различными пластами словарного состава литературного языка. Ф. П. Филин в ряде работ рассматривает вопросы о соотношении лексики литературного языка с лексическими элементами других разновидностей национального языка.[17] Наиболее отчетливое обоснование этих противопоставлений содержится в статье Ф. П. Филина «О структуре современного русского литературного языка».[18]

В конце 50-х годов все отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия «собирательской» деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. За более чем столетний период со времени выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858) русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы по диалектной лексике и фразеологии. Эти материалы были частично опубликованы, но в основной своей

---

[17] См.: Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров», с. 13—38.

[18] ВЯ, 1973, № 2, с. 3—12.

части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Между тем без привлечения в круг исследования всего богатства русского диалектного словаря становилось невозможным дальнейшее исследование исторической лексикологии русского и других славянских (и шире — индоевропейских) языков. Привлечения диалектных данных требовали и этимологические разыскания. Так возникает идея создания сводного «Словаря русских народных говоров». Подготовка такого словаря — дело принципиально новое не только в русском, но и в мировом языкознании. Оно нуждалось прежде всего в разработке принципиальных теоретических и методических основ словаря. В ноябре 1958 г. Ф. П. Филин выступает с докладом о задачах и принципах «Словаря русских народных говоров». В дальнейшем Ф. П. Филин развивает идеи словаря в ряде статей, опубликованных у нас и за рубежом. В 1961 г. выходит в свет его «Проект „Словаря русских народных говоров“», ставший сразу же руководством по составлению Словаря.

Основные вопросы подготовки и составления «Словаря русских народных говоров» изложены Ф. П. Филиным в этом «Проекте». Наиболее важными вопросами в теоретической части «Проекта» являются обоснование разных типов диалектных словарей и возможности создания только дифференциального сводного словаря (по теоретическим и практическим соображениям). Теоретически важным и новаторским является определение Ф. П. Филиным категории диалектного слова, характеристика его отличий от других категорий лексики общенационального языка. Это было новым и важным шагом в истолковании целого ряда диалектных проблем. Проект «Словаря русских народных говоров» выходит за рамки лексикографического проекта в обычном понимании термина. Эта книга явилась значительным вкладом в развитие общей теории диалектной лексикологии и лексикографии. Достаточно сказать, что многочисленные диалектные словари, издаваемые у нас на материале говоров отдельных регионов, строятся на основе принципиальных положений, выдвинутых в «Проекте» Ф. П. Филина.

Ф. П. Филин сам составил первый выпуск областного словаря, в который вошли слова на букву «А», и является главным редактором «Словаря русских народных говоров» — грандиозного лексикографического предприятия, значение которого для языкознания, истории, этнографии, фольклористики и ряда других наук трудно переоценить.

В ходе дискуссии и после нее подверглись обсуждению многие проблемы диалектной лексикографии, оттачивалось понимание многих сторон составления областных словарей и прежде всего углублялась характеристика различных типов диалектных словарей. Ф. П. Филин отмечал, что полный словарь говора (теоретически возможен только полный словарь одного говора) пред-

ставлял бы собой свод всех употребляющихся в говоре слов, как общенародных, так и локально ограниченных. Это обстоятельство дало бы возможность представить системное описание лексического состава говора, наметить многообразные связи и отношения между словами, проследить процесс развития системы значений, выделить пласты лексики, различающиеся по активности употребления, показать стилистическую дифференциацию словарного состава диалекта и т. п.

Что касается сводного областного словаря типа «Словаря русских народных говоров», то такой словарь может быть только дифференциальным и по теоретическим, и по практическим соображениям, ибо никакой единой лексической системы он представлять не может; он ориентирован на словарный состав различных, хотя и близкородственных лексических систем. В этом словаре будет представлена только часть лексики говоров. Все то, что является общим для говоров и литературного языка, остается за пределами словаря. Поэтому системные связи и противопоставления, «цепные связи и сочетания слов» не будут представлены в нем в полном объеме. Но вместе с тем сводный областной словарь дает возможность: а) установить границы распространения каждого слова (конечно, с относительной полнотой и точностью); б) выявить слова, характерные для одного диалекта и для ряда говоров; в) наглядно представить отличия в значениях и употреблениях слова по разным говорам; г) устранить необходимость повторения многих слов в одних и тех же значениях, чего не избежать при составлении диалектных словарей одного региона. «Словарь русских народных говоров», выполняя историко-лексикологические задачи, обобщает основные запасы русской диалектной лексики и фразеологии, собранные поколениями русских диалектологов за более чем 170-летний период, с начала XIX в. до наших дней. Он приобретает такое же значение, как и исторические словари русского языка, как и толковые словари современного русского языка.

Сбор и накопление материалов для областных словарей, лексикографическая обработка диалектной лексики выдвинули целый ряд проблем общего и частного характера, обсуждение которых выливается в подготовку большого количества исследований, посвященных тем или иным вопросам диалектной лексикологии. Были защищены десятки диссертаций, опубликованы сотни статей и заметок, затрагивающих самые различные стороны диалектной лексикологии. Диалектная лексика изучалась с точки зрения ее состава и происхождения, изменения и развития в новых социальных условиях; ставились и обсуждались вопросы взаимоотношения диалектной и литературной лексики, особенности функционирования отдельных лексических пластов в условиях возросшего воздействия литературного языка на местные говоры и другие вопросы. Так отчетливо вырисовываются контуры современной диалектной лексикологии как особой отрасли диалектологии со своей проблематикой и своими методами исследования.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров

Для современного языкознания характерно изучение языка, в том числе его лексического состава, как внутренне организованной совокупности элементов, связанных устойчивыми многосторонними отношениями. Язык рассматривается как система, составляющие элементы которой оказывают друг на друга взаимное влияние. Общепринятым стало такое рассмотрение и диалектной лексики.

В исследованиях Р. И. Аванесова, Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, Л. И. Баранниковой, Н. И. Толстого и других русских диалектологов подчеркивается, что изучение системных отношений в словарном составе местных говоров является одной из первоочередных задач диалектной лексикологии. Эта проблема особенно остро встала в связи с началом работы над диалектными словарями, которая развернулась в СССР с конца 1950-х годов. Подготовка материалов для областных словарей, лексикографическая обработка диалектной лексики поставили диалектологов перед необходимостью изучать лексику народных говоров с точки зрения ее состава и структуры, изменения и развития в новых социальных условиях. Важнейшее значение приобретают проблемы слова как элемента лексико-семантической системы говора, проблемы эмоционально-экспрессивной и стилистической дифференциации областной лексики, проблема тождества и отдельности слова. «Поскольку в языковом сознании слова противопоставлены друг другу и взаимосвязаны, они, очевидно, образуют системы, которые в формальном отношении аналогичны морфологическим системам».[1]

В более конкретном преломлении эти отношения проявляются в объединении слов по тематическим и лексико-семантическим группам, в явлениях синонимии и антонимии, омонимии и многозначности, в родо-видовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики, варьировании, стилистической диф-

[1] Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, с. 111.

ференциации, в делении лексики на активный и пассивный запасы и т. п. Здесь намечается параллелизм между лексической системой литературного языка и системой лексики говора. Однако в отличие от лексико-семантической системы литературного языка лексико-семантическая система диалекта характеризуется более тесной связью с возрастной дифференциацией носителей диалекта, наличием большей вариативности, большей подвижностью и проницаемостью, которая связана с воздействием разных форм национального языка (прежде всего литературного языка), другим содержанием синхронного среза.[2] Так, например, считается, что об одной системе диалекта можно говорить только в том случае, если имеются в виду языковые факты, не выходящие за пределы жизни одного поколения. Словарный состав говора, как правило, богат архаическими элементами и активно взаимодействует с лексикой соседних говоров и языков. Поэтому исследование системных отношений в лексике народных говоров связано с определенными специфическими задачами и проблемами.

Исследовать лексику диалекта как систему — это значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических и лексико-семантических групп, изучать вопросы варьирования, исследовать семантические и экспрессивно-стилистические связи, отношения и оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, антонимии, омонимии, в отношениях общего и частного, в различной сфере употребительности; это значит исследовать связи и отношения активного и пассивного запасов лексики, слов диалектных и общенародных, терминологической (специальной) и нетерминологической (неспециальной) лексики.

В лексике диалекта отмечаются широкоразвитая синонимия, антонимия, полисемия, формальное варьирование слова и другие явления, характеризующие словарный состав как систему. В словарном составе диалекта функционируют целые тематические и лексико-семантические группы, пронизанные различными видами системных отношений. Охватывающие весь лексический состав парадигматические и синтагматические отношения, так же как и другие виды системных отношений, отчетливее всего проявляются как раз в этих группировках лексического состава, которые выделяются на основе различных связей слов, входящих в них. Лексико-семантическую группу можно считать своеобразной микросистемой, а словарь диалекта в целом предстает как система большего порядка, объединяющая эти микросистемы, которые взаимодействуют друг с другом, противопоставляются друг другу. Слож-

---

[2] См. об этом: Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967; Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка. — В кн.: Общее языкознание. (Формы существования, функции, история языка). М., 1970; Осовецкий И. А. О составлении региональных словарей. — ВЯ, 1961, № 4, и др.

ность и многообразие этих отношений и составляют во многом суть системных отношений лексики диалекта.

Русская диалектология в настоящее время располагает большим количеством работ, посвященных исследованию диалектной лексики по тематическим группам и лексико-семантическим объединениям. Начало такому изучению диалектного словаря было положено «Исследованием о лексике русских народных говоров» Ф. П. Филина (М.—Л., 1936). С тех пор многие тематические разряды лексики русских диалектов явились объектом специального изучения. Эти исследования позволяют изучать русский диалектный словарь в самых различных аспектах.

Одной из задач диалектной лексикологии является исследование сложных взаимоотношений общенародного и местного (диалектного) фонда в системе диалектного словаря. Давно уже установлено, что в словарном составе диалекта выделяются два пласта — слова общенародные и диалектные, или областные.[3] Это деление отражает объективную картину состояния словаря диалекта с точки зрения его соотношения с другими формами национального языка. При этом многие исследователи подчеркивают, что основу словарного состава любого диалекта составляют слова общенародные, общие для всех говорящих по-русски. Своеобразие лексических систем говоров создается неповторимым сочетанием диалектных и общенародных лексических элементов, их взаимопроникновением и взаимовлиянием.

Доля общенародных лексических элементов в лексических системах современных говоров постоянно и неуклонно увеличивается. В этом сказывается прежде всего влияние литературного языка на диалектную речь. В лексике, как наиболее подвижном и проницаемом уровне языка, легче происходит включение, проникновение одной системы в другую.

Вопросы синонимии в лексике русских народных говоров привлекали внимание многих исследователей (см. работы Ф. П. Филина, Л. И. Баранниковой, Т. С. Коготковой, М. А. Тарасовой, И. С. Лутовиновой, О. И. Блиновой, Н. Я. Лукьяновой и др.). В лексической синонимии народных говоров намечается много общего с синонимией в лексике литературного языка, однако многое здесь характерно для диалектной системы. Исследователи отмечают богатство синонимов, и прежде всего словообразовательных синонимов, в говорах. Так, например, в псковских говорах для обозначения неопрятной, неаккуратной женщины имеется более двадцати наименований, полностью совпадающих по смыслу: *грязновка*, *грязномазка*, *грязноноска*, *грязнопятка*, *грязнуха*,

[3] В последнее время появляются попытки уточнить эту схему. Ср., например, выделение в лексике диалекта общерусских слов, слов диалектно-просторечных и диалектных, или областных, в кн.: Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.

замарашка, *маза*, *мазила*, *непоряха*, *опущенка*, *растрепа* и др. Все слова, входящие в этот синонимический ряд, совпадают не только в значении, они не различаются также и в стилистическом и эмоционально-экспрессивном планах.[4] Богатство синонимов-дублетов в говорах отмечали Л. И. Баранникова, Л. А. Грузберг, Т. С. Коготкова, Р. В. Херольянц, В. М. Кретова, О. И. Блинова и др. Привлекает внимание широко развитая система словообразовательных синонимов: *боронование*, *боронитва*, *боронитьба*, *боронье*; *блестящий*, *блесняющий*, *блестющий*, *блестявый*, *блестястый*, *блестяющий* — в псковских говорах.[5] Причем наблюдается нейтрализация, десемантизация суффиксов субъективной оценки, и словообразовательные синонимы теряют различия в эмоционально-стилистическом плане, они образуют разряд так называемых абсолютных синонимов.

Последнее десятилетие внесло много в изучение функционально-стилистической дифференциации диалектной лексики. И хотя сведения о стилистической дифференциации словарного состава народных говоров еще чрезвычайно бедны, случайны, а иногда и противоречивы, теперь уже никто не утверждает, что лексика диалекта в стилистическом отношении однородна, что в говорах реализуется только обиходно-бытовой стиль национального языка. Исследователи выделяют целый ряд разновидностей диалектной речи.[6] Так, Л. И. Баранникова говорит о трех функциональных разновидностях диалектной речи: разговорно-бытовой речи, народно-поэтической и «элементах публичной речи».[7] Другие исследователи идут дальше и намечают в системе говора такие функциональные стили, как обиходно-разговорный, профессионально-технический, официально-деловой, публицистический и народно-поэтический.[8]

Видимо, однако, нет достаточно серьезных оснований для признания такой широкой функционально-стилистической дифференциации диалектной речи. Но даже если не разделять полностью убеждения Б. А. Ларина в том, что «богатая гамма стилистических тонов и полутонов словоупотребления присуща диалектам, как и литературному языку», что «основные стилистические категории народной речи и литературного языка анало-

---

[4] Тарасова М. А. К вопросу об особенностях диалектной синонимии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1969, с. 279—283.

[5] Там же.

[6] См. работы Б. А. Ларина, Л. И. Баранниковой, А. П. Евгеньевой, Л. М. Орлова, О. И. Блиновой, Т. С. Коготковой и др.

[7] Баранникова Л. И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 2. Саратов, 1965, с. 145.

[8] Орлов Л. М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах. Опыт социолингвистического исследования на материале донских и волжских говоров. Автореф. докт. дис. Волгоград, 1969.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

гичны и соотносительны»,[9] сейчас уже нельзя отстаивать положение о стилистической одноплановости диалектной лексики. В говоре выделяются элементы, различающиеся в функциональном, возрастном, социальном отношении, различающиеся по линии: старое (отмирающее) — новое (появляющееся, утверждающееся).

Слово как элемент лексико-семантической системы диалекта вступает, таким образом, в различные отношения с другими словами. Эти отношения намечаются по различным линиям, далеко не полностью перечисленным здесь. Это принимается всеми исследователями диалектной речи. Значительно меньше единодушия наблюдается в вопросе о том, как проявляются эти отношения в словарном составе отдельного говора и в лексике всей совокупности говоров данного языка. В связи с этим встает вопрос о характере междиалектных взаимоотношений и взаимосвязей. Давно установлено, что диалектные системы, в том числе и на лексическом уровне, обладают как чертами, общими для всех диалектов, так и чертами, отличающими один диалект от другого.

Из этого положения делаются различные выводы. Одни исследователи считают, что тождественность одних черт и дифференциальность (различность) других дает основание говорить о русском языке в «территориальном аспекте» (т. е. о совокупности всех диалектов русского языка) как о «сложной системе или системе частных систем».[10] Все народные говоры рассматриваются как единое целое, подводятся под понятие «диалектный язык». Появляются работы, в которых делаются попытки описания этого языка. Так, по словам авторов «Русской диалектологии», эта книга «является опытом синхронного описания русского диалектного языка в его современной структурно-территориальной дифференциации».[11] Диалектный язык рассматривается здесь в оппозиции к диалектам (ср.: «Диалектология — это наука о диалектном языке и диалектах»).[12] Диалектный язык признается такой же реальностью, как и литературный язык: «Диалектный язык существует в многообразии территориального варьирования своей структуры».[13] «Под диалектным языком имеется в виду язык в его в принципе бесписьменных формах в любом пункте территориального распространения».[14] Этой «реальности» приписываются черты и признаки системы, в ней вскрываются системные связи и отношения. Правда, система эта представляется сложной и многообразной. Во взглядах сторонников идеи «диалектного языка» как определенной, пусть сложной и многообразной,

---

[9] Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961, с. 258.

[10] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 10.

[11] Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Изд. 2-е. М., 1965, с. 4.

[12] Там же, с. 7.

[13] Там же.

[14] Там же, с. 8.

системы легко обнаруживаются несогласованности и противоречия. С одной стороны, утверждается, что «русский диалектный язык в его пространственной проекции представляет сложное единство в многообразии» (разрядка наша,—*Ф. С.*).[15] С другой — «на любой территориальной точке он обладает своей системой».[16] Этим по существу снимается ранее выдвинутое положение о диалектном языке как определенном целом. Так называемый диалектный язык реализуется в «многообразии территориального варьирования своей структуры»[17] и «представляет собой сложную структуру диалектных микросистем и макросистем различных степеней».[18] Таким образом, понятие «диалектный язык» оказывается фикцией, имеющей право на существование, если признавать диалектные системы частными территориальными вариантами (отклонениями) от общенародного (национального) языка.

Под диалектом следует понимать «местные разновидности языка в отличие от литературного языка, с которым они сохраняют связь и с которым, как правило, конкурируют в каждой отдельной местности».[19] Поэтому многие исследователи не считают возможным говорить о наличии какой-либо системы в отношении всех говоров русского языка, ибо реально существуют и функционируют лишь отдельные, частные диалектные системы. Если под системой понимать «единое (реальное) языковое сознание определенного коллектива в определенный момент» (Л. В. Щерба), то диалектную лексическую систему надо связывать с отдельным говором, ибо «каждый архаичный говор представляет собой относительно замкнутую систему, в которой и реализуется живое слово во всем многообразном функционировании. Тульское *скородить* и владимирское *волочить* — не синонимы, так как не взаимосвязаны в реальной языковой действительности, не употребляются в речи одного и того же коллектива. Эти слова — слова разных лексических систем».[20] В связи с этим представляются неоправданными и неприемлемыми довольно настойчиво вводимые в научный оборот понятия «междиалектных синонимов», «междиалектных вариантов слова» (О. И. Блинова, Л. М. Майданова и др.). Идентификация лексических вариантов требует наличия единой языковой системы и четкого понимания степени смысловой общности вариантов. Но если речь идет не об одном говоре, а о многих, хотя и родственных, нет никаких оснований говорить о единой

---

[15] Вопросы теории лингвистической географии, с. 9.
[16] Там же.
[17] Русская диалектология, с. 7.
[18] Там же, с. 11.
[19] Пизани В. Итальянские диалекты в историческом аспекте. — ВЯ, 1973, № 6, с. 3.
[20] Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 330.

системе. Вариант обязательно предполагает момент субституции и возможность выбора. Разнодиалектный материал такой возможности не представляет. Иногда ссылаются на А. И. Смирницкого, пытаясь обосновать понятие «междиалектные варианты», «междиалектные синонимы». Но А. И. Смирницкий, говоря о сохранении тождества общерусского слова, выступающего с определенными формальными модификациями в русских говорах, рассматривал общерусское слово и его диалектные варианты, исходя из соотношений общенародного языка и его ответвлений — диалектов. Между этими формами национального языка всегда существовали и существуют разнообразные взаимоотношения и взаимовлияния. Поэтому А. И. Смирницкий был прав, утверждая, что междиалектные границы не являются препятствием для сохранения тождества слова.[21]

Случаи столкновения в системе одного говора соотносительных слов (междиалектных эквивалентов), бытующих в разных говорах, вовсе не говорят в пользу существования единой системы «диалектного языка». Здесь возможны две различные ситуации: а) слово, пришедшее из другого диалекта, полностью осваивается данным говором и становится элементом его лексической системы; б) слово другого диалекта не вошло в словарный состав данного говора и известно носителям его именно как слово другой лексической системы. В первом случае это слово употребляется наравне с «исконными» словами говора, во втором — к нему относятся как к «чужому» слову. Нельзя удержаться от искушения повторить пример, приводимый О. И. Блиновой, но для доказательства положения, противоположного отстаиваемому ею: «Сетник плетет сети. Есть которы мизгирь зовут, но это не у нас. Везде по-разному: у нас так, в другим месте иначе (Омская обл., Тарский р-н, д. Заливина, 1952 г.). Раньше руками молотили, молотилы назывались. Цепами расейски называли (Омская обл., Тарский р-н, д. Чекрушево, 1952 г.). Поговорка-то разна, разговор разны. В той деревне так „лонись“ говорили, прошедши год, видно».[22]

Трудно найти более яркое свидетельство того, что разнодиалектные слова не взаимосвязаны в реальной языковой действительности, не употребляются в речи одного и того же коллектива, чем эти свидетельства самих носителей говоров.

«О дублетах и синонимических отношениях между словами возможно говорить лишь тогда, когда они входят в одну лексическую систему, не осознаются как слова чужого говора, являются равноправными или, точнее, почти равноправными именами лек-

---

[21] См.: Смирницкий А. И. 1) К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952; 2) К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»). — Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. 4.

[22] Блинова О. И. Об отдельности слова в диалектном языке. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, с. 12.

сической системы говора»,[23] — пишет Л. И. Баранникова. Это относится не только к синонимическим отношениям, а ко всем явлениям, составляющим понятие системные связи и отношения. Аналогичное положение наблюдается в лексическом составе литературного языка, где не признаются синонимами слова, относящиеся к различным историческим эпохам (*заявление — прошение — челобитная*), слова, принадлежащие различным областным говорам (*брюква — бухва — калега*). Синонимичными друг другу являются слова, которые представляют неотъемлемую часть словарного состава одной языковой системы.

Не случайно поэтому слова, близкие или тождественные по значению, но распространенные в разных говорах, признаются не синонимами, а «лексическими параллелями», «эквивалентами»,[24] «синонимическими соответствиями» [25] и т. п.

Это же, как отмечает Ф. П. Филин, относится и к многозначности, которая проявляется только в пределах «одного говора (или группы близких говоров)»,[26] и ко всем другим явлениям, характеризующим существование диалектного слова.

Однако замкнутость отдельных говоров не является абсолютной. Диалектные системы в своем развитии и функционировании всегда зависят от системы того языка, в которую они входят, являясь ее вариантами. Эта зависимость проявляется и в процессе междиалектных контактов.[27]

Открытость диалектной системы приводит к возникновению общих звеньев у целого ряда родственных диалектных систем, причем общими оказываются не только те черты, которые свойственны всем диалектам данного языка и самому языку, но и те, которые не являются таковыми, т. е. те, которые являются сугубо диалектными.[28] Основные причины таких совпадений лежат или в генетических связях всех диалектов данного языка, или связаны с их взаимодействием и взаимовлиянием в процессе дальнейшей истории.

Справедливо положение о том, что «единство русского языка сказывается в общности решающих элементов грамматического строя, ряда принципиальных моментов фонетической системы. . .

---

[23] Баранникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных единиц в современных народных говорах. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 248, 1963, с. 392.

[24] См. об этом: Омельченко Л. И. Из наблюдений над синонимической лексикой в говорах Иркутской области. — Тр. конференции по итогам научно-исследовательской работы преподавателей за 1965 г. Иркутск, 1966, с. 35—36.

[25] Лутовинова И. С. Синонимы и лексические параллели в названиях кушаний. (На материале псковских говоров). — В кн.: Псковские говоры, вып. 2. Псков, 1968.

[26] Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей. . ., с. 330.

[27] См. об этом: Баранникова Л. И. Русские народные говоры. . ., с. 39—42.

[28] См. там же, с. 42—43.

так называемого основного словарного фонда — при наличии более или менее существенных специфических различий во всех элементах строя языка в разных территориальных и функционально-стилистических разновидностях».[29] Из этого делается вывод о том, что «русский язык как целое образует не простую сумму выделяемых с той или иной точки зрения своих разновидностей, четко разграниченных между собой, представляющих внешние друг к другу объекты, а систему взаимно проникающих разновидностей».[30] Последнее верно лишь отчасти. С точки зрения генетической в различных говорах русского языка много общего, среди массы фактов, относящихся к характеристике различных говоров, оказывается «бесконечное множество повторяющихся, так как, хотя каждая местность имеет свои особенности, на территории одного языка часто встречаются одни и те же явления и типы явлений».[31]

Разные говоры одного и того же языка образуют определенную «систему» (сложную и многообразную систему) и в отношениях между собой, и в отношениях с литературным языком. Это является проявлением их исторической общности, единства их развития в условиях взаимодействия друг с другом и с литературным языком. В условиях многообразных и все расширяющихся контактов нельзя полностью исключать возможность влияния одного говора на другие (влияния непосредственного или опосредованного); все говоры находятся под постоянным и все более возрастающим влиянием литературного языка, что ведет к возникновению общих тенденций и закономерностей языкового развития в народных говорах.

«Поскольку диалектное слово распространено хотя и в различных, но в близко родственных говорах единого русского языка, его значения составляют единую семантическую структуру (если не произошло распадения на омонимы), позволяющую говорить об одном, а не о нескольких словах. Самостоятельно возникшие в разных говорах значения диалектного слова всегда имеют один исходный источник (одно исходное значение), поэтому соотносятся друг с другом независимо от того, сохраняется непосредственный контакт между говорами или он утрачен»,[32] — пишет Ф. П. Филин. Действительно, в лексико-семантических изменениях, протекающих в разных говорах, хотя и не соприкасающихся друг с другом, могут оказываться закономерности, имевшие место еще в общем языке до его дифференциации. «Генетически связанные наречия обнаруживают сходные, если не идентичные тенденции развития в течение значительного времени после распадения

---

[29] Вопросы теории лингвистической географии, с. 7.

[30] Там же.

[31] Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 55—56.

[32] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 148.

их общего „праязыка“. . . их системы и, следовательно, недостатки их систем имеют много общего».[33] Широкое включение слов литературного языка в лексические составы диалектов в наше время делает отдельные диалектные лексические системы все более близкими. Заметно увеличивается доля терминологической лексики, общей для всех русских диалектов и литературного языка, возрастает число литературных слов неспециального значения во всех диалектах. «Воздействие литературного языка, — пишет Л. И. Баранникова, — определило и характер изменения некоторых внутренних особенностей лексической системы, способствовало затуханию одних и усилению других тенденций. Возможность такого воздействия определялась связью диалектных лексических систем и системы литературного языка, обусловленной тем, что все они выступают как подчиненные, частные варианты реализации общеязыковой системы».[34] Это приводит к тому, что намечается общий характер изменений, происходящих в диалектах (общие тенденции в развитии внеязыковой действительности отражаются в общих тенденциях развития лексических систем диалектов).

Открытость диалектной системы приводит к большей проницаемости ее, наблюдаемой на всех уровнях диалектной системы, но особенно сильно и заметно — на лексическом уровне. Последнее обстоятельство приводит к развитию вариантности внутренней структуры диалекта, к появлению значительного количества сосуществующих тождественных элементов. Все это приводит в конечном итоге к тому, что различные диалектные системы одного языка имеют много общих черт и закономерностей.

Русские народные говоры вообще характеризуются большой общностью основных особенностей, определяющих структуру диалектных систем.

Итак, словарный состав каждого говора (диалекта) представляет собой относительно замкнутую систему. Эта замкнутость проявляется и в определенном наборе лексем, и в отсутствии в данном говоре тех или иных слов общенародного характера или слов, входящих в лексическую систему других диалектов, и в том, что данный диалект обладает определенным, присущим только ему смысловым объемом слов, своеобразием их стилистического и эмоционально-экспрессивного употребления (одни и те же предметы имеют разные наименования, а разные предметы получают одинаковое название). Иногда именно на этом основании противопоставляется один говор другому.

С другой стороны, эти диалекты образуют определенную общность, которая проявляется в наличии общих лексических, фонетических и грамматических черт у ряда или у всех диалектов. Эта общность является проявлением генетического родства диалек-

---

[33] Баранникова Л. И. Русские народные говоры. . ., с. 120.
[34] Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы, с. 56.

тов, их взаимосвязей в процессе исторического развития, влияния на все говоры литературного языка.

Надо различать две ситуации: а) противопоставление — общенародный (литературный) язык — народные говоры; б) междиалектные оппозиции и противопоставления.

В первом случае с точки зрения общей лексикологии русского языка народные говоры можно противопоставлять как относительно целое литературному языку; говоры в этом случае рассматриваются как ответвления от языка общенародного, ответвления, находящиеся в постоянных связях и взаимоотношениях с ним. Во втором случае диалекты предстают как языковые системы, противостоящие друг другу; на первый план при этом выдвигаются различия, а не общие черты говоров. Недаром даже сторонники так называемого диалектного языка признают, что «диалектный язык» различен на разных территориях своего употребления.

Особенности функционирования слова в речи, полноту его семантической структуры, особенности соотношения лексического значения с внеязыковой действительностью, многообразные лексико-семантические связи и оппозиции слов (отношения синонимии, антонимии, родо-видовые отношения, мотивацию и словообразовательные связи и т. д., т. е. все, что составляет понятие системных отношений) можно показать только на языковом материале одного говора. Хотя и это не легко. Дело в том, что говор, как самая мелкая, частная единица «диалектного языка», имеет достаточно сложную и многообразную структуру.

Вспомним положение А. Мейе о том, что «говоры вовсе не обладают тем единством, которое им было приписано a priori. Жители одной и той же, пусть маленькой, деревни говорят по-разному в зависимости от возраста, профессии, социального положения и пр. Не все являются местными уроженцами, не все могут с одинаковой верностью сохранять местные особенности речи. Если описание местного говора учитывает все эти индивидуальные различия, оно становится слишком сложным и из него трудно извлечь какую-нибудь пользу для сравнения. Если же эти подробности не учитываются, мы не получаем правильного представления о состоянии говора: многие факты произвольно упрощаются и скорее называются, чем описываются».[35]

Все это делает чрезвычайно сложной и трудной задачу воссоздания и описания системных отношений в словарном составе даже одного диалекта.

---

[35] Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании, с. 55—56.

24

Г. П. КНЯЗЬКОВА

К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов

Общепризнано, что русские народные говоры являются одним из источников пополнения словарного состава русского литературного языка. Это убедительно показано в многочисленных исследованиях данной проблемы на материалах русского языка второй половины XIX—XX столетий, времени, для которого характерны сформировавшиеся письменный литературный язык и литературно-разговорная форма его существования, т. е. создались важнейшие условия отграничения лексики разговорной речи от словарного состава диалектов. Собран весьма значительный материал по лексике русских народных говоров, в значительной мере прошедший стадию лексикографического обобщения. В результате установлен диалектный источник ряда слов и групп слов в составе литературного языка. Выявлено, что русский литературный язык, его словарный состав обладают возможностями принятия не только однозначных диалектных слов (например, слов-названий бытовых реалий, явлений природы, форм рельефа или слов-названий растений и т. д.), но и слова в одном из присущих ему в народных говорах значений. Выявлена роль разговорной речи как промежуточной среды, в которой раскрываются семантические и стилистические возможности теряющего локальную ограниченность слова. Показана преимущественная возможность вхождения в словарный состав литературного языка слов широкого диалектного ареала.

В отношении более ранних периодов, и в частности времени сложения русского литературного языка нового времени (XVIII в., предпушкинская пора), проблема взаимоотношения литературного языка и диалектов пока лишь ставится в последних исследованиях по исторической лексикологии. Разработка ее затруднена недостаточностью знаний о словарном составе русских диалектов того времени, равно как и скудостью сведений о диалектах русского средневековья.

Исследование диалектной лексики русского языка XVIII в. в ее взаимоотношениях с лексикой русского литературного языка

требует особого подхода. Приемы выделения диалектизмов обусловлены исторически. Здесь всегда нужно учитывать присущее этому периоду соотношение форм существования русского языка, специфику их общественных функций, особый характер границ между общим и диалектным. Вместе с тем при историческом исследовании методика изучения всегда отражает степень изученности языка в разных формах его существования, в памятниках разных жанров, стилей, тематики.[1]

При выделении диалектизмов для этой поры, как, впрочем, при любом историческом исследовании диалектной лексики, первостепенное значение имеют свидетельства самого того времени. В нашем случае это данные о генетической принадлежности групп слов и отдельных слов. Объективными показаниями здесь следует считать следующие.

I. 1) Соответствующие пометы (обл., областн., слово областное) в САР (в 1-м и 2-м изд.) или указания в нем на место употребления слова [2] или их отсутствие.

2) Наличие слова в диалектных словариках и записях XVIII в.

3) Комментарии к некоторым словам в русско-иноязычных и иноязычно-русских словарях о месте употребления. См., например, в Слов. Кондратовича: Komiega. . . комяга, лодка Волгская (с. 48); Zlotnik, robak. . . золотушник червь, по Сибирски (lapirus cindela) инако, золотарник, по Енисейски (с. 248); loni в прошлом году, лони, по Алонецки (с. 64).

4) Свидетельства современников о локальном характере слова в памятниках разных жанров (в описаниях путешествий, записках, дневниках, статьях в журналах и т. п.). Вот некоторые из них: Способ состоит в следующем: на всей окрестности леса посеять гречи, но сберегая чистую, а по здешнему ухвостьем, а по замосковски пыщем называемую, и оставить ее. . . на месте. Нечто о лесах (Экономический магазин, 1780, ч. 1, с. 360); Теперь ходили мы к шабру нашего хозяина (так называют здесь соседей) смотреть старуху, о которой говорят, будто бы ей более ста лет (Пут. в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. М. Невзорова. М., 1803, с. 97);[3] Не успели мы выехать в лес и на одну поляну, наполненную множеством высоких пней, каких везде в тамошней местности много и каковые места называют там [4] суками, как появился заяц и началась травля (Болотов, Зап., 1, с. 67); Сначала в Гурьеве была чрез всю средину реки Яика заплота или заго-

[1] См.: Мжельская О. С. Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности. Методика выделения диалектизмов в памятниках этой поры получает здесь обоснования. — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963.

[2] Подробней см.: Князькова Г. П. О диалектной лексике в русском языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. (От Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 111—114.

[3] В с. Осташиха Нижегородской губ.

[4] В Псковской губ.

родка, по их называемый учуг, для того чтобы рыба вверх не проходила (Зап. капитана Маврина. 1774. — Памятники новой русской истории, т. II, с. 251); Оне сидят. . . в лубочных лавочках, которыя там [5] называются балаганами (Лопухин, Зап., 1810, с. 78).

Собирание такого материала только начинается. И пока что нет возможности проверить таким способом значительную массу слов и тем более хотя бы приблизительно определить границы употребления диалектного слова.

5) В памятниках, разнообразных в жанровом и тематическом планах, нередки так называемые неосознанные авторские диалектизмы. Благодаря специфической проницаемости стилистических систем они встречаются даже в наиболее консервативном «высоком штиле»,[6] а также в жанрах среднего и низкого стилей.[7] См., например, диалектные слова у Крашенинникова, Ломоносова, Болотова: Есть обычай в здешних местах всяких родов ягоды в зиму запасать, а именно: морошку, голубель и жимолостник (Крашенинников, Опис. земли Камчатки, с. 690); Давно изгага всем читать твои синички, Дорогу некошну, вонючие лисички (Лом., Зубрицкому); А дабы текущая чрез ее и вниз стремлением упадающая вода не выбивала бучила. . . то делается в самом низу подле стены рубленой из бревешек закром или сусек (Сельский житель, ч. 1, с. 200. — Статья Болотова).

Учитывая, в какой местности родился, вырос и жил писатель, ученый, автор произведения, исследователи получают интересный и необходимый материал. Именно на основании такого материала говорят о поморских словах Ломоносова, северорусизмах Крашенинникова, южнорусизмах Болотова.

Можно также наблюдать намеренное использование авторами местных слов, связанное со стремлением точной номинации. См. примеры такого рода у Крашенинникова, Радищева: У оных мужиков построен был на отпрядыше крепкой острожек (Крашенинников, Опис. земли Камчатки, с. 75); Тут елани великия для пашни, но мало пашут и не промышляют (Радищев, Дн. пут., 1797, с. 304).

Эти случаи также представляют определенный интерес и могут быть использованы при установлении диалектной окраски лексики.

II. При определении локальной прикрепленности слов нередко приходится опираться на данные диалектных словарей и записей более позднего времени (словари второй половины XIX в., фиксации XIX—XX вв., имеющиеся в Картотеках СРНГ или БАС), т. е. пользоваться ретроспективным методом. Им в свое время пользовался еще Я. Грот, комментируя диалектные слова, встреченные им у Державина. См.: По Волге и по воложке здесь учредил я в лодках из жителей пикеты (примечание Я. Грота: Воложками называются отделяющиеся островками от главного

[5] В Вятке.

[6] Попов И. А. К вопросу о диалектизмах в языке Ломоносова. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. 24, вып. 5, 1969, с. 421—426.

[7] Князькова Г. П. О диалектной лексике в русском языке XVIII в.

русла узкие рукава Волги) (Држ., Письмо Щербатову, 1774. — Соч., V, 1876, с. 74); [Ф у ф ы р к и н:] (*Заглядывая в творило, тихо.*) Все туды сошли долой. [С т а р о к о п е й к и н:] Ох! Неужли домовой. . . [С и д о р о в н а:] Пробежал меж нас избой! [П и в к и н:] Будто вихорь шемелой (примечание Я. Грота: Шемела, или шемело — помело, метла. — Обл. Словарь) (там же, IV, с. 469).

В тех случаях, когда принадлежность слова определенному говору для Грота сомнительна, он только объясняет значение слова: [Караульщикам] обошедши вкруг жила, выходя все улицы, особливо места подозрительныя, каковы качугуры и тому подобныя, чрез село содтись из улиц на том же месте (примечание: Или кочегуры — большия холмообразныя возвышения (там же, V, с. 124); [Пугачев] в случае побегу искать своего спасения вознамерится на Иргизе — Узене в тамошних мурчугах или у раскольников (примечание: Мурчугами, или правильнее морчугами (от морцо), называются наполненныя водой ямины на берегах реки или озера, глухие рукава и т. п. (что местами называют ерик). Ср. у Тредиаковского: «Плыть по Москве-реке мурчугами. Не плывите мурчугами: я вам лучше советую ездить прямою дорогою» (Соч. Тред. СПб., 1849, т. III, Разговор о правопис., с. 242; там же, V, с. 11)).

Опыт исследований по исторической лексикологии показывает, что применение данного приема более эффективно в отношении группы устойчиво-диалектной лексики. См., например, севернорусизмы. отмеченные еще диалектной записью Яхонтова в 1734 г. и вошедшие в диалектные словари XIX—XX вв., такие как *благо* ‘много’, *болван* ‘деревянная птица-приманка’, *вервить*, *займище*, *кислы*, *курья*, *лонской*, *охитить*, *пимики* и др. Корректирующие материалы (данные, относящиеся к исследуемому периоду) нужны здесь для того, чтобы убедиться в устойчивости локальной ограниченности употребления слова. Для слов, в изучаемый период постепенно отходящих к периферии литературного языка, а в дальнейшем ставших достоянием народных говоров, таких как *двоенка*, *жило*, *истобка*, *закут*, *доскан*, *дымник*, *погода*, *утирка* и *утиральник*, *орать* ‘пахать’, *пошевенки*, *домовище* и др., такие данные следует рассматривать как финальную точку их продвижения в говоры. Целый ряд слов, на протяжении этого периода входящих в литературный язык из диалектов, отсутствует в диалектных словарях более позднего времени, хотя в них есть однокоренные слова или данное слово, но в ином значении. Все это отнюдь не бесполезно для исследования.

Все изложенное выше позволяет утверждать, что при современной степени изученности исторической диалектологии указанного периода мы вынуждены при определении диалектного характера слова пользоваться всей совокупностью знаний о локальной ограниченности его употребления, всеми крупинками знаний, попадающих в распоряжение исследователя. Но и при этом мы часто вы-

нуждены оставаться в области предположений. Ведь отнюдь не всегда в руках исследователя бывают сосредоточены сведения о локальной прикрепленности слова в XVIII—первой трети XIX в. и свидетельства более позднего времени. Значительно чаще данных того и другого рода недостает. Дальнейшее изучение памятников второй половины XVIII—первой трети XIX в., печатных и рукописных, с целью пополнения наших знаний о диалектах той поры предстает в этом свете как насущная необходимость.

Сказанное выше можно проиллюстрировать на примере слов, предположительно вошедших в русский литературный язык из диалектов во второй половине XVIII—начале XIX в.

Показательна в этом отношении история слова *кропотливый*. В современном русском литературном языке оно обычно в значении ‘требующий много внимания, усилий, терпения’ (*кропотливая работа*, *кропотливые поиски* и т. д.). Но оно встречается и в значении ‘вникающий в мелочи, усердный, но медлительный’ (о человеке). Но так было не всегда. Как свидетельствуют памятники, русский литературный язык второй половины XVIII в. не знал слова *кропотливый* в указанных значениях. Словари последней трети века русско-иноязычные (Росс. Целлариус; Слов. Нордстета и другие толковые, например, САР) фиксируют слово *кропотливый* ‘брюзгливый, ворчливый’, связанное по значению с однокоренными словами. См.: *кропот* ‘ворчание, брюзжание’, *кропотун*, *кропотунья* ‘тот, кто охотник брюзжать, ворчать’, *кропчу* ‘брюзжу, ворчу’ (САР[1], ч. 3, с. 970). Там же даются слова, производные от прилагательного *кропотливый*: *кропотливо* ‘с брюзжанием, с ворчанием’, *кропотливость* ‘брюзгливость; склонность, привычка брюзжать’. При глаголе *кроптать* в этом словаре дается помета «простонародное», относящаяся ко всему гнезду. В упомянутом выше Слов. Нордстета при словах данного гнезда дается помета vulg. (народное). Слова этого гнезда встречаются в памятниках разных жанров. Вот некоторые примеры: Увы, мне встретился врасплох Заимодавец кропотливый. Увы! меня он срезал с ног, Как будто ветрену кокетку муж ревнивой (Сатирический вестник, 1790, VIII); Сие утишит беспрестанное волнение в ея крови и произведет то, что она кропотливостью своею сама будет гнушаться (Трутень, 1769, с. 215); Великой князь сердился и кропотался (Порошин, Зап., 1764, с. 68); Сидоровна, разбирая чемодан, кропочется, а потом и перебранивается со Старокопейкиным (Держ., Дурочка умнее умных, 1794. — Соч., IV, с. 445).

Глагол *кропотаться* ‘ворчать’ встретился нам и в распространительном употреблении: Ветр наконец уж стал утихать; ревущее ж море Было подобно весьма человеку, сердившуся долго. . . Хоть кропоталось еще, но глухо (Тред., Тилемахида, 1766, т. 1, с. 102).

Можно предположить, что к концу XVIII в. слово *кропотливый* и все слова данного гнезда в указанном значении были свой-

ственны разговорной речи, но также и литературному языку, обладая разной степенью сниженности. У слов *кропотун*, *кропотунья* она была, по-видимому, более ощутимой, менее отчетлива она у глаголов *кропотать*, *кропотаться*. Прилагательное *кропотливый* и производные от него наречие *кропотливо* и существительное *кропотливость*, видимо, обладали ею в меньшей мере. Слов. 1847 фиксирует все слова этого гнезда в указанных значениях без помет, признавая тем самым их принадлежность нейтральному слою лексики русского литературного языка первой половины XIX в.

Итак, в первой половине XIX в. русский литературный язык для обозначения одного из свойств человека обладал тремя словами: *брюзгливый*, *ворчливый*, *кропотливый*, что, вероятно, и явилось причиной их семантического размежевания. В начале XIX в. слово *кропотливый* изредка встречается в памятниках в не зафиксированном словарями значении:

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Две были девушки-служанки, коих часть
Была с утра и до глубокой ночи,
Рук не покладывая, прясть.

(Крылов, Госпожа и две служанки, 1809).

В этом случае оно, вероятно, означало ‘хлопотливый, заботливый’. См. в известных стихах Пушкина:

Давно старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

(Вновь я посетил, 1835).

Значение слова *кропотливый* определяется в Словаре Пушкина как ‘ворчливый’. Но в данном случае, по-видимому, мы имеем дело со смысловым смещением: ‘ворчливый’ и ‘хлопотливый’.

Мы не располагаем сведениями о наличии слова *кропотливый* в русских народных говорах конца XVIII—начала XIX в. в значении ‘заботливый, хлопотливый’, но предполагаем его вхождение в русский литературный язык из этого источника. Нам представляется убедительным свидетельство Опыта 1852: *Кропотливый*. 1) Заботливый. Костр. Нерех. Новг. Тихв. (с. 93). Ср.: *Кропотун*. Хлопотун. Новг. Тихв. *Кропотунья*. Хлопотунья. Новг. Тихв. *Кроптаться*. 1) . . . Заботиться, тужить, беспокоиться. Вят. (там же).[8]

Вероятно, в этом значении слово *кропотливый* было распространенным в народных говорах. В материалах картотеки Свод-

[8] В Опыте 1852 и Дополнениях фиксируется диалектная лексика первой половины XIX в. См.: Балахонова Л. И. История составления Опыта областного словаря великорусского наречия и Дополнения к нему. — В кн.: История русской диалектологии. М., 1961.

ного словаря русских народных говоров фиксируется его наличие в говорах южнорусских. См.: *Кропотливый.* Хлопотливый, заботливый. Курск. Обоян. Машкин. 1859. По-видимому, это значение послужило основой для образования в слове *кропотливый* нового значения уже в русском литературном языке. По данным областных словарей и картотек, в значении ‘требующий много усилий, терпения, внимания’ слово это в народных говорах не встречается. Но именно в этом новом значении прилагательное *кропотливый* и производное от него наречие *кропотливо* можно встретить у писателей 50—60-х годов XIX в., как, впрочем, и с некоторыми остаточными нюансами значения ‘заботливый, хлопотливый’. См.: Какая причина этой кропотливой возни с самим собою? (Тургенев, Дневник лишнего человека, 1850); [Изменения] свидетельствуют нам о кропотливом мозаическом подборе фраз, о мозольном почти библиографическом труде, которого стоит г. Никитину каждая пьеса (Добролюбов, Стихотворения Никитина, 1860); [Татьяна Марковна] управляла [именем], как маленьким царством, мудро, экономно, кропотливо (Гончаров, Обрыв, 1869).

В значении ‘брюзгливый, ворчливый’ слово *кропотливый* примерно в то же время становится достоянием народных говоров.

А. ВИНЦЕЛЕР, О. ВИНЦЕЛЕР

Лексика с неполногласием и полногласием в разговорной речи[1] и фольклоре липован

Липоване представляют собой носителей «островных» русских говоров на территории современной Румынии и проживают более чем в 40 местах[2] страны. В одних районах они живут компактной массой отдельно или совместно с румынами, в других — изолированно.

С самого начала их обоснования в Румынии липоване были разделены на две большие группы: северные, группирующиеся вокруг главного центра их старообрядческой веры — Белой Криницы, и южные, обосновавшиеся в Добрудже, большей частью в дельте Дуная.

Жители большинства русских сел Добруджи являются также главным образом потомками беглых старообрядцев-раскольников.

Материалы, представляемые в данной статье, собраны авторами у южных липован, а именно в селах 2 Май (уезд Констанца), Каркалиу (Камень) (уезд Тулча), Писк (уезд Брэила) и Сарикёй (уезд Тулча).

Отделившись от родной южновеликорусской почвы в начале XVIII в. в силу определенных исторических причин, носители этих говоров жили более двух с половиной веков самостоятельно, вне влияния русского литературного языка. В настоящее время подъем цивилизации быстро ведет к нивелировке «островных» говоров в Румынии, к их растворению в окружающей неоднородной среде.

Остановимся на истории поселения русских старообрядцев в Румынии. Необходимо указать, что сторонники старой веры принимали активное участие в крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв. Социально-классовый характер русского раскола подчеркивали в своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс.[3] Это была клас-

[1] В сборе материала к разделу о разговорной речи принимал участие Кирилов Прикоп.

[2] V r a b i e. E. Privire asupra localităţilor cu graiuri slave din Republica Populară Română. — In: Romanoslavica, 1963, VII.

[3] М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. О религии. М., 1955, с. 203.

совая борьба, принявшая религиозную окраску, чем и объясняется живучесть раскола, просуществовавшего, несмотря на гонения, много лет.[4]

Непосредственное отношение к потомкам русских раскольников Румынии имеет, как оказалось,[5] восстание Кондрата Булавина, охватившее громадные территории Дона, Поволжья, часть Украины и центральные уезды России. После гибели Кондрата Булавина и поражения крупных сил восставших наибольшим авторитетом пользуется преемник Булавина — Игнат Некрасов. Некрасовское движение, о котором вплоть до последнего времени было мало известно, по социальному составу более едино, чем булавинское, и более продолжительно. В процессе борьбы с самодержавием Некрасов создал устойчивую общину. Стремясь спасти остатки восставших, Некрасов уводит свои отряды на левый берег Дона, а несколько позднее — на Кубань. Вместе с ним уходят почти поголовно жители многих донских городков. В дальнейшем к некрасовцам на Кубань продолжали бежать казаки с Дона, крепостные с Украины, из Воронежской, Курской, Орловской областей, т. е. мест, которые в официальных документах царского правительства учитывались как районы возникновения и наибольшего распространения сектантства.

На Кубани некрасовцы пробыли до 40-х годов XVIII в., а затем, под давлением царских войск, стали переселяться в Добруджу, находящуюся в то время, как и территория Кубани, под турецким владычеством.

В устье Дуная и на озере Разельм ими были построены села: Большие Дунавцы, Сарикёй, Журиловка. В настоящее время села Большие Дунавцы уже нет, а Сарикёй и Журиловка и теперь заселены русскими.

Позднее из-за столкновений с запорожцами, пришедшими в Добруджу после разгрома Запорожской Сечи в 1775 г., и из-за боязни прихода русских войск, которые в 80-е годы XVIII в. завоевали Крым, Измаил и подошли к Дунаю, большая часть некрасовцев переселилась в Азиатскую Турцию.

Ф. В. Тумилевич, на протяжении многих лет изучавший жизнь некрасовцев и их фольклор, считает, что на Дунае остались староверы, не принадлежавшие к некрасовцам,[6] которых стали называть «дунаками», или «липованами».[7] И все же между некрасов-

---

[4] Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964, с. 39.

[5] Подъяпольская Е. П. Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в XVIII веке. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. 5. М., 1957, с. 50.

[6] Тумилевич Ф. В. 1) Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961, с. 125; 2) Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961, с. 214.

[7] Этимологию слова «липоване» стремились установить многие исследователи (В. В. Антонович (Волков), С. Бредетский, П. Гырбовичану, В. П. Кельсиев, И. П. Липранди, Л. Мелькиседек, И. Нистор, И. Полек

цами и простыми раскольниками трудно провести границу, так как еще в начале некрасовского движения к ним присоединялись самые различные люди, недовольные государственным строем, о чем свидетельствует целый ряд источников. А при переселении некрасовцев в Азиатскую Турцию «известная часть некрасовцев осталась на западном берегу лимана Разина и в бабадагских горах в долине реки Славы».[8]

Самым старейшим и наиболее компактным поселением Добруджи считается с. Сарикёй. В середине XIX в. оно рассматривалось как одно из самых больших сел, в нем насчитывалось более 600 домов. По статистическим данным о русском населении Добруджи, в 1849 г. в нем указывалось 1000 домов. В настоящее время в этом селе более 6000 жителей. Ввиду того что Сарикёй расположился на берегу озера Разельм, здесь находится крупный рыбосдаточный пункт. Коллективное хозяйство села очень богато. Расположенное несколько особняком, село сравнительно мало до недавнего времени подвергалось влиянию румынского языка. Многие румыны, проживающие в Сарикёе, овладели липованским говором. Село 2 Май находится на берегу моря, примерно в трех километрах от черноморского курорта Мангалия. Число жителей около 3000. Липованским диалектом хорошо владеет лишь старшее поколение. Дети же на родном языке говорят плохо и обращаются к нему лишь при разговоре со старшими. Между собой они предпочитают пользоваться румынским языком, чему способствует учеба в школе. Неплохо владеют румынским языком и женщины, кроме пожилых. Село Писк расположилось в низменном районе, к северо-востоку от города Браила, на левом берегу Дуная, и связано с городом через квартал Браилица. В начале XX в. в Писке насчитывалось 1602 души. По данным переписи населения, проведенной в феврале 1956 г., в Браиле проживает около 2500 липован. Браила — большой город, крупнейший порт. Здесь липоване активно включаются в общественную жизнь, особенно с тех пор как Румыния стала социалистической. Поэтому большинство жителей в одинаковой степени хорошо владеют и русским, и румынским языками. Многие липоване «орумынились», как это было с липованским селом, теперь районом Браилы — Комаровкой. Село Каркалиу (липоване называют его Камень, или Каменка) также находится на берегу

и мн. др.), но единого мнения по этому вопросу нет. Скорее всего наименование «липоване», широко распространившееся в Австрии, Молдавии, Румынии, Турции, образовалось путем сокращения от названия «филипповане» (члены одной из старообрядческих сект, которые в своем большинстве покинули пределы России). Часто этим термином награждались и такие русские старообрядцы, которые принадлежали не к филипповской, а к другим раскольничьим сектам. А позднее распространяется вообще на славянское население Румынии, и в первую очередь на русских переселенцев, даже тех, которые переселялись из России в более позднее время.

[8] Антонович В. Б. (Лупулеску). Русские колонии в Добрудже. — Киевская старина, 1889, № 1, с. 332.

Дуная в нескольких километрах от города Мэчин. Впервые оно упоминается в 1848 г. В 1849 г. в статистической таблице указывается, что это село состоит только из 30 домов.[9] Теперь это громадное село (около 5000 жителей), протянувшееся по берегу Дуная на несколько километров. Расположение в стороне от больших дорог, вдали от крупных городских центров способствует большей сохранности местного диалекта по сравнению с Писком и особенно 2 Май.

Все без исключения липоване придерживались строгих религиозных традиций вплоть до ближайшего времени, вступали в браки только между собой.

Если прежде все без исключения население, состоящее из староверов, говорило на местном диалекте, что объяснялось изолированным и весьма стабильным образом жизни, то постепенно, особенно за последние годы, эта картина меняется. Первыми эти старые традиции нарушили мужчины, которые и раньше надолго оставляли семьи, уходя за рыбой в открытое море. Затем они начали работать на различных предприятиях и стройках. Это обусловило хорошее знание всеми мужчинами румынского языка. Дети липован также хорошо владеют румынским языком. Подлинными хранительницами родного языка всегда были женщины, сохранившие свой диалект в большой чистоте. Старое поколение училось грамоте в местных церковных школах. Церковную школу обязаны были кончить даже девушки и женщины. Образование было достаточно обширным, велось оно по старым русским церковным книгам. Вот почему в языке липован чувствуется сильное влияние церковнославянского языка, и, наоборот, ряд исследователей липованского говора[10] отмечали сильную струю местного диалекта в церковнославянском языке во время церковных служб, что было замечено и нами. Религиозные предрассудки, державшие старообрядцев Добруджи вдали от всего нового, постепенно отмирают. Старое поколение еще хранит старину в привычках, одежде, домашнем быту. Они носят бороды, не курят, регулярно посещают церковные службы, одевая для этой цели специальную церковную одежду. Свежая струя новшеств нашего века уже ломает частокол домостроевских правил русских староверов, переворачивая и меняя все. Многие липоване, окончив среднюю школу, учатся дальше, становясь агрономами, инженерами, учителями, научными работниками. Но в принципе мы утверждаем, ссылаясь на других авторов, что говор липован мало изменился, хорошо сохранив свой общерусский фонд в фонетике, грамматике, лексике.

Изучение липованских говоров, как и вообще большинства «островных» говоров, в советском и румынском языкознании

---

[9] Panaitescu P. O statistica a Dobrogei din 1849. — Craiul romanesc, 1928, II.

[10] Vascenko V. Observaţii asupra graiului rusesc al lipovenilor din satul Pisc, raionul Brăila. — Romanoslavica, 1963, VII.

наблюдается во вторую половину нашего века. Но некоторые сообщения лингвистического характера, к сожалению очень отрывочные, появлялись в России и раньше.[11]

Одним из серьезных вкладов в дело изучения «островных» старообрядческих говоров является диссертация О. К. Сердюковой[12] о диалектной лексике говора некрасовцев Кубани, вернувшихся туда из Турции и Добруджи. Исследование лексики липован О. К. Сердюковой и другими учеными показало, что они говорят на южновеликорусском говоре смешанного типа, примыкающем к донским, рязанским, воронежским, тамбовским, курским, орловским.

В настоящей статье рассматривается лексика с неполногласием и полногласием в говоре липован, которая еще никогда не подвергалась изучению.

Лексика с неполногласием и полногласием в разговорной речи липован

Берег — с тем же значением, что и в литературном языке, *брег* встречается исключительно редко.

Беремя 'охапка', с тем же значением *оберемя* (Узила обирем'а дроу и панисла их у хату) и *оберемок* (Притащил абир'омык дроу); *бремя* 'беременность'.

Благо 'благо' (Атайди ат зла и сатвари блага. Липованская поговорка). *Благо* широко употребляется как в разговорной речи, так и особенно во время церковных служб. *Благодарен*, *благодарить*, *благодаря* — со значением литературного языка.

Болото 'болото'.

Борода 'борода', *бороденка* (Когда йон жынилс'а, была у йаво малин'кайа барад'онка, т. е. плохонькая, реденькая, жидкая); *брадобрейство* 'бритье' (Чичас дуже у нас завилос брадабрейства, маладыйа мужыки бараду свайу режут); *брадобривец* и *брадобрей* 1) 'парикмахер', 2) 'мужчина, который бреет бороду' (Стол'ка у нам чичас брадобриуцыу, а рани и ни було мужыка бис барады; За йетыва брадабрейа ни пайдош ты замуш, ни дазвол'у йа тибе). Используются с литературным значением *бородавка*, *бородатый*, *подбородок*.

Борозда — как и в литературном: 1) 'вспаханная линия'; 2) 'какой-либо след на лице, теле человека, напоминающий «борозду»'.

---

[11] Смирнов Я. И. У некрасовцев на острове Мада на Бейширском озере Гамид-Абадского санджака Копийского Вилайста. — Живая старина, 1896, 1, с. 121—122; Ганько М. П. Майносские казаки и их земля. — Буковина (г. Черновцы), 1899, № 14, с. 58, и др.

[12] Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев. (Исследование и словарь). Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1969.

Борониться ‘защищаться, оберегаться, быть осторожным, предусмотрительным’ (Баранис, а то машына задавит).

Владыка — то же, что и в литературном языке (Наш гаспот — владыка).

Волосы ‘волосы’, по-липовански *волоси*, реже *власи*; *волосина* ‘волосок, один волос’ (У харч’ах ввидел валасину и ни захател йест).

Волочить, реже *влачить* ‘тащить, тянуть по земле или по чему-то’; *приволочить* (Привалакли йаго п’анава дамой); *заволочить* (Завалакли мине у балота и смийалис); *наволочить* (Навалакли с горыда кауноу (арбузов, — *А.*, *О. В.*), будут типерич’а йест).

Воробец ‘воробей’ (Туды прилетели варапцы), *воробчик* ‘воробушек’ (Па л’ади, у гнизда варопчик), *воробчиха* ‘самка воробья’ (Утикай, чичас падлитит варапчиха).

Ворог ‘враг’. Редко употребляется, чаще употребляется *враг*. *Ворогуша* ‘лихорадка’ (Как камари начинайут прилитат, так у йиво варагуша начинаица). *Ворожить* ‘колдовать’ (Варажыли оне, варажыли, а толку никакова); *ворожка*, *ворожейка* ‘колдунья, знахарка’ (Ана была варошкой, ус’о па нач’ам куда схадила).

Ворон, *ворона* — то же, что и в литературном языке.

Ворот, *воротник* — то же, что и в литературном языке.

Вороты ‘ворота, через которые ездят на транспорте (телеге)’, а где проходят люди — это *фортка*. *Врата* тоже ворота, но в церковном употреблении (Гаспот’ бог ни аткроит тибе врата к сибе).

Ворочаться ‘возвращаться’ (Каждый день он варач’алси аттылич’а позна). Имеется и глагол *возвращаться*.

Голова, *глава* ‘голова’ (Ус’акыйа глава да имеит свой розым. Поговорка), *головка* — маленькая голова и верхняя часть разных деталей: галоука палки ‘набалдашник’, галоука шуруба.

Голод, *глад* ‘голод’ (Вот пашл’от госпади бог глат на нас, тада и будит’а малица как надамна); *голодный* ‘голодный’, *голодать* ‘голодать’ (Дужа галадали у прошлый гот, по залетне).

Голос ‘голос’, *глас* ‘музыкальная нота, единица у старообрядцев, церковный термин’ (У ниво голас сладкий; Ап’ат д’ак пел на п’атый глас); *голосить* ‘плакать’ (Галас’ат толька па м’ортвым); *плакать* употребляется в том же значении реже (Когда вон мине бил, йа дужит’ галасила); *поголосить* ‘поплакать’.

Город ‘огород’ (Пасеила на гароди рет’ку, хоч’бы дожжычек прашол). *Градина* (от рум. grădină) ‘городской сад’, *градница* (от рум. grădinită) ‘детский сад’ (Нончи прахажывалис’ ане бравин’ка па градини; Пацана у градиницу адали). *Ограда* ‘двор при богослужительном здании’ (У ч’асовни бал’шайа аграда, а у церкви малин’кайа); *Град* ‘огород, сад’; *Град* ‘город’ (Был он и у гради Маскве, был он у гради Питире); *городить* ‘устроить забор’; *загородка* ‘заборчик из прутьев’. *Городской человек*, *городская деушка*.

Горох ‘горох’, *горошина* ‘горошина’ (А и вс’аво осталас’а адна гарошына).

Дерево ‘дерево, растение’, реже *древо*, которое может иметь и значение ‘родословное древо’ (Ана ни нашыва древа, можыт на ей жаница, т. е. не родственница); *древка* ж. р. ‘вид мачты’ (За дреуку привизали парус, падул ветир и лотка пакатилыс). *Деревок, -ка* м. р. ‘маленькое деревце’ (Пасади мине на диривок).

Дорога — дорожка (Дал’найа дарога, дарошка, дарожын’ка).

Дорогой мой, Дорогайа майа, дорожать ‘стать более дорогим’, *подорожать, дороговизна* (последние три слова являются неологизмами в речи липован), *драг* ‘дорогой, милый, близкий’ (из рум. drag).

Жереб ‘жребий, судьба, участь’ (Такой тибе упал жерип/жэрип типерич’а тини л’амку).

Здорово — приветствие; *здоровенько* — приветствие (Сказал йа иму здаровен’ка, а он ни заметил); *здоровкаться* ‘здороваться’ (Таперича ана майа лихадейка, с йей йа боли ни здароукыйус); *здоровила* ‘человек высокого роста’ (Ни дирис боли с таким здаравилай); *здоровый* ‘человек большого роста и физически здоровый’ (Он уже вырыс такой здаровый вышы бат’ки); *здоровля* ‘здоровье’ (Дай тибе бог многа здаровл’а, штоп ты ни фарал боли). *Здравствуйте, здравствовать* (неологизмы), *здравица* ‘чествование’; *споздравить, споздравлять* ‘поздравлять’ (Спаздравл’али усих с праздникъм).

Злато, золото ‘золото’. В бытовой речи употребляется с одинаковой частотностью, даже предпочитаются неполногласные формы (А йета дела такойа; ана вышы злата и серибра, таперич’а глиди да глиди); *златник* ‘денежная единица, монетка’ (Пайехали ане у Туречину, дали аднаму нашы златникоу, атмерил им кусок зимли и так и асталис’а таматки); *золотить, позолотить, обзолотить, позолоченный* — то же, что и в литературном языке.

Колокол ‘колокол’ (Нончи дужа звинел колакал (вариант: калакол));

Колокольчик (У нашый казы калакол’чик).

Колос ‘колос’ (У жыта харошый колыс).

Колотить, поколотить ‘бить сильно’ (Он как начил калатит ночим у вакно); *колотиться* ‘дрожать’ (Зима халоднайа ап’ат, будим калатица).

Коробка, коробок ‘коробка’.

Король, королева, краля — то же, что и в литературном языке (Ты што каралева какая?); *краля* ‘женщина или девушка, одетая модно, красиво; модница’ (Аделыс’а как крал’а, ус’о на йей блистит).

Короста ‘грубая кожа от грязи’.

Краткий, короткий — то же, что и в литературном языке.

Млад, млада ‘молод, молода’; *младешенька* ‘молоденькая’ (Рыба, шшука граит’ сибе, пару маит’, а йа млада, млад’ошынн’ка парычки ни майу, из песни); *молодайа, молодой* ‘молодые — жених

и невеста' (Заутри ранин'ка маладых павидут у церкву, а у вечири будит сват'ба); *молодица* 'молодая, замужняя женщина' (У нас ана маладица, тол'ки нидавна вышла замуш); *молоденец* 'младенец' (У йейо хлопчик пам'ор, када ишшо был маладенец); *молодка* (У мине и малотки нисуца).

Молоко 'молоко'; *млечная дорога* (млеч'найа дарога) — то же, что *млечный путь*, но употребляют лишь одни старики (в церковнославянских текстах и речи, связанной с церковным богослужением).

Молоток, *молоты* — то же, что и в литературном языке.

Мороз, *морозец*, *морозно* — то же, что и в литературном языке.

Морока 'хлопоты, заботы' (Пашол у школу и такайа морока у мине с им); *морочить* (Марочит голаву); *мрак* 'умопомрачение'.

Норов 'нрав', но предполагает лишь отрицательную оценку (Такой у иво пракл'атый нороу, што хочит', тол'ки тойа и делаит'), *норовистый*, *ндрав*.

Плен 'плен'; *пленник* 'пленный', *пленить* (употребляется редко).

Порог 'порог' (у парози).

Поросенок 'поросенок'.

Порох 'порох'.

Праздник 'праздник', *праздновать*, *попраздновать*, *отпраздновать* — то же, что и в литературном языке.

Середа 'среда' (Па сиредам у нас пост); *посерёд*, *посерёдки* 'в середине', *серёдка* 'середина, внутренняя центральная часть чего-либо', *середный* 'средний', *у серёдке* 1) 'в середине', 2) 'внутри'; *у серёдку* 1) 'в середину', 2) 'внутрь' (Вон пашол у сир'отку).

Сковрада 'сковорода'.

Скоромный 'скромный', а также 'жирный, не постный' (Скаромнайа ида).

Соловей, *соловушка*, *соловейка* (ласкательно), *соловьюшка* — то же, что и в литературном языке.

Солома, *соломенный* — то же, что и в литературном языке.

Сладкий, *сладость* — то же, что и в литературном языке; *сладилый* 'мало, еле сладкий', *сладить*, *послади́ть*.

Смородина то же, что и в литературном языке. *Смрад*, *смердить* — не только 'вонять', но и 'сильно пахнуть'.

Страм 'стыд, срам', *страмотить* 'срамить'.

Сторона — то же, что и в литературном языке.

Тверезный 'трезвый' (И йета такой челавек, што ни л'убит быт твирезным); *трезвить*, *трезветь*.

Толочь — то же, что и в литературном языке.

Холодок, *хлад* 'холод'; *холодок* 'тень' (слово *тень* у липован не употребляется) (Ане спали у халатку), *прохлада*, *прохладный*; *холодец* 'еда, студень'.

Хоронить, *схоронить* 1) 'прятать, спрятать, укрыть что-либо' (Схаранили ден'ги и никак типерич'а ни найд'ом; Вон схаранил иво у хати иво); 2) 'хоронить, похоронить' (Три дни как схара-

нили деда). *Хорониться*, *схорониться* ‘прятаться, спрятаться’. (Дит’оныk схаранилс’а у погриби); *хранить* ‘беречь’.

Храм ‘храм’ и ‘церковный праздник’ (У васкрисен’а тута храм).

Череп ‘череп’.

Черепица — то же, что и в литературном языке и, кроме того, ‘осколок’.

Черепаха ‘черепаха’.

Через ‘через’ и *чрез*.

Рассмотрение ряда полногласных и неполногласных форм из говора липован доказывает, что основная масса полногласных и неполногласных слов одинакова как в говоре липован, так и в литературном языке. Но целый ряд слов в говоре липован имеет полногласные формы, тогда как в литературном языке они неполногласные, образуя, таким образом, диалектные слова местного характера. Например: *жереб* (ср. *жребий*), *норов* (ср. *нрав*), *тверезый* (ср. *трезвый*) или *сковрада* (ср. *сковорода*) и т. д. Перевес за полногласными формами. Неполногласные формы встречаются: 1) либо наряду с полногласными (*молода — млада*, *голод — глад* и т. д.) без изменения значения; 2) либо в устаревших формах типа *брадобрей*, *брадобривец*; 3) либо с иным семантическим значением (*беремя* ‘охапка’, но *бремя* — только ‘беременность’).

Лексика с неполногласием и полногласием в фольклоре липован

Сопоставление языка фольклора липован с точки зрения его лексического состава с лексикой местного говора без сомнения доказало максимальную близость языка фольклора к говору носителей этого устного поэтического творчества. В отличие от великорусского фольклора, в котором исследователи обнаруживают лексику самых различных говоров, находящихся нередко друг от друга на очень большом расстоянии, фольклор липован более близок к местному говору. Выход за пределы говора у липован более ограничен, чем в великорусском фольклоре, из-за естественной ограниченности бытования самого говора. И хотя лексика языка фольклора липован шире лексики говора (в основном за счет общерусских слов более высокого стиля), она не имеет тех богатых возможностей смыслового и художественного обмена, какими обладает великорусский фольклор в окружении множества родственных друг другу говоров. И если вполне целесообразным и необходимым считается сравнительное изучение великорусского фольклора и языка одного из великорусских говоров, то тем более целесообразным мы считаем такие сопоставления для носителей фольклора, изолированных от родного языка в течение длительного времени. В такого рода сопоставительном плане мы предполагаем и рассмотрение проблемы неполногласия и полногласия.

Остановимся на фольклорных лексических единицах с неполногласием и полногласием. Большинство из них взяты из лирических липованских песен, т. е. жанра, наиболее популярного среди населения, где проводились наши исследования. Поэтому употребление того или иного слова часто зависит не только от значения, но нередко и от рифмы, и от ритма.

Анализ ведется в алфавитном порядке заглавного литературного слова гнезда. Слова с соответствующими корнями даны так, как они произносятся липованами.

Берег-: Крутой бер'ажок, бер'ажочек, бер'ашком, пусти на берик.

Берёза: Б'ар'озу заламайу; У поли пат бир'озай.

Благодар-: Отблагадариу; Благадар'а; Благадарен.

Болот-: Вада балотнайа.

Бород-: Барада шолкова бародушка; У йаго усы, барада.

Бран-: Ни брани м'ане, мамаша; Были, были два милова и ани пабранилис'а; Разбранилис'а.

Власт-: Власти.

Волос: С волыса да волыса; Валасами; Валаса; Чешут ани русыйи кудри, свайи валаса.

Волок(ч)-; *влач-*; *волочить*: 1) 'тащить': На краватик валак'от; 2) 'бороновать' (от старого орудия для боронования — волокуши); Запр'агаит мужык кони йедет валачити; Роман ар'от, а йа влач'у и волочу; *волочиться* 'ухаживать': Он за деуками волочица.

Врат-, *ворот-*: Варатилс'а, варат'ус'а, назат варачайс'а; Ни возвратис'а с дарок.

Воробец: Варабец-маладец.

Ворог-, *враг-*: Ды на ворыга стайой усей; Враг бат'ку убил; Сын ты вражий. *Ворожить* 'гадать'. Ана умела варажыт; Цыганка-варошка.

Ворон-: Лител ворън чирас сат; Ч'орный ворын. *Ворона*: Ч'орна ворона.

Ворота: Усе вароты, варата; Новы варата; Да варот; Вароты; За навыйи варата; В варатах стайала; Протиу каменых варот; Широки варота; У варот.

Время: Папрасил кал'цо на врем'а; Придоше вр'ам'ана да нас.

Голов-, *глав-*: Галавой кач'айу; Галоушку, галоуч'ку, галовыч'ка, галоуушки; Галовач'ку, галоука; Да где мне главу приклании.

Голос-, *глас-*: Галасиста пайош; галасок; Глас мой слабый (встречается только в церковнославянских текстах и при названии голосов церковного хора: 1-й глас, 2-й глас и т. д.). *Велигласныйа*: Ты паслушай-ка трубы велигласныйа, *Чудногласныйа*: Древеса от шум'ат' чудногласныйа.

Город-, *град-*: Горады; У горади у Маскве; Гародочик; Пат Мэчинграт; Пайеду ва Китай-гарот; Биндеры-гарот; Полон-гарът;

Пат Браил-горыт; В городе Адесе; Меджидиа гарадок; Прашш'ай Киев-гарадочик.

Дерево-, древ-: Дерево; Дерев'а; Древеса.

Дорога: Ва дарогу; *Дарошка*: Пут-дарошка; Дарожын'ка.

Дорогой-: Дарагой; Пахарониш' м'ане, дарагайа; *драг* 'дорогой'.

Здоров-, здрав-: Здарова, папаша: Жану низдарову; Не пытай скора здаровл'а. Здраствуй; Праздравл'айут'.

Золот-, злат-: Залатый; Боч'ка залатайа; Дес'ат' карет залатых; Кл'учи залатыйи; Залатой гриб'ашок; Спазалоченый; Залатой (о деньгах); Перстен залатой; Залатайа (о характере); За праву руч'ку, за златой перстен; Он прич'арувал ни златъм, ни сребром.

Колодец: Калодиц, глыбокийи калоцы.

Колокол: Калакол, Калакол'чик празвинел.

Коробка: Купл'у йа каробач'ку атравы.

Корова: Карова; Ой даила йа карову; На гаре стаит' карова; Зар'авели кароушки; Кароуку.

Король: Карол' ты мой карал'очик.

Молод-, млад-: Маладой; Маладуйу; Малада; Маладен'ка; Маладен'кой; Маладен'кий; Малодин'кайа; Майаа моладаст' прашла; Добрый маладец; Малад'охын'ка; Ч'убан маладен'кай; Маладец (как характеристика качеств): Стрелец-маладец, Купец-маладец, Два малаца; С молацым стайала; Аднаму млацуу: Малочик; Два малотчика; Маладецкайа; Младой; Млада; Младой рыбак; А йа млада, младу: Жана йаво младайа; А йа млада ды млад'охын'кайа; Ч'умак младен'кай; Млат сидит ар'ол, сидит млат—сизиый ар'ол.

Молоко: Надаила малака.

Молоток: Малаток; Йа падариу малаток.

Мороз-: Заутра марос; Ой, вы, марозы; Марозику ни байус'а; Ты, марос, марузен'ка; Ой, смарозили ур'аднич'ку.

Морочить: Он са службами марочица; Ус'о с п'аницей марочица.

Плен-: Плен; Пленик; Плененица; Пленик маладой; У плен ваз'мут'; У плен забрали.

Полотно: Прикрытайа палотнъм.

Порог: Парок.

Серед-, сред-: К середине; Пасер'отки; Середний; Середн'аму брату; Середн'аго застрелили; Среды и п'атницы.

Слад-, солод-: Сладки йаблаки рвала; А сыр саладен'кий.

Солов-: Салавейка; Саловии очи; Распивал салавей; Салавей прапайот'; Салоушкии свиш'ут'.

Солома: Салому; На жытну салому.

Сорочка: И кнагина к Ван'ки л'нула, как сароч'ка ка плеч'у.

Стража: Акружыла мине стража; Паставл'у йа стражу.

Страна, сторона: У старане; Две стараны; С стараны л'уди л'ад'ат'; Дл'а усей стране; Да ва ч'ужуйу старану; Старонушку;

Л'уди староние; Старана; Пат правай стараной; И пра л'убоу страны дал'окай.

Холод-, *хлад-*: Халодный.

Холостой: Халастому стакан пива паднисла.

Хорон-: Пахароиш' м'ане дарагайа; А где будиш' м'ане харанит'? На пахаранах.

Через: Чирис лес, чирис рику.

Черед-: Кароушкии ис чир'ады идуши; Выпим, кумцы свайу чир'аду; Твой светлый ч'ар'от пришол.

Череп: Черип и три костач'ки.

Черепок: Сваты . . . чир'апки сабирали. . . (т. е. разбитые горшки).

Отсюда вытекают следующие выводы. Основную массу слов составляют слова с полногласием. Однако ряд слов или корней употребляется парами с полногласием и неполногласием: *волочить — влачить*, *воротиться — возвратиться*, *голова — глава*, *голос — глас* (с разными значениями), *город — град*, *дерева — древеса*, *здорово — здравствуй*, *золотой — златой*, *молодой — младой*, *середний — среда*, *солоденький — сладкий*, *страна — сторона*, *власть — волость*, *ворота — врата*, *ворожить — вражить*, *дорог — драг*, *король — краль*, *хоронить — хранить* и многие другие.

О. Г. ПОРОХОВА

О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах

Ч. IV. К вопросу о генезисе лексики с неполногласием, известной в народных говорах

Задача работы — показать материал, интересный для установления генезиса слов с неполногласием, употребляющихся в русских народных говорах и отсутствующих в современном русском литературном языке (ЛЯ). Ответ на вопрос, являются ли они, подобно формам с неполногласием, имеющимся в литературном языке, образованиями, генетически связанными со старославянским языком и заимствованными в русский через церковнославянский язык,[1] получает принципиальное значение, так как в случае положительного ответа их рассмотрение прямо относится к важнейшей проблеме истории русского языка: исследованию характера функционирования старославянских по происхождению элементов в его разговорных сферах. Если же слова в такой форме появились в говорах каким-либо другим образом (например, возникли в результате фонетического, фонетико-морфологического и т. д. преобразования исконно восточнославянских полногласных форм) и просто случайно фонетически совпали со старославянскими неполногласными корнями, то их рассмотрение — лишь частный вопрос описания русских диалектов.

Нам уже приходилось рассматривать социальные факторы, которые могли способствовать проникновению церковнославянской лексики с неполногласием в Древней Руси не только в письменные, но и в устные формы языка, в частности в народные говоры.[2] Настоящая статья ставит своей задачей разрешить некоторые из собственно языковых вопросов, связанных с этой проблемой.

Выяснение генезиса образований с неполногласием, известных в говорах, требует всестороннего сравнения таких форм с лексикой в неполногласной огласовке, употреблявшейся в русском

---

[1] В статье термин «старославянский язык» принят для обозначения старославянского языка довосточнославянского периода, а «церковнославянским языком» называется старославянский язык древнерусской редакции.

[2] Порохова О. Г. О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах, ч. II. Слова с корнями *град-* и *город-*. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.

литературном языке на разных этапах его истории. Такое сравнение даст материал для определения степени сходства и различия языковых особенностей образований с неполногласием в говорах и литературном языке и, следовательно, для установления возможности единства их происхождения.

Лексика с неполногласием (как и соответствующая ей русская полногласная) в литературном языке и говорах во многих чертах имеет существенные различия.[3] Однако здесь обнаруживается и большое сходство, проявляющееся именно в тех особенностях, которые наиболее показательны для разрешения вопросов генетических. В статье рассматриваются лишь некоторые из них: анализируется состав корней лексики с неполногласием в говорах и современном литературном языке, а также сравнивается семантика диалектных образований со значениями соответствующих слов, обнаруженных в древнерусских памятниках.[4]

1

Сравнение состава корней лексики с неполногласием в говорах и современном литературном языке имеет существенное значение для установления их генетической общности.

Лексика с неполногласной огласовкой корней, как всякие заимствования, вошла в русский литературный язык и тем более сохранилась в нем до настоящего времени далеко не в полном составе. Здесь существует большое количество корневых образований с восточнославянской полногласной огласовкой общеславянских корней, которые никогда не имели или полностью утратили уже в древности соответствующие им заимствованные старославянские неполногласные параллели. Вместе с тем лексика с неполногласными морфемами могла образовываться и в самом русском языке. Эти слова пополняли гнезда заимствованных слов с тем или иным корнем в неполногласной огласовке. Сложность истории корневого состава лексики с неполногласием привела к тому, что в современном литературном языке нет какой-либо закономерной регулярности в наличии или отсутствии соответствия полногласных и неполногласных корневых морфем. Поэтому сравнение неполногласных образований, существующих в говорах и современном литературном языке, может помочь в определении степени зависимости состава таких образований в говорах от их судьбы в ЛЯ, что даст материал для определения единства или различия их происхождения в этих сферах языка.

[3] Некоторые из них рассмотрены в статьях: П о р о х о в а О. Г. 1) О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах, ч. I. Варьирование. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971; 2) О лексике с неполногласием и полногласием . . . , ч. II; 3) О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах, ч. III. — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, и др.

[4] Термин «древнерусские памятники» употребляется для обозначения памятников как древнерусского, так и церковнославянского языка.

Сравнение состава корней с неполногласием, известных в лексике говоров и современного литературного языка, показывает, что в диалектах в большинстве случаев употребляются слова именно с теми корнями, которые существуют и в современном ЛЯ.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала по этому вопросу, необходимо сделать небольшое отступление.

Различение неполногласных и полногласных форм в некоторых говорах затруднено их фонетическими особенностями. В диалектах, имеющих редукцию безударных гласных, корни с полногласием при безударном их положении могут быть очень близки в произношении к неполногласным (см. *вълакýша* из *волокуша*, которое легко спутать с *влакýша*). Редукция гласных с таким результатом имеет место не только в южновеликорусских, но также в восточной части средне- и северновеликорусских говоров (некоторых диалектах Ярославской, Ивановской, Владимирской областей и ниже по Волге). Гласные звуки в непервом предударном слоге здесь почти полностью выпадают (а только именно в этих случаях полногласная форма может фонетически совпасть с неполногласной), особенно если имеются три предударных слога, а также при соседстве с плавным звуком. Материалы по этому вопросу есть в ряде работ. См., например, фонетическую запись слов из коломенского говора: *платéнца*, *расёнок*, *пъ странáм*.[5] Показателем того, что форма их корня — результат фонетического преобразования полногласных корней, является наличие в говоре, где записаны эти примеры, слов типа *млакó*, *пиржилá*, в которых такая редукция не делает полногласную форму совпадающей с неполногласной (ср. неполногласное *млеко* и слова с приставкой *пре-*). См. еще примеры из рязанского говора: *клатýшкой*, *влачúт*, *сридúна*, совпадающие с неполногласными, и *вирт'анó*, *пирбарóла*, не имеющие этого совпадения.[6] В материалы использованных нами картотек [7] также могли попасть такие ложные неполногласные образования. Например, вызывает сомнение форма следующих слов, записанных как неполногласные: *бременúть* ‘удручать, угнетать’ (Петров. Сарат., 1960—1961), *вратá* ‘ворота’ (Дмитр. Курск., 1897), *прахóвый* ‘нечастый, редкий’ и ‘рыхлый, из мелких частиц’ (Вост., Даль) и т. п.

Однако затруднения в распознавании неполногласных и полногласных форм не могут помешать установить состав этих корней в говорах. Материалы показывают, что собиратели диалект-

---

[5] Примеры взяты из работ Л. Калнынь. См.: К а л н ы н ь Л. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Канд. дис. М., 1952.

[6] Ж б а н к о в а Т. С. Диалектизмы в письмах С. А. Есенина. — Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, т. 114. Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Рязань, 1972.

[7] О материалах, которые используются в нашей работе, и принятых условных сокращениях см.: П о р о х о в а О. Г. О лексике с неполногласием и полногласием. . ., ч. I.

ной лексики в большинстве случаев различают формы полногласия и неполногласия. В диалектных записях из говоров с редукцией безударных гласных параллельно даются слова с безударным корнем как в полногласной, так и соответствующей неполногласной формах. См., например, фиксацию слов типа *сладеха* и *солодеха* (в произношении *слад'бха* и *съслад'бха*) в говоре д. Деулино Рязанской обл.,[8] каждое из которых имеет свое словообразовательное гнездо (*сладеха — сладить, сладиться, сладущий, сладчить* и др., *солодеха — солодатый, солодать, солодимый* и др.). Об этом свидетельствует также сопоставление записей диалектных слов с лексикой древнерусских памятников, о чем будет говориться ниже.

Следует заметить также, что слова с неполногласием зафиксированы во всех говорах русского языка, в том числе тех, где их фонетический облик не вызывает сомнения даже в безударном положении. Кроме того, для каждого корневого гнезда в картотеках обычно имеются слова, в которых корень стоит под ударением.

Таким образом, различение неполногласных и полногласных безударных форм в лексике говоров является проблемой лишь для распределения слов в неполногласной и полногласной огласовке внутри того или иного корневого гнезда.

Переходя к рассмотрению соответствия состава анализируемых корней в современном ЛЯ и говорах, остановимся прежде всего на группе корневых образований, для которых в настоящее время ни в ЛЯ, ни в говорах нет слов с неполногласием.

Только в древних памятниках (обычно церковного характера) зафиксированы слова со следующими корнями с неполногласием, полногласные формы которых известны в русском языке до настоящего времени:

брез- (*брѣза* в Сбор. XIV в. — Срезневский [9]), ср. *берез- (береза)*;
врес- (*врѣсень* ‘сентябрь’ — Срезневский, без указ. пам.), ср. *верес- (вереск)*;
враб- (*врабии* ‘воробей’ в Изб. 1073 г., Четвероев. 1144 г. и др. — Срезневский), ср. *вороб- (воробей)*;
грах- (*грахъ* в ДАИ, 1530 — Указ. о трапезе в Тихв. мон. I, 222: Пироги съ маком ли грахомъ — ДРС), ср. *горох- (горох)*;
длат- (*длато* ‘долото’ в Ис. Упыр. — Срезневский), ср. *долот- (долото)*;
жрел- (диал. *жерело* ‘воронкообразное отверстие’ и др.) (*жрѣло* ‘горло’ и *ожрѣлие* ‘ворот’

[8] Словарь современного русского народного говора. Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

[9] См. список использованных работ и словарей и условные сокращения их названий в конце статьи.

в Гр. Наз. XI в. и др. Псалт. толк. Феодот. и др. — Срезневский), ср. *жерел-*;

клад- (*клада* ‘бревно’ в Изб., 1073 г. — Срезневский), ср. *колод- (колода)*;

краб- (*крабьица* ‘корзина’ в Парем. XIV в. — Срезневский), ср. *короб- (коробка)*;

крак- (*кракъ* ‘голень’ в Пат. Син. XI в. — Срезневский), ср. *корок- (окорок)*;

краст- (*краста* ‘короста’ в Лев., Изб., Никан. Панд. — Срезневский), ср. *корост- (короста)*;

скрам- (*скрамъ* ‘жир’ в Жит. Ио. Злат. — Срезневский), ср. *скором- (скоромный)*;

слав- (*славий* ‘соловей’ в Сл. о плк. Игор. — Срезневский), ср. *солов- (соловей)*;

слам- (*слама* в Шестоднев. Ио. екз. 1263 г.: И сплеть понтъ храмоу томоу сътворилъ и покрылъ и сламою — ДРС), ср. *солом- (солома)*;

слан- (*сланыи* ‘сделанный из соли’ в Быт. по сп. XIV в. Изб. 1073 г. — Срезневский), ср. *солон- (соленый)*.

Указанные в списке слова с неполногласием, встретившиеся в древнерусских памятниках, видимо, генетически неоднородны. Одни из них непосредственно связаны со старославянским языком (см. в старославянских памятниках сл. *врабий*, *клада*, *краста*, *славий*), другие, возможно, являются славяно-русизмами, выделить которые при современном знании состава лексики старославянских и древнерусских памятников весьма затруднительно. Но всех их объединяет одна особенность: образования с этими корнями не имели распространения в древнерусской письменности и обладали чрезвычайно ограниченным словообразовательным гнездом. В словарях лексики древнерусских памятников и в русском языке более позднего времени корень *враб-* встречается в одном, указанном выше, слове и только в двух — корни *краст-* (*краста*, *крастовый*)[10] и *слам-* (*слама*, *сламьнъ*, *сламенный*).[11] Одинакова для всех них и функционально-жанровая ограниченность. Их можно найти в словарях, отражающих преимущественно церковнославянский язык (Слов. Востокова, Слов. Алексеева), а в словарях со стилистическими пометами они всегда отмечены как слова славянские, церковные. Судьба некоторых из них подробно исследована В. В. Замковой,[12] которая указывает, что уже в XVIII в. даже в высокой письменности устарели и неупотребительны слова *врабий*, *клада*, *краста*.

---

[10] См.: Срезневский, Слов. Востокова, Слов. Алексеева, Слов. Дювернуа, Слов. Соколова, САР, Слов. Гейма, Слов. 1847.

[11] См.: Слов. Востокова и Слов. 1847.

[12] Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.

Таким образом, в говорах, как и в литературном языке, только в полногласной форме известны те корни, которые редко и функционально ограниченно употреблялись в лексике древнерусской письменности и не проникли в русский национальный язык. Заметим, что соответствие состава корней с неполногласием, отсутствующих в современном ЛЯ и говорах, не только является одним из свидетельств зависимости судьбы лексики с неполногласием от ее истории в литературном языке, но и подтверждает преимущественную правильность фиксации в диалектных записях слов с неполногласием.

В самом деле, если бы в говорах с редукцией гласных полное совпадение безударных полногласных и неполногласных образований было частым явлением и это совпадение отражалось в записях собирателей диалектной лексики, то в них оказалось бы большое количество слов в неполногласной огласовке с теми корнями, которые отсутствуют в современном русском литературном языке. Однако лексики такого рода нет, в том числе и в случаях, когда соответствующие корни с полногласием имеются в диалектных образованиях с безударным положением корня, употребляющихся в говорах с редукцией гласных. См. *воробьёвый* (Сарат.), *долоти́ть* (Пск.) и т. п.

В этом смысле особенно показательны записи слов с полногласием из говоров с редукцией безударных гласных для тех корней, образования с которыми в русском литературном языке полностью вышли из употребления не только в неполногласной, но и в полногласной форме. В этих случаях собиратели, владеющие литературным языком, не могли неправильно восстановить неотчетливо звучащую в говоре форму слова по аналогии с существующей в ЛЯ полногласной. См., например, запись в полногласной форме слов *сво́роб* ‘чесотка’ (Новг., 1910) и *сво́ро́б* (в том же значении в Вят.), а также *своробли́вый* ‘чесоточный’ (Перм., 1856, Арх.), *своroба́тый* ‘шероховатый’ (Своробатая доска. Ржев. Твер., 1852) и др.

Однако достоверность фиксации слов с неполногласием и полногласием при безударном положении корня не может решить полностью вопроса о взаимоотношении таких форм в диалектах и ЛЯ (а следовательно, и со старославянским языком), так как даже в тех случаях, когда наличие неполногласной формы в слове не вызывает сомнения, поскольку она стоит под ударением, возможно истолковать ее не как неполногласную, генетически связанную с церковнославянским и русским литературным языком, а как полногласную, фонетически преобразованную по аналогии с формой этого корня в безударном положении, близкой в произношении с неполногласной. Например, *хла́дь* и *хла́дный*, поскольку *холодни́к* звучит как *хладни́к* (из *хъолодни́к*).

Но для корней с неполногласием, которые были рассмотрены выше, в материалах картотек нет записей слов и с ударным корнем. Это подтверждает отсутствие в говорах фонетико-морфоло-

гических аналогических образований типа *холодник-хладник-хладь*.[13]

Итак, поскольку в говорах отсутствуют образования с неполногласием именно от тех корней, которые не сохранились в лексике современного русского литературного языка, можно говорить о зависимости использования лексики говоров в такой огласовке от литературного языка, что показательно для ее генезиса.

Не менее показательно в этом смысле и обратное: то, что большинство корней в неполногласной форме, известных в словах современного литературного языка, имеется также и в лексике современных говоров.

В говорах, как и в ЛЯ, есть образования от следующих корней с неполногласием: *благ-*, *бран-*, *брег-*, *брег- (брежный* 'бережливый'), *враг-*, *вред-*, *врем-*, *глав-*, *глас-*, *град-*, *древ-*, *здрав-*, *злат-*, *млад-*, *мрак-*, *нрав-*, *плен-*, *празд-*, *прах-*, *слад-*, *смрад-*, *срам-*, *сред-*, *страж-*, *стран-*, *треб-*, *хлад-*, *храбр-*, *храм-*, *хран-*, *чрев-*, *шлем-* и др.

Анализ образований от этих корней, зафиксированных в говорах, которые в краткой статье невозможно даже перечислить, — тема специального исследования.[14] Для определения генезиса слов с неполногласием в говорах очень показательно само совпадение состава этих корней в ЛЯ и говорах.

В приведенном списке есть корни, которые как в ЛЯ, так и в говорах имеют соответственные полногласные параллели или употребляются в одной неполногласной форме, другие из них известны в двух формах только в говорах.

Образования с корнями, для которых в ЛЯ существует одна неполногласная форма, а в говорах используются образования от обеих форм, в большинстве случаев подчеркивают особенности бытования в диалектах лишь лексики с полногласием, сохранившейся в говорах в значительно более полном составе, чем в ЛЯ (например, в бытовой речи говоров зафиксированы образования от корней с полногласием, известных в ЛЯ только в словах народно-поэтических: *ворог-*, *полон-*, *хоробр-* и под.).

Более интересны для анализируемого вопроса случаи, когда в говорах, как и ЛЯ, употребляется одна неполногласная форма

---

[13] Вопрос о всех типах аналогических образований, существующих в диалектной лексике с неполногласием и полногласием, в статье специально не рассматривается. Заметим только, что, кроме специфически диалектных аналогизмов фонетического характера типа *влакуша-волокуша*, о которых говорилось выше, в говорах встречаются лексико-морфологические аналогизмы, подобные славяно-русизмам и искусственным русизмам в литературном языке. См. о них: Порохова О. Г. К вопросу о генетической связи слов с неполногласием, известных в современных русских диалектах, с церковнославянским языком. — В кн.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов конференции, вып. I. Славянская историческая лексикология. М., 1975.

[14] Некоторые из них были рассмотрены в наших статьях, указанных выше.

или соответствующий полногласный корень представлен в отдельных образованиях, не имеющих большого территориального распространения. То, что в говорах, как и в ЛЯ, могут существовать только неполногласные формы без соответствующих полногласных и их использование совпадает с аналогичным употреблением этих неполногласных форм в ЛЯ, очень показательно для генезиса диалектных образований с неполногласием.

В одной неполногласной форме (или с подавляющим ее преобладанием) в говорах известны слова с корнями *благ-*, *врем-*, *мрамор-*.

Слова с *благ-* и соответствующим *болог-* были рассмотрены нами в другой статье.[15] См. записанные в разных говорах слова с корнем *врем-*: *привре́менье* 'пора' (Пск., Осташк. Твер., 1855), *вре́менный* 'своевременный' (Смол., 1914), вре́менный 'непрочный' (ПОС), *вре́мечко* 'несчастный случай' (Смол., 1914), *вре́мя* 'счастье', 'довольство, достаток' (Яросл., 1849), *безвре́менный* 'несчастный' (Пск., 1855), *безвре́менный* 'больной' (Исет. Перм., 1923) и мн. др.[16]

Слов с корнем *мрамор-* в диалектах очень немного. См. *мра́морский* 'мраморный'(Казаки-некрасовцы, 1969), *мра́морный* в сочетании *мраморный лед* 'лед, замерзающий при падении снега, образующего на нем разводы' (Пск., 1912—1914), *мра́морцы* 'рабочие, обрабатывающие мрамор' (Урал., 1930).

Сравнительное рассмотрение слов с этими корнями в говорах и древнерусских памятниках показывает, что отсутствие (или

---

[15] Порохова О. Г. Из истории лексики. Слова с корнем *благ-/блаж-* в русском языке. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968. Кроме указанных в этой статье слов с корнем *болог-*, см. еще: *болого* 'хорошо, хорошо, что' и 'а еще', а также *бо́лбзе́* 'хорошо', 'кстати', 'хорошо, что', 'когда', 'раз, коли, ежели', *болозень* в тех же значениях в кн.: СРНГ, вып. 3. Л., 1968.

[16] Нам известна одна фиксация слова с полногласием *веремя* в островном говоре владимирско-поволжского типа. См.: Романова Ю. Ф. Говор русских селений Завадского сельсовета Чебоксарского района Чувашской АССР. Автореф. канд. дис. Казань, 1954. Это, по-видимому, фонетическое преобразование неполногласного *время* вставным гласным *е* (ср. в восточной части среднерусских говоров регулярное употребление вставного гласного в словах *п(ъ)шеница*, *п(ъ)шено* — см. об этом в кн.: Русская диалектология. М., 1964, с. 291 и других работах). Мысль о наличии добавочной вокализации в этом слове поддерживается присутствием в записях лексики из этого говора другого слова в соответствующей форме — *володыка*. Сл. *владыка* в древнерусском и русском языках никогда не имело полногласной формы, см. об этом: Кандаурова Т. Н. Лексика с неполногласными и полногласными сочетаниями в корнях в древнерусских памятниках XI—XIV вв. Докт. дис. М., 1974. Вставной гласный — черта, характерная для восточной части среднерусских говоров, сочетается здесь с другой особенностью, типичной для диалектов этой зоны, — вторым полногласием (*холом*, *верех* и под.). Если эту запись сл. *веремя* все же считать фиксацией слова с полногласием, то ее единичность подчеркивает крайнюю редкость употребления в диалектах слов с этим корнем.

крайняя редкость) для них соответствующих образований в полногласной форме не случайно, а закономерно вытекает из истории слов этого гнезда в русском языке, в котором полногласные формы были мало жизнеспособны уже в древности. Для слов с корнями *благ-/болог-* этот вопрос был рассмотрен нами ранее. Обратимся к рассмотрению слов с корнями *врем-* и *мрамор-*.

В древнерусской письменности бытуют две формы корня — *врем-* и *верем-*. Формы с неполногласием и полногласием этого корня не получили ни жанрового, ни семантического разграничения (первое, видимо, в связи с отвлеченностью своей семантики). Это безусловно способствовало полному выпадению одной из его форм. См. *веремя* в церковном памятнике Изб. Св. 1076: Боудеть бо веремѧ на исходѣ (о времени жизни), дѣ оу вратъ нбсныихъ ѡбрѧштеть; Ꙗдино веремѧ живота и не вѣдомъ коньць. Встречается оно и в письменности официально-делового стиля: Аще два земледѣлца съгласѧтъ розменити ниівъ на веремѧ (Кн. законные, I, XV в.). См. *временник и веремянник* в значении ‘временщик’: У вас возникли новые временники Микитка Доставало, Петрунка Архипов, ѣздятъ они по селомъ. . . крестьянъ грабят (Акты Белозер. съезж. избы 1660—1670 гг.); При Шуйскомъ за неправду и за такіе жъ веремянники за Измайлова да за такого жъ мужика, что за Федора льется кровь (АИ, II, 1610 г.) и под. Слов с *верем-* в древнерусском языке было, видимо, очень немного. В ДРС, кроме указанных, имеются только *веремянник* ‘фаворит’, *веремянница* ‘распутная женщина’, *безверемянье* ‘беда, несчастье’. Позднее, в XVIII в., в употреблении остаются только образования с неполногласием, форма которых более характерна для слов с отвлеченной семантикой.

Неполногласное *мрамор-* и полногласное *моромор-* являются фонетическими преобразованиями исходного *марм-* в греческом слове μαρμαρος, заимствованном в славянские языки. См. ст.-сл. *мраморъ* и *мраморѣнъ*.[17] По мнению Ф. П. Филина, это слово попало в восточнославянский язык в VIII—IX вв., в период действия закона образования полногласных форм.[18] В древнерусской письменности имелись как неполногласные, так и полногласные образования с этим корнем,[19] которые не были разделены семантически. Использование слов с неполногласием здесь значительно преобладало. Например, в ДРС представлено много случаев употребления слова *мраморъ* и лишь один *мороморъ* (в Ч-М: стклѧница же, юже γпγстих на мороморъ, не разбісѧ, ни разлиласѧ).

[17] Зафиксировано в Ст.-сл. слов.

[18] Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 251. Ср.: Улуханов И. С. Славянизмы в древнерусском литературном языке XI—XIV вв. Канд. дис. М., 1966, с. 238; Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). Докт. дис. М., 1973. Эти авторы считают сл. *моромор* искусственными русизмом.

[19] Кандаурова Т. Н. Лексика с неполногласными и полногласными сочетаниями. . .

Словарное гнездо у неполногласного корня больше (см. в ДРС слова с КНеп: *мраморъ*, *мраморeный*, *мраморие*, *мраморникъ*, *мраморный*, *мраморовый*, *мраморяный*, с КПол: *мороморъ*, *мороморянъ*, *моромленъ*. См. также у Срезневского *мироморъ* и *мироморяный*. Затруднительность произношения слов с полногласной формой этого корня, которая подтверждается наличием в древнерусских памятниках ее искажения (см. выше *мироморъ*), делает их менее жизнеспособными. Наиболее поздние памятники, где она встречается, относятся к XVI в. (см. выше *мороморъ* в Ч-М и др.).

Показанный выше диалектный материал свидетельствует о том, что образования с неполногласием в говорах, как и в ЛЯ, могут представлять единственно возможную форму корня или быть значительно более употребительными, чем соответствующие им полногласные. При этом литературному языку соответствует здесь и состав таких корней, и общий круг их семантики. Некоторые из слов с этими корнями имеют прямое лексико-семантическое совпадение с древнерусскими (см. об этом ниже).

Следует особо отметить, что в ЛЯ существуют такие пары неполногласных и полногласных образований, которые в говорах зафиксированы только в полногласной форме. Казалось бы, эти случаи нарушают соответствие состава корней с неполногласием в говорах и ЛЯ. Однако оказывается, что в говорах отсутствуют образования от тех корней в неполногласной форме, которые в ЛЯ не отличаются активностью и были функционально ограничены здесь уже в XIX в. сферами, далекими от диалектной речи. Все они в современном ЛЯ не образуют самостоятельных словообразовательных гнезд и не являются морфонологическими вариантами к полногласным в словах нейтрального лексического фонда (типа *берег*, но *прибрежный*, *посторониться*, но *отстраниться* и под.).

Характерны в этом смысле образования с *блат-*, *вран-*, *глад-*, *млат-*, *млек-*, *чред-*. В древние эпохи слова с этими корнями употреблялись преимущественно в церковных памятниках, в более позднее время они стали принадлежностью книжных сфер письменности, а позднее — только поэзии. В XX в. многие из них неизвестны и в поэзии. Словообразовательные гнезда этих корней всегда были очень ограниченными и семантически однообразными.[20] В современном ЛЯ из образований с этими корнями жизнеспособны лишь слова терминологические, поскольку в лек-

---

[20] В словарях церковнославянского и русского языков представлены следующие образования от этих корней — *блат-*: *блато*, *блатный*, *блатистый* и *блатина*; *влас-*: *влас*, *власный*, *власатый*, и нек. др.; *вран-*: *врана*, *враний*, *вранограй*; *глад-*: *глад*, *гладный*, а также (только в древнерусских памятниках) *гладствовать*, *гладотворити*, *гладивый*, *гладовати*, *гладство*); *млат-*: *млат*, а также (в древнерусских памятниках) *млатити*, *млатобиецъ*, *млатобиичь*, *млатьба*, *млачение*; *млек-*: *млеко*, *млечный*, *млековидный*, *млеконосный*, *млекопитательница*; *чред-*: *чреда*, *чредник*, *чредить*.

сике специальной полногласная или неполногласная форма корня закрепляется произвольно (см. *млекопитающие*, *врановые*, *млечники* и др.). В отличие от них некоторые слова с этими корнями, относящиеся к церковно-бытовой лексике (см. *чреждатель* 'тот, кто угощает за столом' — Слов. Алексеева, *чредить* 'угощать' — в Слов. 1847 с пометой «церк.»), совершенно неактуальны для современного ЛЯ.

В работах историков русской лексики указывается, что сужение сфер использования в письменности некоторых из слов со всеми корнями, перечисленными выше, началось задолго до XX в. По свидетельству В. В. Замковой,[21] слова с корнями *блат-* и *бразд-* уже к концу XVIII в. принадлежат только поэзии, а слово *вран* в XVIII в. употреблялось гораздо реже, чем многие другие слова с неполногласием. Из них лишь корень *глад-*, имеющий в современном литературном языке те же отличительные черты, что и все остальные, в XVIII в. использовался еще широко.

Представленные материалы дают основание утверждать, что в диалектной речи отсутствуют именно те из корней в неполногласной огласовке, которые в древнерусской письменности и позднее по сфере своего употребления были далеки от диалектной речи и, кроме терминологических областей, не имели семантического и словообразовательного развития.

Большой интерес для изучения генезиса неполногласия в русских диалектах представляют старославянские морфы неполногласных корней, которые имеют трансформацию не только гласных, но и согласных звуков и потому ни в каких случаях не могут совпасть в произношении с соответствующими полногласными корнями, что полностью исключает возможность их толкования как образований нестаославянского происхождения. В этом смысле они для нас особенно интересны.

В русский язык пришли следующие из таких старославянских морфов неполногласных корней: *вражд-* (от *враг-*), *врежд-* (от *вред-*), *гражд-* (от *град-*), *слажд-* (от *слад-*), *хлажд-* (от *хлад-*), *чрежд-* (от *чред-*). В словах русских диалектов нам известны все эти морфы, кроме *слажд-* и *чрежд-*. Приведем примеры образованных с ними диалектных слов. *Вражд-*: *вра́жда* 'ссора, скандал' (ПОС), *врежд-*: *совреждение* (уд.?) 'вред' (Уржум. Вят., 1882), *гражд-*: *граждáн* 'гражданин' (Тунк. Иркут., 1925), *граждáнский* 'частновладельческий' (Пасли да гражданское сено стравили. Златоуст. Челяб., 1925), *хлажд-*: *проклаждаться* (с изменением начального звука корня *х* на *к*)[22] 'охлаждать' (Кем. Арх., 1907), *проклаждаться* 'быть свободным, отдыхать' (Перм., 1887), *проклаждаться* 'медлить, делать что-либо неспеша' (Костром., 1904,

---

[21] Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория...

[22] О природе этого изменения см.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, с. 144 и сл.

Вят., Сарат. и др.). Несомненна семантическая близость этих слов с соответствующими образованиями в ЛЯ (ср. с ними литературные слова *вражда*, *повреждать* и под.).

В говорах нет слов с морфами *слажд-* и *чрежд-* (см. в ЛЯ *наслаждение*, *услаждение*, *учреждать*, *учреждение* и под.). Эти слова, представляющие прямые заимствования из церковнославянского языка, в ЛЯ выделяются в самостоятельные гнезда. Они отличаются от слов с другими старославянскими морфами этих корней не только составом фонем, но также семантикой и обязательностью присутствия определенных приставок. Надо полагать, что причиной отсутствия для них продуктивности в говорах послужила отвлеченность их семантики, далекой от круга значений, свойственных диалектной лексике.

Таким образом, наличие в русских говорах одних старославянских морфов неполногласных корней и отсутствие других является еще одним доказательством возможности генетической связи со старославянским языком слов с неполногласием, известных в русских диалектах.

2

Обратимся к особенностям семантики слов с неполногласием, доказывающим возможность их генетической связи со старославянским языком.

Имеются многочисленные буквальные совпадения семантики диалектных слов с неполногласием со словами старославянского, церковнославянского и древнерусского языков. Этот вопрос рассмотрен нами на материалах словарей старославянского языка (Ст.-сл. слов и Садник), церковнославянского языка нерусского извода (Слов. Даничича), а также словарей и картотек, содержащих слова церковнославянского языка русской редакции и древнерусскую лексику (см. их список, а также список других использованных нами работ в конце статьи).

Ниже приводятся слова с неполногласием, записанные в диалектах, которые имеют значения, совпадающие с их значением в старославянских и древнерусских памятниках.[23] Здесь приводится только лексика, значение которой в говорах и просмотренных нами старославянских и древнерусских материалах совпадает полностью, поскольку какие-либо различия в семантике слов, вызывающие размышления о характере семантического взаимоотношения лексики сравниваемых сфер, могут затемнить очевидность их генетической преемственности.

В списке приняты следующие правила: если слово есть в старославянских и древнерусских памятниках, то указываются и те,

[23] Церковнославянские памятники нерусских изводов условно соединяются с собственно старославянскими, так как если слово зафиксировано в русских говорах и встречается в невосточнославянских памятниках церковнославянского языка, то есть основание полагать, что оно имелось и в старославянском языке.

и другие. Если слово в соответствующем значении есть только в источниках какой-либо одной принадлежности, то материалы второй показываются в том случае, если в них это слово имеет значение, интересное для сравнения. Для экономии места примеры употребления слов даются лишь из наименее доступных для исследователей материалов ДРС и СРД.

Лексика говоров русского языка

безвре́менный 'несчастный' (Пск., 1855)

безвре́менье 'неподходящее время' (Перм., 1923)

вре́менный 'своевременный' (Смол., 1914)

вре́тье 'грубая ткань, дерюга' (Новг., Ряз., Тамб., Даль)

древенно́й 'деревянный' (Пудож. Олон., 1885—1898)

завлада́ть 'присвоить' (Пск., Осташк. Твер., 1855. Твер., Яросл., Влад., Костром., Волог., Арх., Олон., Вят. и мн. др.)

завла́живать 'присваивать' (Пск., 1849). У его этот ручей давно завлажен

златни́ца 'золотая монета' (Кольск. Арх., 1885 и др.)

испражни́ть 'уничтожить' (Миас. Челяб., 1934)

млад 'молод' (краткая атрибут. форма) ДОС

мре́жи 'невода' (Шадр. Перм., 1930)

насре́дь 'в середине' (Свердл., 1965)

оглаша́ть 'обвинять' (Тотем. Волог., 1892)

огра́да 'территория, обнесенная забором' (Тункин. БАССР, 1968)

побранка 'ссора'. Тамб., 1951, Терск; Пск. (Побранка спьяна случилась)

Лексика старославянских и древнерусских памятников

ДРС: *безвременный* 'несчастный': Печальникъ безвременныи (Ж. Серг. Р. Епиф.).

ДРС: *безвременье* 'неподходящее время' (Дм., XVI в.)

Срезневский: *временный* 'своевременный'

ДРС: *вретье*: 'грубая ткань, дерюга': За драгіи ризи вретма покрываетъ (Уж. измена, XVII в.)

Ст.-сл. слов.: дрѣвѣнъ 'деревянный'

ДРС: *древенныи* 'деревянный': Бани древены (Пов. вр. л.)

ДРС: *завладати* 'присвоить': Многими землями завладали (Ник. лет.)

ДРС: *завлаживати* 'присваивать': Отцы де ихъ монастырскую землю не завлаживали (Ряз. п. кн. XVII в.)

Ст.-сл. слов.: *златница* 'золотая монета'. Слов. Востокова и ДРС: то же

Ст.-сл. слов.: *испражнити* 'уничтожить'

Слов. Алексеева: то же

Ст.-сл. слов.: *младъ* 'молодой'. Срезневский: то же

Ст.-сл. слов.: *мрѣжа* 'невод'. Слов. Востокова, Слов. Алексеева, Срезневский: то же

Слов. Алексеева: *насрѣдь* 'посредине': Насрѣдь доубраве

Слов. Дювернуа: *огласити* 'обвинить, ложно донести'

ДРС: *ограда* 'территория, обнесенная забором': Оустроивъ себѣ коушю въ хврастіи не покровену на мѣстѣ соусѣ в оградѣ (Пролог. (ст. печ.) 1641—1643 гг.) Ср.: Ст.-сл. слов.: *ограда* 'изгородь' и 'логовище'

ДРС: *побранка* 'ссора, перебранка': И у него де, Андрюшки, съ Яковомъ. . . въ тѣ поры учинилась побранка, и бранясь де с Яковомъ . . . (АМГ, 1650)

подбрежье (уд.?) 'место побережья под высоким берегом' (Даль и Гоголь, без указ. места)

Слов. Алексеева: *подбрежье* 'место под берегом'

помрачéнье 'потеря сообразительности, омрачение ума' (Вят., 1907)

Садник: pomračenije 'Verdunkelung' (помраченье сознания). ДРС: помраченье ума (Требник вт. пол. XVI в. и др.)

посрéд 'посреди' (Терск. Кубан., 1900)

ДРС: *посредъ* 'посреди': Смотрю купину ж посред огня злачену вижду (Лож. и отреч. кн. XV в.)

потребить (уд.?) 'истребить, уничтожить' (Вят., Якуб.)

Садник: potrébiti 'vortilgen' (истребить). Срезневский Слов. Дювернуа: то же

похранúть 'похоронить' (Мышк. Яросл., 1935, в говоре с полным оканьем)

ДРС: *похранити* 'похоронить' (АМГ и мн. др.)

прáздный 'не занятый' (Череп. Новг., 1910)

Срезневский: *праздный* 'не занятый'

прекослóвье 'несогласие' (Перм., 1856)

Слов. Востокова: прѣкословиѥ 'возражение, противоречие'. Слов. Алексеева: прѣкословиѥ 'распря'

приврéдье 'пристрастие' (Перм., 1858). Сев.

Слов. Востокова, Срезневский: *приврѣдие* 'пристрастие, склонность'

проклаждáться 'отдыхать' (Екатеринб. Перм., 1887)

ДРС: *проклаждатися* 'отдыхать': Пьет и проклаждается по свеи воли (ДАИ, 1683)

прострáнно 'просторно' (ПОС)

СРД: *пространно* 'свободно, привольно': Възлегъ на мъногомѧкъцѣ постели и пространно протѧгаѧ сѧ помѧни наго лежаштаго подъ ѥдинѣм роубъмъ (Изб. Св. 1076).

прострáнно 'достаточно' (Онеж. КАССР, 1933): Хлеба тогда было пространно

ДРС: *пространно* 'достаточно' (Козм. и др.)

прострáнный 'просторный' (Тобол., 1920): Пространна горница

Садник: prostranъ 'ausgebreitet' (просторный). ДРС: *пространный* 'просторный': А ныне де васъ королевна приказала перевести въ село въ Уличъ и вѣлела вамъ дати дворъ стояти лутче і пространнее тово двора на коемъ вы ныне стоите (Пам. дипл. сн. МГ с Англ., 1582 г.)

прострáнный 'свободный, не стесненный чем-либо' (ПОС)

ДРС: *пространный* 'свободный': Рѣка. . . течетъ пространнымъ теченіемъ (Спаф. Сиб.): ѡт многа съмоущениꙗ ѥже имѧше въ своѥмь сьрдьци сътоужениѥ сънемагаѧ ни гласа простра̀на испоустити можаше (Патерик Син. XI в.)

прострáнный 'нескудный' (Колым. Якут., 1901): Пространное питание

ДРС: *пространный* 'не скудный': Деньги на договоренные сроки исправно платить и лучше пространную пищу и другіе излишніе росходы убавить (Флор. ек.)

прохлáдно 'беспечно, беззаботно' (ДОС): Больно живут прохладно... сам ничего не делает, и сама

ДРС: *прохладно* 'беспечно, беззаботно': Панка его. . . дивовалась что такъ прохладно живетъ, а ни бегъ (ни денег? — прим. изд.) при себѣ имѣлъ начатъ вопрошати

	его. . . повѣжды ми откуды такъ прохладно живешь и всего много имеешь? (РД)
сладúмый 'сладковатый' (ДОС) *сладúть* 'иметь сладковатый вкус' (ДОС)	Слов. Даничича: *сладимъ* 'сладкий' Слов. Востокова: *сладити* 'иметь сладковатый вкус, привкус'. Сл. Дювернуа: *сладити* 'приобретать сладковатый привкус'
страмотúть 'позорить' (ДОС) [24] Что же ты будешь сама сие страмотить?	Слов. Даничича: *срамотити* 'позорить'. ДРС: *срамотити* 'позорить': Насъ не срамотилъ (Курб. Пис. и др.)
стрáнство 'странствие' (Волог., 1937)	ДРС: *странство* 'странствие': Вложи ему богъ въ странство поити (Переясл. лет. XV в.)
стрáнный 'посторонний' (Калуж., Тамб., Орл., Даль)	Слов. Востокова, Слов. Алексеева: *страненъ* 'посторонний, чужой'. Срезневский, ДРС: то же
стрáнный, сущ. 'странник' (Арх., 1885. Олон.)	Срезневский: *страньный* 'странник'
упраздни́ться 'освободиться, стать свободным' (Урал., 1934)	(Садник: uprazniti aufhören (стать свободным)) Слов. Даничича: *упразднитисе* 'стать свободным'. Срезневский: *упраздънитися* 'освободиться'
храброва́ться 'храбриться' (Перм., 1854)	ДРС: *храброватися* 'храбриться': Крѣпко бишася съ иноплеменники и твердо за нь брашася и мужески храбровашася (Симеон. лет.)
храни́ться 'остерегаться' (Устьян. Арх., 1957): Дак ведь хранились	Срезневский: *хранитися* 'остерегаться'
чрева́тый (ж) 'беременная' (Вят., 1848)	Слов. Востокова: *чревата* 'беременна'. ДРС: то же: Реа отходитъ въ Критъ, понеже тогда была Діемъ чревата и тамо въ вертепѣ горы Дікты родила Діа (Аполлодор, 1725)
чре́во 'женская брюшная полость (как место зарождения плода)' (Брян., Суетенко)	Садник: črěvo 'Mutterlieb' (материнское чрево). Срезневский: *чрево* 'женская утроба'

Эти материалы показывают, что в говорах имеется большое количество слов с неполногласием, семантика которых идентична соответствующим лексемам старославянских и древнерусских памятников. Их список можно было бы значительно увеличить, однако и показанный материал является важным свидетельством генетической связи образований такого рода со старославянским языком.

Все слова списка, кроме *сладимый*, обнаружены в древнерусских памятниках. Это говорит об обязательности посредничества древнерусского литературно-письменного языка для усвоения неполногласных форм в говорах. Те из них, которые иллюстрированы только древнерусскими памятниками, видимо, не во всех

[24] О наличии неполногласия в этом слове свидетельствует добавочное *т* между *с* и *р* корня, появляющееся только при неполногласной огласовке этого корня.

случаях можно считать собственно русскими, так как с точки зрения лексической старославянский язык в настоящее время изучен еще недостаточно.

Указанные здесь древнерусские памятники относятся к разным жанрам, что говорит о связи слов с неполногласием, известных в диалектах, с лексикой памятников разного рода.

Сравнение состава корней с неполногласием в говорах и литературном языке показывает, что в диалектах употребляются в большинстве случаев слова именно с теми корнями, которые существуют и в современном ЛЯ. Некоторые диалектные образования с неполногласием имеют полное лексико-семантическое совпадение с лексемами древнерусских памятников. Все это дает материал для того, чтобы говорить об единстве происхождения лексики с неполногласием в говорах и в русском литературном языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДРС — Картотека словаря древнерусского языка XI—XVII вв. Институт русского языка АН СССР, Москва.

Садник — Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten von L. Sadnik und R. Altzetmüller. Carlwinter—Universitätsverlag—Heidelberg, 1955.

САР — Словарь Академии Российской, ч. 1—6. СПб., 1789—1794.

Слов. Алексеева — Алексеев П. Церковный словарь. М., 1773; Дополнение к Церковному словарю Алексеева. М., 1776; Алексеев П. Церковный словарь, ч. 1. СПб., 1794; ч. 2. СПб., 1794; ч. 3. СПб., 1794.

Слов. Востокова — Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка, т. 1. СПб., 1858; т. 2. СПб., 1861.

Слов. Гейма — Гейм И. Новый российско-французско-немецкий словарь, ч. 1—4. М., 1799—1802.

Слов. Даничича — Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, т. 1—3. Београд, 1863—1864.

Слов. Дювернуа — Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

Слов. Соколова — Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений. . ., ч. 1—2. СПб., 1934.

Слов. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка. Сост. Вторым отд. Акад. наук, т. 1—6. СПб., 1847.

СРД — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Институт русского языка АН СССР, Москва.

Срезневский — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского, т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Ст.-сл. слов. — Słovnik jazyka staroslověnského. Československá Akad. věd. Słovanský ústav. Hlavni red. J. Kurz, 11. Praha, 1959 (издание продолжается).

Сустенко — Сустенко В. Н. Из наблюдений над некоторыми словами в брянских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по диалектологии. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968, т. 325.

Якуб. — Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

В. В. КОЛЕСОВ

К реконструкции общерусской лексической системы со значением 'vita'

Словарь русских народных говоров выразительно показывает лексическое, словообразовательное, семантическое распределение слов с общим значением 'vita' в говорах русского языка. Географические границы каждого из них прослеживаются весьма четко. Например, для слова *жило* выявляется двузначность: 'житье, жизнь' — в южнорусских, 'постройка, этаж, жилец' — в севернорусских говорах.[1] Такое расхождение безусловно вторично и объясняется общей системой значений, ставшей характерной отдельно для южных и северных говоров. Поэтому, например, для внутренней реконструкции общерусской системы эта лексема не годится. Следует использовать только те материалы словаря, которые могут восходить к общерусскому периоду, прежде всего слова *живот*, *житье*, *жизнь*. Большое значение в такой реконструкции получают данные картотек полных диалектных словарей, с которых мы и начнем изложение материала.[2]

Как можно проследить по материалам Архангельского областного словаря, архаический слой говора в противопоставлении слов *житье* — *живот* сохраняет общее значение 'формы (жизни)' и 'средства (жизни)'.

Житье как слово для обозначения жизненного уклада, быта, места пребывания употребляется широко, варьируя в зависимости от контекста, ср.:

'хозяйство': Переехали с житьем бытьем со всем (Сопош.);[3] В одном житьи живут (употребляется очень часто); Своя комната,

[1] СРНГ, вып. 9. Л., 1972, с. 175.

[2] В подготовке статьи использованы картотеки Архангельского областного словаря (МГУ), Словаря русских говоров Карелии (ЛГУ), Псковского областного и Печорского областного словарей (ЛГУ), Брянского областного словаря (ЛГПИ), Смоленского областного словаря (Смол. ПИ), СРНГ (ЛО ИЯ АН СССР). Автор очень признателен коллективам словарей и их руководителям за возможность ознакомиться с этими интересными материалами. Особенную благодарность хочу выразить Г. А. Цыхуну и А. Н. Залесскому за подробные сведения о белорусских и украинских говорах.

[3] Примеры приводятся в орфографической записи, в скобках показаны места записи в сокращениях, принятых составителями картотек.

своим житьем живут (Дор.); также устойчивое сочетание *житье смотреть* ('сваты знакомятся с хозяйством невесты');

'семья': Раньше большими житьями жили (Леш.); В нашем житьи було петь девок (Конош.);

'хорошая жизнь': Худо всё было, а ныне-то житьё (Котл.); Ноне дожили до житья, а здоровья нет (Вель); Нонеце в деревне стало житье (Вт.); сюда же, видимо, относится и сочетание *девичье житье*: Не видела девьего житья (Зиногр.); Это девочье житье, пока красовито (Онеж.). Отрицательная степень качества достигается обычными для говора средствами, присоединением отрицания или соответствующего прилагательного (ср. *погода* 'хорошая погода' — *непогода*, и т. д.): Всё ей здесь не житьё, не бытье (Онеж.); У них будто житье было похуже (Нянд.); От худой жиры, от плохого житья погиб (Плес.), и т. д. А. Грандилевский устанавливал также значения 'квартира, жилье', 'жительство, проживание'.[4] Все эти значения определенным образом связаны, восходят к общему для них в прошлом значению 'материальное обеспечение жизни', древность которого подтверждается и возможным противопоставлением типа *богатое — бедное*, *хорошее — худое*, *дородное — тяжелое*, *ранешнее — нонешнее житье*.

Столь же древним в системе говора является и слово *живот*, значения которого А. Грандилевский передает в следующей последовательности: 'желудок, брюхо' — 'именье, имущество' — 'жизненные силы, жизнеспособность, жизнь'.[5] Последнее значение сохраняется только в определенных сочетаниях, подтверждающих древность самого значения, например в противопоставлении *жизнь — смерть*: Мы родилися на смерть, а умрем на живот (Дор.); Ни смерти, ни живота нет (Вель); в наречии *живота* со значением 'только', 'быстро', ср.: Живота воды не хватит, так и в печи вода есть (Дор.); Алика если не спустят, так живота перехвачу кого ли (ПФК); Он живота к ним сбегает (ПФК); Живота овец убью (Дор.) и др.; ср. еще устойчивое сочетание *на живот робить* 'зарабатывать на жизнь': Преже на живот робили. Другое устойчивое сочетание, очевидно, относится сюда же: *в животы уйти* ('перейти на жительство в дом жены': Ушел к женке в животы, дома много братьев, а ее из дому не отпускают, приходится идти в животы — Вель); примак здесь называется *животаном*, *животником*; естественно, это связано не с тем, что он становится частью имущества или определяется по наличию желудка; здесь, как и в любом архаическом клише, сохраняется исконное значение слова 'жизнеспособность, жизнь'.

Значение 'имение, имущество', видимо, является более поздним, оно возникло в результате перенесения с более древнего

---

[4] Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907, с. 144.

[5] Там же.

значения ‘(домашний) скот’ и до сих пор обычно встречается в сочетании со словом *скот*: Ни скота ни живота нет; Все было, и скота и живота в доме; А у меня в доме и скот, и живот, и т. д. Наоборот, слово *живот* в значении ‘скот’ в говоре встречается довольно редко, остаточно, как архаический вариант нового образования *животна(я)* или *животина*, *животинка*. Только слово *животна(я)* обозначает ‘домашнее животное (скот)’, два других слова служат для обозначения любого живого существа. Вторичность значения ‘имущество’, кроме редкости его, кроме вторичного отталкивания от значения ‘скот’, подтверждается также явным пересечением с одним из вторичных значений слова *житье* – ‘хозяйство’, ср.: В золоте да в серебре, животов воз везет (Горка) – Переехали с житьем бытьем со всем (Сопош.). Двузначность этого редкого контекста препятствует уточнению значения слова *живот*.

Самым распространенным значением этого слова является, конечно, ‘желудок, брюхо’, а также связанное с ним значение ‘беременность’, ср.: От животов да от тяжестей (у женщины) жилья напряглись (Плес.); Осип в четвертый живот родился (Мез.); Одна родилась, другая в животе осталась (Прим.), и т. д.

В отличие от этого слово *жизнь* не имеет в говоре конкретных значений, своей собственной семантической сферы употребления, представлено в просторечном фонетическом варианте (только *жись* указывает и А. Грандилевский) и, как правило, использовано лишь в тех контекстах, которые могут быть литературными по происхождению, ср. обычные и широко распространенные сочетания типа *всю жись*, *свою жись* (погубил), *не в жись больше*, *жисть ныне хороша(я)*. В последнем случае противопоставление ограничено двумя возможностями: прежняя (и плохая) жизнь противопоставлена нынешней (хорошей) жизни, наблюдается, пока еще неполное, пересечение в значениях со словом *житье*. А. Грандилевский не случайно указывал, что значение слова *жизнь* в говоре сближается именно со значениями слова *житье*, ср. *жись* ‘жизнь, проживание’, ‘материальное обеспечение, пропитание’.[6] На то, что именно таким был путь вхождения слова в диалектную систему, указывают некоторые устойчивые сочетания, например *жизнь схватить* (*давать* и т. д.) ‘хорошо узнать жизнь’: Там тоже есть старушка, век прожили, много жизни знают, а жизни она схватила (Онеж.); Годы дают жизни (Вин.); *по жизни* (*быть*): Нехорошо, он бедовска, она по жизни тяжела (Холм.); У нее мать была порато худа на жизни (Прим.); По жизни хорошая-то Лидия (Вель); ср. еще: Она тоже из моего дома по жизни-то (происходит из той же семьи) (Вель). Речь идет о материальной стороне жизни, и само слово *жизнь* осмыслено носителями говора именно как вариант слова *житье*. В отличие от двух других слово *жизнь* своими значениями не выстраивается в последовательный семантический ряд, весьма ощутима зависимость этого

[6] Там же.

слова от тех конкретных контекстов, с которыми оно могло входить в говор из литературного языка.

Аналогичная система представлена во всех поморских говорах и к востоку от них, не только в бассейне Пинеги, но также и по Печоре, по Мезени и т. д. Слово *жизнь* в картотеке Печорского областного словаря также представлено единичными примерами (*жись*, *жисточка*). Любопытно функциональное распределение слов *житье*, *живот*, *жизнь*. Как цельный процесс понятие 'жизнь' связывается со словом *живот*, ср. сочетания *весь живот* (Редки годы хороший улов бывает, на весь-то живот не напашешь, Тельвиска), *живот и смерть* (Смерть ли живот, как будет мне известно, Гарево), и т. д. Слово *жизнь*, входя в систему говора, контекстуально сближается со словом *житие*, следовательно, и сама 'жизнь' воспринимается как дискретная характеристика жизненного процесса, способного проявляться «полосами», отсюда и сочетания типа *всякая жизнь*: Ну всяко же жись тоже переходила (Трусово); Жись кака ле всяка была, часто голода были (Филипповская). По существу в говоре нет разграничения между лексемами *житье* и *жизнь*, поэтому некоторые контексты со словом *житье* могут восприниматься как соответствующие литературному *жизнь*, ср.: Перед нынешним-то худо житье мы жили, надо было горбом своим робить (Боровское); Беспуто житье жили (Скитская); Житье добро было (Замежное). Из приведенных примеров видно, что *житье* значит уже не только 'хорошая жизнь', но вообще 'жизнь', ср. обязательное уточнение качества в сочетаниях *худо житье — житье добро*. Связано ли это расширение значения с вхождением в диалектную систему новой лексемы (*жизнь*), неясно; необходимо уточнить сделанное наблюдение, используя материал других говоров.

Из материалов, представленных в картотеке Словаря русских говоров Карелии, выявляется аналогичная система соответствий, хотя некоторые значения слов *житье* и *живот* представлены здесь шире, чем в архангельских говорах. Приведем совпадающие данные об отклонении от рассмотренной системы.

Житье. 1) 'хозяйство': Мы росли не в богатом таком житьи, когда что придется, то и оденешь (Онеж.); В других житьях может и есть что, а у меня нет (Медвеж.); ср. сочетание *жить житьем* для обозначения самостоятельного хозяйства: Жила житьем там, а теперь приехала (Прионеж.); Житьем старуха жила, вот они и решили ее обокрасть (Кемь);

2) 'семья': Девка была с богатого житья, а попала в бедну семью (Пудож., также Вытегорск. и др.) — на этом примере видна связь понятий 'хозяйство' и 'семья', а также явное противопоставление слов *житье* и *живот* в некоторых их значениях: *житие* 'хозяйство' (т. е. форма жизненного уклада) — *живот* 'имущество' (т. е. средства к жизни, может быть, и личное имущество);

3) 'хорошая жизнь': Теперешнее житье так надо век жить (Лодейное поле); Лучше девочьего житья не найдешь (Прионеж.);

отрицательная степень качества также образуется аналитически.

Картотека словаря русских говоров Карелии содержит цитаты, подтверждающие два других значения слова *житье*:

4) ‘жительство, проживание’: Все дети в рост пошли, все в городе живут, зовут на житье, да в деревне мне лучше (Кирилл.);

5) ‘квартира, жилье’: Жира это житье, двуэтажный дом раньше двужирные назывались дома (Каргоп.); У них внизу дома житья нет (заколочено, никто не живет) (Онеж.).

Только однажды зарегистрировано употребление слова в значении, близком к литературному ‘жизнь’: Да не к житью-то, все это не к житью (а к смерти — примета) (Пудож.). Обычно в таком значении выступает другое слово — *живот 1.*

Живот. 1) ‘жизнь’: Веснуха, так это болесь, гнетет и гнетет, ни живота ни смерти (Медвеж.); Смерти нет, да и живот худой (Арх.);

2) ‘именье, имущество’: Смерть животы окажет, животы это имущество (Беломор.); С Венькой жить так живота не нажить, все раздавается (Варзуга); Замуж выходит девка, животы собирает да к мужу перебирается (Медвеж.); (у меня) в животах нет (т. е. никогда не было) (Пудож.). В том же значении употребляется и слово *животишко*: Потом лесом шли, все животишко ростеряно, я чашку ложку привезла только (Медвеж.). Как известно, в былинных текстах, записанных в Заонежье, слово *живот* используется только в значении ‘именье, имущество’.

3) ‘скот; животное’: Животов я не могу содержать, уж старая, огород только (Медвеж.), и т. д. Всякое живое существо, кроме человека, обозначается также словами *животина*, *животинка*, *животна(я)*, причем последнее относится преимущественно к домашним животным (это производное ближе к основному значению слова в говоре: *живот* ‘(живое) имущество’). *Животина*, напротив, воспринимается как самостоятельное слово, которое, с одной стороны, заменяет старое *живот* в значении ‘скот’ (поскольку *живот* теперь — не только ‘движимое имущество’), но, с другой стороны, шире его по семантике.

4) ‘желудок, брюхо’: Офицеры все с брюшьями, а у тебя нет живота (Пудож.); Это грудина, это живот, а ниже брюхо (Веретье); Болел у него животик (Пудож.); Ён животину-то отрастил (Подпорожье); У нее рахит, бронхит, животище тако как у лягухи (Онеж.); отсюда развивается значение ‘беременность’, ср.: А одна в первый живот родила двойчат, а потом с третьим животом померла (Лодейнопольск.); Живот принесла в девушках (Медвеж.), и т. д.;

Все употребления слова *жизнь* совпадают с контекстами, в которых возможно и слово *житье*, начиная с эквивалентного *жизнь=житье* ‘хорошая жизнь’, ср.: Подворило ей, ростолстела, она стала здорова от жизни. Которой не подворит, чахла така

сделается (Медвеж.). Можно сопоставить некоторые типы сочетаний, чтобы убедиться в эквивалентности этих двух слов в говоре: ‘семья’: Без отца в худом-то житьи жили (Каргоп.) — Никакой жисти не будет годной семейной (Медвеж.);

‘совместная жизнь’: В житьи хороший был, не греховодный, все шуткой, все шуткой (Беломорск.) — У меня Петька-то для жизни хороший был (Лодейнопольск.);

‘образ жизни’: А что это житье, не захочешь и жить, как ноги не пойдут (Вытегорск.) — Тут всяки жизи испытаешь (Кирилл.);

‘проживание’: Вчерась тоже привезли морошки по полному коробу, а мы, как житье будет спокойно, так в понедельник пойдем (Беломор.) — Ходил к любушке, на ней потом и женился, а ей не пришло жизни, тракторист убил дак (Лодейнопольск.).

Замещение новым словом *жизнь* происходит главным образом в поселках городского типа, в районах, близких к большим городам. Такое замещение прослеживается также и на устойчивых сочетаниях (*сроду* и *так ни в жись*, Каргоп.), которые в некоторых случаях дают контаминации типа *я в жись сроду бы не поехала дак* (Терск.).

Любопытно также, что слово *жизнь* воспринимается носителями говора как выражение дискретности бытия, это слово может передавать значение ‘определенный отрезок времени, период времени, эпоха’, ср.: Топоры-те разные были, из жизни в жизнь переходят (Вытегорск.); А нам последнюю жизнь спокойно осталось жить (Терск.). В этом можно видеть дополнительное указание на сближение значений слова *жизнь* со словом *житье* (членимость во времени и в пространстве), а не со словом *живот* (которое обозначает целостный процесс жизни). В отличие от печорских русские говоры Карелии не обнаруживают расширения в значении слова *житье* — только ‘хорошая жизнь’, а не ‘жизнь’ вообще. По-видимому, архангельские и карельские говоры в этом отношении являются наиболее архаичными русскими говорами.

Псковские говоры представляют исходную систему еще более разрушенной, об этом свидетельствует обширная картотека Псковского областного словаря. В архаическом пласте говора (в территориальном или возрастном отношении) сохраняются еще исконные значения слов *житье* и *живот*, что подтверждает, в частности, историческую адекватность псковских говоров севернорусской диалектной системе.[7] См. в качестве примеров *житье*: 1) ‘хозяйство’: (не выбрасывай), может житью и надо (Гдов.) (речь идет о разных частях ткацкого стана — могут сгодиться в хозяйстве); 2) ‘семья’ (картотекой не представлено); 3) ‘хорошая жизнь’: Вот таперь житье (Пушк.); Таперь гулянье житье (Дновск.), но в целом происходит обобщение этого значения —

[7] Другим доказательством древности именно этих слов является широкое их употребление в языке фольклора в отличие от слова *жизнь*, попавшего в междиалектный язык сравнительно поздно.

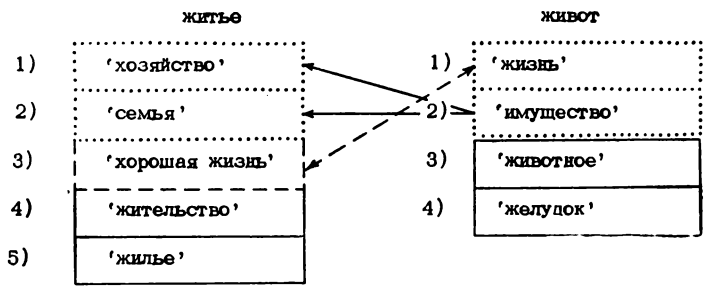
'жизнь (вообще)': Плохо было житье, много детей было (Вел. Луки) — Ейная хорошее житье, чего не жить (Локн.); 4) 'жительство, проживание': Из Абросова жильцы уехавши в город на житье (Вел. Луки); На житье мы никуда не уходили (Струго-красн.); 5) 'жилье': гумно рассыпали, а в подвале сделали житье (Пск.); У нас две хаты было, так что житья-то много было (Н. ржев.).

Таким образом, из пяти значений наиболее активными являются два последних, третье утрачено, а два первых по существу уже отсутствуют в говоре.

Слово *живот* также сохраняет только два значения: 'животное' и 'желудок' (примеры многочисленны), причем первое из них, как обычно, подкрепляется рядом словообразовательных вариантов (*животина*, *животная*). Таким образом, и в этом слове два первых значения в говоре элиминированы, лексемы *житье* и *живот* сохранили только по два очень конкретных значения (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение значений у слов житье и живот в русских говорах

Следует определить, не замещены ли старые значения этих лексем новым для говора словом *жизнь* (*жись*, *жисть*, *жистя*, *жизня*).

Слово *жизнь* в псковских говорах по существу может заменять любое значение слова *житье* и два первых значения слова *живот*. Из этого следует, что совмещение с лексемой *житье* началось раньше (как и в остальных северных говорах), а семантическое пресечение со словом *живот* происходит позднее на основе эквивалентности некоторых значений, т. е. *житье 1* и *2* ∽ *живот 2*, *житье* 3 ∽ *живот 1*. Однако подобного пресечения не произошло бы без вторжения в систему лексемы *жизнь*, которая принесла с собой самые общие значения, способные обобщить более частные значения исконных для говора слов, ср. *живот* 'биологическая жизнь' ∽ *житье* 'хозяйственная жизнь' > *жизнь* 'жизнь (вообще)'. С другой стороны, *житье* как выражение коллективного обеспечения жизни ('хозяйство семьи', 'семья') ∽ *живот* как

выражение индивидуального обеспечения жизни (‘имущество’) > *жизнь* (без дифференциации указанных оттенков). Приведем некоторый материал из псковских говоров, чтобы показать хронологическую последовательность изменения.

Лексема *жизнь* на месте *житье 1* и *2* ∽ *живот 2*: Помогал-то нам в жизни, и огород обсаживал (Остр.: ‘хозяйство’); Став сгорел, растеряла всю жизнь (Порх.: ‘имущество’); Была знакомая девушка, она была хорошей жизни (Гдов: ‘семья’). Возможность подобной замены определяет семантические смещения в производных словах и устойчивых сочетаниях, ср.: Денег много, ну и уезжает на курорт жизнь ломать (Пск.: ‘проживать жизнь’ и вместе с тем конкретное значение ‘проживаться, тратиться’). *Жизненный* — новое для говора образование, поэтому оно многозначно и автономно по отношению к литературному значению этого слова, но весьма конкретно в своих значениях; ср., с одной стороны: В Пскове невестка, сын, жизненные люди (Печор.: ‘солидные, состоятельные, вышедшие в люди’), с другой: Какие веселенькие, какие жизненные (Кр.: ‘жизнерадостные’).

Лексема *жизнь* на месте *житье 3* и *живот 1*: Манька повидала горя, а теперь она в жизни живе (Пытал.: ‘хорошая жизнь’); Как стали ребятишки подниматься, родители и жизнь поняли (Тороп.: ‘хорошая жизнь’); Здесь три года тому назад человек застрелился на своей жизни (Дновск.: ‘по личным причинам’); Угорец, рыба, пользуется росой в ночи, а если обсох, нет ему жизни (Невель: ‘не может жить’). Следует отметить, что старые, очень частные значения слов *житье*, *живот* заменяются в этих контекстах словом *жизнь*, всегда выявляясь из устойчивых (для говора) сочетаний *в жизни жить*, *жизнь понять*, *на своей жизни*, *нет ему жизни*. По существу происходит проникновение новой лексемы в древние сочетания типа *в житьи жить*, *житье понять*, *на своем животе*, *нет ему живота*. Этим завершается длительный процесс экспансии лексемы *жизнь* во все функциональные сферы употребления слов *житье* и *живот*. Но благодаря подобным остаткам мы и можем проследить направление изменения, пользуясь материалом современных говоров. Как и в предыдущем случае, направление изменения является односторонним (в пользу лексемы *жизнь*) и характерно для всех говоров Псковской области независимо от степени их архаичности. Одинакова также семантическая линия совмещения семем *житье 3* и *живот 1* при возможном выражении их лексемой *жизнь*. В тех случаях, когда *жизнь* употребляется на месте *житье 3* и *живот 1*, обычно имеется в виду ‘хорошая жизнь’, т. е. принимается во внимание наиболее узкое значение из двух совмещающихся в новой лексеме. Таким образом, новая лексема на первых этапах своего вхождения в диалектную систему не просто и не механически «спрачивает» разнородные частные значения различных слов старой системы, она к тому же не навязывает диалектной системе сразу всех своих (литературных) значений, ограничиваясь теми, которые

уже отработаны в системе. *Живот 1* ‘биологическая жизнь’ и *житье 3* ‘(достаточная) материальная жизнь’ вполне сопоставимы и объединяются значением ‘(хорошая) жизнь’ в лексеме *жизнь*. Поэтому в псковских говорах широко распространены именно такие сочетания: *богатая*, *не худая*, *хорошая*, *белая*, *первая* и т. д. *жизнь*, также противопоставление *прежней* (*задней*) и *теперешней жизни* как характеристика нынешней *хорошей жизни*. Особая близость к старому значению слова *житье* ощущается во временно́м аспекте значения: для носителя говора *жизнь* — это не ‘форма существования материи’, а скорее определенная длительность в различных ее проявлениях, ср.: Жизнь прялицем, время хорошее и плохое (Бежан.), отсюда: Я всяких жизнев пережила (Невель); (теперь) нам белая жись (Печор.); (а в прошлом) жись серая, грамоты не учили (Палк.), и т. д. Отсюда также и сочетания типа: Ни в жись не возьмет (Н. ржев.); В жисть я не думала, что дети бросят (Печор.); С жизни веку ‘испокон века’ (Вел. Луки) — с наречным значением времени.

При этом во всех контекстах и в любых заменах слово *жизнь* еще воспринимается как эквивалент слову *житье*, новая система диалекта еще не выработала четкого семантического противопоставления слов *житье* — *жизнь*, и в ряде случаев возможны замены новым словом всех вообще значений слова *житье*, даже тех, которые вполне допустимы в литературном языке (некоторый «перехлест» как следствие билингвизма носителей говора), ср.: Поехали на жизню в Сибирь, муж помер (Себеж: ‘житье, жительство’); Тут не было жизни, начальство жило в избе (Вел. Луки: ‘жилье, возможность проживания’).

Более южные русские говоры уже почти не сохраняют следов архаической системы. Обширные картотеки словарей брянских и смоленских говоров представляют обычное для литературного языка противопоставление *живот* ‘желудок, брюхо’ — *житье* ‘проживание’, ср. в брянских говорах: Ему рой (пчел) на житье, сильный рой зашел в ульё (Севск.); У коров желудок иль живот, а у людей тоже (Добр.) (животные, скот также обозначаются словами *животина*, *животная*). Представлено несколько устойчивых сочетаний с неопределенным значением слова *живот*, ср.: Получу скулья в живот ‘ничего не получу’; Своя корова голосит, и о лошадях живот замирает (‘жаль кого-либо’). Слово *жизнь* представлено лексемами *жисть* и *жизня*, которые охватывают все значения, характерные для этого слова в литературном языке. В брянских говорах такая система сложилась уже довольно давно, как можно судить по материалам старых записей.[8] Аналогичное состояние отмечается в соседних с ними смоленских говорах.

Другие говоры не представлены столь полным материалом. Обычно составители словарей указывают только старые значения

[8] Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, с. 101: *жысть* и *життё* одинаково значат ‘жизнь’.

слова *живот*: ‘скот’ или ‘всякое имущество’ в ярославских говорах,[9] *животина* ‘домашний скот’ в калининских говорах,[10] *животина* ‘домашнее животное’, *живот* (собират.) ‘имущество, пожитки, скарб’, ‘скот’ в старожильческих говорах Урала,[11] здесь же *житье* ‘домашняя, семейная жизнь’, *к житью бы* ‘если бы еще пожить’.[12] Однако все это только остатки архаической системы, наиболее полно представленной в архангельских и карельских говорах. Можно, правда, установить первоначальное несовпадение в значениях слов *живот* — *житье* и по этим остаткам, но только на фоне цельных по законченности северных систем.

Материалы старых записей, собранных в картотеке СРНГ, показывают, что размывание семантических границ всех трех слов и в средневеликорусских говорах происходило не столь давно; можно подобрать иллюстрации ко всем значениям слов *живот*, *житье*, хотя бы в одном говоре заменяемых лексемой *жизнь*,[13] ср. *жисть* в значении ‘имущество, хозяйство’ (смол., рязанск.), ‘средства к существованию’ (владимирск., калужск.), ‘место жительства’ (енисейск.).[14] В устойчивых сочетаниях, которые еще способны сохранять некоторые значения слов архаического контекста, обнаруживается, во-первых, замена словом *жизнь* слова *живот* (а не *житье*), во-вторых, осознается *жизнь* в ее временно́м пределе, ср. *до жизни* (его), *до жизни веку*, *от роду жизни* как замены других, более древних сочетаний со словом *живот*: *до живота* (его), *до живота веку*, *от роду живота*, и др. С другой стороны: *кричать во всю жизнь* или *терять жизнь* в значении ‘зря терять время’.[15] Из таких сопоставлений также выясняется, что включение слова *жизнь* в семантическую сферу слова *житье* произошло гораздо раньше, чем обозначились линии пересечения в значениях слов *живот* — *жизнь*, отсюда такая неопределенность в употреблении слова *жизнь*, отмеченная нами и на материале картотек. Обилие самостоятельных значений слова *живот* обратным образом подчеркивает почти полное устранение слова *житье* из оппозиции к слову *жизнь*, их длительное сосуществование в качестве вариантов. При этом *жизнь*, вбирая в себя множество частных значений, постепенно становилось полным эквивалентом слову *жизнь* в литературном языке, тогда как *житье*

---

[9] Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, с. 66.

[10] Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972, с. 61.

[11] Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964, с. 159.

[12] Там же, с. 160.

[13] Примеры см.: СРНГ, вып. 9. Л., 1972, с. 172, а также с. 156—160, 188, 197.

[14] В контексте песни: Уж я родиной — москвич/жизнью — Нижний городок. См.: Живая старина, 1897, вып. 1, с. 189.

[15] СРНГ, вып. 9, с. 172 (из записи старожильческого говора в Новосибирской области).

и особенно *живот* с течением времени утрачивали свои более общие значения, сохраняя только наиболее конкретные из них (не всегда совпадающие по говорам).

Вторичность лексемы *жизнь* для русского языка подтверждается не только семантическими изменениями этого слова, которые можно проследить на сравнении диалектных систем разной степени архаичности и на историческом материале. Можно предполагать, что церковнославянский суффикс (*-зн-*) никогда не был принят в русские говоры в таком виде и всегда изменял свою форму: *жись*, *жисть* или *жизня*. Сохранялась, следовательно, грамматическая характеристика слова (женский род), но состав фонем его изменялся в соответствии с общими фонетическими изменениями устной русской речи. Закон восходящей звучности не допускал и не допускает в конце слова произношения с «незаконченной гласностью», требует изменения либо в *жис(т)ь*, либо в *жизня*.

Сохранение грамматической характеристики женского рода важно для русского языка, в котором абстрактная лексика преимущественно маркируется женским родом. Обобщение частных значений имен среднего (*житье*) и мужского (*живот*) рода сопровождалось, разумеется, соответствующей грамматической приметой семантического класса. Можно даже предположить, что первоначальное сближение слова *жизнь* со словом *житье* обусловливалось, между прочим, тем, что слова среднего рода в древнерусском были нейтральными в категориальном смысле (варьировались с именами либо мужского, либо женского рода — в зависимости от семантики последних).[16] Таким образом, семантическая безразличность в противопоставлении вступивших в дополнительное распределение слов *жизнь* — *житье* на определенном этапе поддерживалась также отсутствием грамматического противопоставления по роду.

Что же касается фонетического оформления слова, то форма *жизня* представлена преимущественно в южновеликорусских говорах (см. примеры в СРНГ, вып. 9), для которых вообще характерно изменение типа склонения данного рода (ср. *ноча*, *доча* вм. *ночь*, *дочь*); можно без колебаний такую форму слова признать поздней. В картотеках Псковского и Брянского областных словарей *жисть* — обычно распространено на севере, *жизня* — на юге территории; произношение *жизень* не имеет четко очерченного ареала и, по всей видимости, является просторечным приспособлением к литературному *жизнь* (как *рубель*, *литар* на месте *рубль*, *литр*, по типу *плесень*).

Для точности реконструкции важно сравнить полученные данные с материалом других восточнославянских языков, следовательно, продолжить хронологическую перспективу в глубь веков.

---

[16] См.: Шамина Н. А. Явления родовой синонимии в русском языке. Автореф. канд. дис. Казань, 1971.

В белорусском языке и в его говорах лексема *житье* обобщила все старые значения, связанные с обозначением жизненного процесса (в том числе и *живот 1*), *жыццё* как ‘житье, жизнь’ указывается всеми источниками по всем говорам Белоруссии. Это точный эквивалент русскому литературному слову *жизнь*, хотя по говорам встречаются и другие слова с тем же значением (всегда несколько более конкретного значения, ср. *жытка*, *жытлб*, *жывоцце* как ‘проживание’, ‘жилье’ и т. д.). Слово *живот*, напротив, сохраняет многие свои значения, восходящие к общерусскому языку, такие, например, как ‘желудок’, ‘брюхо’, ‘пузо’, ‘пожитки’, ‘дом, скот’, ‘сила’, ‘жизнь’.[17] Хотя многие из этих значений и архаичны (см. примеры у И. И. Носовича) и встречаются только в определенных сочетаниях (например, четыре последних только в форме множественного числа), тем не менее они осознаются носителями говора как литературные.

Слово *жизнь* неизвестно белорусскому языку, оно зарегистрировано только на границе с русскими говорами, ср. «*жысць* — віцебскае» (городское?),[18] *жысць* в песне и в устойчивом сочетании (А няхай яе з такою жысьцяю — працюй, працюй, а хлеба німа) в восточномогилевском говоре,[19] *жызьня* в осиповичском районе Могилевской области.[20] Составители картотеки к словарю говоров Туровщины, записывая слово *жись* (*жызь*) в речи поселковых жителей, определенно утверждают, что «*жызь* — редко, возможно русизм» (картотека). Никакие другие материалы не указывают на слово *жизнь* как характерное для белорусских говоров.

В украинских говорах положение аналогичное. Общую характеристику современным украинским говорам относительно данных слов дал А. Н. Залесский в письменном ответе на мой запрос, поэтому излагаю его заключение полностью: «Почти во всех населенных пунктах, обследованных по вопроснику ОЛА,[21] понятие ‘жизнь’ выражено лексемой žyt’:a (žyt’:e, žyt’a, žyt’e, žyt’je,) и лишь в части карпатских, особенно закарпатских, говоров — лексемой žyvot (соответственно часть тела, ‘живот’ в этих говорах передается лексемой čerevo). В преобладающем большинстве украинских говоров žyv’it (žyvot, žywut, žywuot

---

[17] См.: Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 155; Бялькевіч Ј. К. Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, с. 169; Шатэрнік М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929, с. 95; Гарэцкі М. Беларуска-маскоўскі слоўнік. Вільна, 1921; Картатэка Слоўника Тураўшчыны (Институт мовазнаўства АН БССР, Минск).

[18] Каспяровіч М. Ј. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.

[19] Бялькевіч Ј. К. Краёвы слоўнік. . ., с. 170.

[20] Бузук П. А. Да характарыстыкі беларускіх дыялектаў гутаркі Асіпавіцкаго раёна. — Зап. аддзела гуманіт. навук. Працы класа філалёгіі, т. 2, кн. 9. Мінск, 1929.

[21] Материалы к диалектологическим атласам, как известно, касаются только этнографической лексики, и только вопросник к «Общеславянскому лингвистическому атласу» предусматривает информацию относительно наших слов.

и др.) имеет значение ‘часть тела, живот’ и лишь в трех селах материалы ОЛА фиксируют, кроме этого значения, еще другие оттенки: с. Чуйновка Ямпольского района Сумской области — ž'iwot а) ‘часть тела’, б) ‘имущество’; с. Стримба Надворнянского района Ивано-Франковской области — žyw'it а) ‘жизнь’, б) ‘живот, часть тела’, в) ‘имущество, имение’; с. Русь Поляна Марамурешского района žywut/žyvot (dobre zyt'a, dostatok u xat'i) (я переписал дословно из материалов).

Фонетические и словообразовательные варианты лексемы *життя* по материалам Атласа украинского языка: *жит'е* — почти во всех полесских говорах, *жит'је* — очень редко в среднеполесских говорах, *житка* — в северной части среднеполесских говоров (северные районы Житомирской и Ровенской областей, а также в нескольких селах Брестской области, к югу от Пинска); спорадически фиксируется на Полесье также: *жиз'н'*, *жиз'*, *жис'т'*, *жис'ц'*, *жиз'д'*, *жит'а* — подольские, южноволынские, бойковские, закарпатские, лемковские говоры юго-западного наречия; *жит'е* — посанские, поднестровские, гуцульские и буковинско-покутские говоры юго-западного наречия. Причем *-е* в *жит'е* в юго-западных говорах, по мнению большинства украинских исследователей, не является непосредственным континуантом п. сл. *-е* (из *ьје*), а представляет собой результат перегласовки секундарного *-а* после мягких согласных в *-е* (и в *і-*). У нас (в институте языкознания АН УССР, — *В. К.*) хранится также рукопись большого, четырехтомного „Словаря бойковского диалекта“ М. И. Онишкевича. Там тоже *живіт* и *жит'а* употребляются лишь в значении ‘жизнь’».

В результате выясняется, что украинские говоры не едины в происхождении типичного для них слова, обозначающего ‘жизнь’: в юго-западных говорах соответствующая лексема восходит к исконному отглагольному *жить*, не осложненному суффиксом, совпадение с *житье* вторично. Поскольку здесь не говорится об истории слова *жить* (отмечено в древнерусских списках, например в Евгениевской псалтыри XI в., и в севернорусских говорах), это замечание следует только учесть для последующих изысканий в данной области. Любопытно, что слово *живот* в архаичности своих проявлений соотносится с вариантом *жить*, а не *житье* (карпатские и закарпатские говоры в особенности). По существу здесь представлено совсем иное соотношение лексем, чем в большинстве восточнославянских говоров; возможно, исторически это и стало причиной непроницаемости системы для лексемы *жизнь*.

Слово *жизнь*, по единогласному свидетельству белорусских и украинских диалектологов и лексикографов, спорадически встречается только в полесских говорах на всем их протяжении. Тем самым долгие споры относительно происхождения этих говоров усложняются также и в данном отношении: тенденция развития некоторых лексических систем напоминает русскую. Либо эта

тенденция была прервана в самом начале (после XVI в.), либо она развивается только в наше время. В первом случае — полесские говоры сохраняют тот этап проникновения лексемы *жизнь* в оригинальную систему, который можно было бы назвать этапом «литературного варваризма»; во втором случае мы свидетельствовали бы особую проницаемость именно полесской диалектной системы, не русской, не белорусской, не украинской, а вполне самостоятельной языковой системы, не имеющей литературной формы выражения. Оба решения чрезвычайно ответственны, необходимы тщательные разработки и новые материалы, чтобы прийти к определенным выводам. На современном уровне изучения вопроса более вероятным представляется второе решение.

Что же касается общих выводов, их можно было бы сформулировать следующим образом.

Самыми общими словами для выражения жизненного процесса, характерными для восточных славян с древнейших времен, были лексемы *живот* и *житье* (*жить*). В процессе длительного семантического обобщения происходило либо вытеснение одного из них (обобщение *жить*, *житье* в украинских и белорусских говорах), либо проникновение третьего слова (*жизнь* в русских говорах). Остальные лексемы сохранялись, получая все более частные или наиболее конкретные значения. Церковнославянизм *жизнь* первоначально вступал в конвергенцию с наиболее общим по значению словом диалектной системы (со словом *житье*), и только впоследствии, на основе общности некоторых частных значений и в определенных контекстах, происходило сближение слова *жизнь* со словом *живот*. Выше показаны конкретные условия такого изменения, которые мы можем восстановить путем последовательного сопоставления разных диалектных систем различной степени архаичности. Раньше всего процесс усвоения и обобщения слова *жизнь* завершился, надо полагать, в северо-восточных (московских) русских говорах, и потому впоследствии это слово стало словом литературного языка. Позже всего, буквально в наше время, этот процесс охватил поморские архангельские говоры (также говоры онежской группы), т. е. наиболее древний слой северо-западных (новгородских) говоров, не подвергавшихся основательным перемещениям с течением времени. В целом западная часть русских говоров гораздо полнее сохраняет древнерусскую систему; во всяком случае можно проследить, как бы в пунктирном исполнении, следы старой системы, постепенно смываемой экспансией литературного языка. Консервирующее воздействие со стороны украинских и белорусских говоров в данном процессе несомненно. Табл. 2 показывает значения интересующих нас лексем в разных славянских языках и в некоторых говорах. Из таблицы выясняется, что общим направлением семантического развития во всех славянских говорах является обобщение какого-то одного слова в качестве наиболее общего для лексем данной группы; только в русском языке в этой роли выступил

Таблица 2

Распределение основных значений, связанных с 'vita', в отдельных славянских языках и говорах

Значение слова	Русский литературный	Русские говоры	Украинск.	Белорус.	Сербск.	Болг.	Польск.	Чешск.*
'существование, состояние органической жизни'	*жизнь*	—	*життя*	*жыццё*	*живот*	*живот*	życie	život
'состояние человека от рождения до смерти'	*жизнь*	*живот*	*життя*	*жыццё*	*живот* *жиће*	*живот*	życie (żywot)	život (žití)
'живое существо'	*животное*	*живот*	—	—	*живот*	—		
'животное, зверь'	*животное*	*живот*	*животина*	*жывёла*	—	—		život
'обитание, жилище'	*жильё*	*житьё*	*житво*	*жыллё*	—	—		život
'имение, имущество, средства к жизни'	*(жизнь)*	*житьё*	*життя*	*жыццё*	*живот*	*живот*	życie (żywot)	život
'пропитание, стол'	—	*житьё*	—	—	—	—	życie	život
'образ жизни'	*житьё*	*житьё*	*життя*	*жыццё*	*живот*	*живот*	życie	život
'жизнь духовная'	*житие*	*житьё*	*житие*	*жыціе*	*живот*	*житие*	życie	
'описание подвижнической жизни'	*житие*	*житие*	*житие*	*жыціе*	*живот* *жиће*	*житие*	życie żywot	život
'отдельные части тела'	*живот*	*живот*, *чрево*	*живот*	*жывот*	*живот*	—	żywot	život

* Так же и в словацком, кроме последнего значения, которого нет (brucho).

первоначальный варваризм. Механизм развития говоров одного языка в настоящее время таков, что ни одна система не может устраниться из общего процесса унификации, почему и происходит распространение этой лексемы во все говоры. К сожалению, отсутствие статистических данных мешает определению того, насколько активен этот процесс в группах населения разного возраста.

В процессе исследования были выдвинуты некоторые критерии архаичности слова в диалекте. Перечислим их совместно.

1. Фонетический критерий заключается в том, что старое слово не имеет произносительных вариантов; наоборот, новая лексема, как и всякий варваризм вообще, варьирует в фонетическом отношении, постепенно приспособляясь к грамматической и фонематической системе говора, ср. */жыс'/*, */жыс'т'/*, */жыз'н'а/*, */жыз'ен'/*.

2. Только старое слово системы имеет серию семантически определенных словообразовательных единиц (*живот — животная*, *животина*, *животинка* и др.), тогда как новая лексема изолирована своим собственным употреблением. Лишь с течением времени происходит словообразовательное ветвление слова, и тогда оно становится элементом диалектной системы. Например, только южные псковские говоры из числа псковских дают образования типа *жисточка*, *жистенка*, *жистёха*, *жизёнка*, которые одновременно указывают на фонетическую форму исходного слова: *жисть* (или *жизня*), но не *жизнь*. Словообразовательный ряд строится на присущем системе, уже отработанном диалектной системой фонемном составе производящего слова.

3. Наиболее древние значения слова сохраняются в устойчивых сочетаниях, в которые новая лексема проникает позже всего; фразеологический критерий, следовательно, позволяет восстановить наиболее архаичные значения слова.

4. Семантический критерий архаичности слова обусловливается легко выводимой последовательностью значений во всех употреблениях данного слова, и притом в исторически подтверждаемой последовательности. Новое для говора слово всего лишь замещает некоторые значения исконных для диалектной системы лексем, оно является внешним по отношению к диалектной системе; филиацию его значений невозможно проследить на материале одного говора, обязательно приходится соотносить эти значения со значениями литературного языка.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

О севернорусских словах *жалезо, жаниться, жалать*

При составлении выпуска Словаря русских народных говоров на букву Ж обратил на себя внимание ряд слов из севернорусских говоров, имеющих *а* после *ж* в 1-м предударном слоге на месте этимологического *е*. Современным севернорусским говорам такое произношение, как правило, не свойственно. Оно зарегистрировано лишь в отдельных словах при наличии предударного вокализма, характеризующегося еканьем или ёканьем, и, следовательно, может считаться лексикализованным. Именно поэтому слова с *а* на месте *е* после шипящего (*жалезо*, *жамчуг*, *жанить*, *жаниться*, *жаних*, *жаланный*, *жалать* и нек. др.) были включены в словарь.

Как известно, авторы карты Московской диалектологической комиссии (МДК) слова *жаних*, *жалезо*, *жалать* включили в число черт, характеризующих поморские говоры,[1] а по словам П. С. Кузнецова, отступления от обычного произношения после шипящих на месте звука *е* «отмечены рядом наблюдателей, но до настоящего времени в достаточной мере не изучены и не систематизированы».[2] Другими словами, вопрос этот безусловно требует самого тщательного изучения, учета и обследования всех существующих материалов, изучения и сопоставления различных точек зрения. Севернорусские *жалезо*, *жаних*, выделяющиеся на фоне предударного вокализма с еканьем или ёканьем, привлекали внимание и интересовали А. А. Шахматова. Еще юношей, читая в 1881 г. древнерусские памятники, А. А. Шахматов обращает внимание на случаи написания *а* после шипящих на месте *е* («интересно *а* вместо *е* после шипящих») наряду со случаями отражения перехода *е* в *о* после шипящих: аща (Злат. XII в.), кожаника (Сб. 1073), жана (Усп. рпсь XII в).[3] А. А. Шахматов несколько раз возвра-

[1] Тр. МДК, вып. 5. М., 1915, с. 20.

[2] Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1951, с. 50.

[3] Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881—1894). Письма А. А. Шахматова от окт. 1881. — В кн.: А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, с. 34.

щался к загадочному явлению в севернорусских говорах и высказал несколько мнений о происхождении этого явления. Появление новых материалов все время заставляло его пересматривать прежнюю концепцию. В «Исследовании в области русской фонетики» А. А. Шахматов объяснял сев. *жалéзо*, *жанúх*, *жанúться* наличием в этих словах особого звука: *ä* открытого, который появился в общеславянскую эпоху вследствие диссимиляции со звуками *е*, *и*, *ѣ* следующего слога: «Такое *а* мы находим, например, в общеслав. žälě̄zo из želě̄zo, причем на *ä*, переходившее, как увидим, еще в общерусском языке в *а*, указывает Олон. и Онеж. *жалезо*, Олон., Арх. и Волог. *залѣзо* (Колосов, Заметки, II, с. 47), южн. и зап. *залѣзо* и *зализо* (Словарь Даля), малорос. *залізо*, *залізны*. . . такое же *ä* находим в общеслав. žänix, žanitiṣe; ср. совр. Олон. *жаних*, *жаниться*, ščämiti, ср. Новг. *щамить*, ščäpiti, ср. малорос. *щапыты* при *щепыты* и т. д.».[4] По мнению А. А. Шахматова, в общерусском языке одновременно с переходом *е* в *о* изменялся и *ä* открытый: на месте его стал произноситься *а*. На это указывают данные памятников: кожаника (Сб. 1073, 2626), оставлдющаи (рукопись 1296 г., л. 75 в.), моучащаисѧ (Хожд. Богородицы по мукам XIV в., Пам. Срезневского, 206). Ср. также белорус. *залезный*, укр. *залíзо*. Позже во многих говорах *а* в словах *жаниться*, *жалезо* и т. п. перешло в *е* под влиянием *женюся*, *зелезо*, а в севернорусских говорах сохранились старые формы.

Однако по мере накопления материалов оказалось, что все эти новые случаи с *а* на месте *е* перед слогом с *а*, *о*, *у* невозможно объяснить влиянием аналогии. А. А. Шахматов ищет новые объяснения этого явления. В «Истории русского языка» он предлагает сразу два возможных решения; оба они связаны с отвердением шипящих, а потому отнесены уже к более позднему времени. Эти две новые концепции сводятся к следующему: 1) звук *а* на месте *е* появился после отвердения шипящих, когда *ё* перешел в *е* и затем под влиянием отвердевшего звука в *а*; 2) *жана* можно возвести к *жона* (получившемуся после перехода *е* в *о*), т. е. *а* из *о* после отвердения *ж*. При этом остаются необъясненными случаи после *ч* мягкого (Онеж. вчяра, Прогр. АН № 260).[5]

Тем не менее предположение А. А. Шахматова о древности этого явления, высказанное им в «Исследовании о звуках русского языка», позднее поддержали П. С. Кузнецов и Р. И. Аванесов.[6] П. С. Кузнецов в примерах *всажанъ*, *на вечарах*, *жалание* из Переяславского евангелия 1354 г. (памятника, написанного на территории Ростово-Суздальской земли) видел отражение описываемой особенности. По его мнению, «такое произношение не явля-

[4] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, с. 6, см. также с. 9, 62, 83, 85, 93.

[5] Шахматов А. А. История русского языка, ч. 2. СПб., 1912, с. 267—268.

[6] Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 103.

ется новым для этих говоров, появившимся в результате проникновения аканья, а характеризует старое произношение и объясняется особыми фонетическими процессами, имевшими место после шипящих».[7] Отклонение в системе предударного вокализма после шипящих в учебнике «Русская диалектология» под ред. П. С. Кузнецова связывается с отвердением шипящих: несмотря на прошедшее отвердение шипящих, часть говоров сохраняет после шипящих предударный вокализм, соответствующий вокализму после мягких согласных.[8]

Даже простое приведение неоднократно изменявшихся взглядов А. А. Шахматова говорит о чрезвычайной сложности этого вопроса, о затруднительности его разрешения. Представляется, что при рассмотрении данного явления первоочередной задачей является систематизация сведений о распространении его по всей территории севернорусских говоров. Без этого невозможно исследование причин его возникновения.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы из печатных и рукописных источников позволяют нарисовать следующую картину распространения указанных слов.[9]

I. Архангельские материалы

Нельзя не отметить частые и неоднократные записи слов с *а* на месте *е* после шипящих в разных местах Архангельской губ. (области), в особенности в районе Усть-Цильмы, т. е. в поморских говорах. Здесь зарегистрировано наибольшее количество слов с *а* после шипящего, причем не только в первом предударном слоге, но также во втором предударном, в заударных слогах и после *з* (на месте *ж*): *жалéзный*, *жалéзо*, *жамчýг*, *жанúть*, *жанúх*, *жаребьци*, *пшанá*, *ключавоей*, *жалáнный*, *зáмчужка*, *зáмчужный* и др. Большое количество примеров отмечено в печорских былинах Н. Е. Ончукова.[10] Много раз здесь встретилось слово *жалезной*, в том числе и с меной *ж—з* (*залезной*): Ухватил он лопатоцьку жалезную (с. 20); На дворе стоит жалезна кузница (Усть-Цилем., с. 82); Пролизни двери жалезны языком (Усть-Цилем., с. 82); Ворота-ти, двери были жалезныи (Усть-Цилем., с. 182); А посадили тут Ставра сына Годинова, Накатили на его плиту залезную (Усть-Цилем., с. 117); Кабы брал-ле в руки палицу жалезную (с. 224); Он ведь брал ведь палицу жалезную (с. 225); Он хватил свой право жалезной прут (Усть-Цилем., с. 249); слово *жамчýг*

---

[7] Кузнецов П. С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. — Докл. и сообщ. Ин-та русск. языка, вып. 2. М.—Л., 1949, с. 143—145.

[8] Русская диалектология. Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 70.

[9] В статье использованы материалы картотек Словарного сектора Института русского языка (Ленинград), а также материалы других печатных и рукописных источников (ссылки на них даются в тексте статьи).

[10] Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.

(и с ударением на первом слоге: *жáмчуг*): А третьей-от караб да'скатным жáмчюгом (Усть-Цилем., с. 157); Третьей-от караб да'скатным жамчюгом (Усть-Цилем., с. 157); Дорогой-ле товар да скатной замчуг (Усть-Цилем., с. 184). Помимо слов *жалезо*, *жамчуг* в сборнике Н. Е. Ончукова встретилось несколько других слов с *а* на месте *е* после шипящих — *жаню*: Да хошь-ли, Садко, да я тебя жаню? (с. 362); *жаних*: Але твой-от жаних, да не жаних он нам, А моя-то ведь девка не невеста вам (Усть-Цилем., с. 193), а также и не в первом предударном слоге — *жаребец*: Кабы князь-от выпускат да тридцеть жаребьцей (Усть-Цилем., с. 109); Прибегали жаребьци да к каню доброму (Усть-Цилем., с. 109), а также ряд слов с *а* после других шипящих и перед слогом с гласными *а*, *о*, *ы*: Как он насыпал пшаны да белояровой (Усть-Цилем., с. 109); Ты корми миня пшаной да белояровой (Усть-Цилем., с. 104); Он насыпал опеть пшаны да белояровой (Усть-Цилем., с. 108); Ты подай-ко-ся мне воды ключавоей (Пустоозер., с. 320).

В песнях, записанных на Печоре в 1929 и 1955 гг., также имеются интересующие нас слова с *а* на месте *е*: Да ле привозил ко мне цепочку Да кругом шеи замчужнý (д. Речево, с. 153); с ударением на *а*: Да на каждой на маковке по зáмчужке (Усть-Цильма, с. 160); Ох, да ох, мне жанитися? (д. Великая Виска Нарьян Мар).[11] В былинах А. Маркова встретилось: по-жаланненькому поклониться (Арх.).[12] В пинежских былинах А. Д. Григорьева отмечены слова — *жалезный*: Схватил он осишшо жалезное (т. 1, с. 160), *жалеза*: Куйте жалеза немецькие (т. 1, с. 158), *жаланный*: И мы вместе жа с тобой бы в гости мы ехали. . . И ко своей же к жаланной ко маменьке (Мезен. Арх.); *жанился*: Ой, ты здорово жанился, да тебе не с кем спать (Мезен. Арх.).[13]

Может создаться впечатление, что рассматриваемые слова были употребительны только в языке устной народной поэзии. Однако это не так. В конце XIX—начале XX в. они употреблялись в говорах в бытовой речи, а не только по традиции воспроизводились в исполняемых фольклорных произведениях. Слова с *а* на месте *е* после шипящих встречаются в сказках, которые больше, чем другие фольклорные жанры, отражают разговорную речь. В сказках Н. Е. Ончукова, например, записанных в тех же местах, что и былины (в районе Усть-Цильмы), несколько раз встретилось слово *залезный*: Эту надпись бросил в чисто поле, сам загонил в залезную траву (Усть-Цилем., с. 14); Добрый конь стоит закопанной в погребу, прикован на чепи залезной (Усть-Цилем., с. 9); зубы залезны, глаза хрустальны (с. 109).[14] Слова *жаних*, *жалезо* можно найти в обычных диалектных записях, в ответах на академические

---

[11] Песни Печоры. Под ред. Н. П. Колпаковой. М.—Л., 1963.

[12] Марков А. Беломорские былины. М., 1901.

[13] Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. 1. М., 1904; т. 3. СПб., 1910.

[14] Ончуков Н. Е. Северные сказки. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. 33. СПб., 1908.

программы, в статьях, представляющих собой описания говоров, и т. п. Так, например, в материалах из Холмогорского у. Архангельской губ. А. Грандилевского имеется: *жала́нной* (1907), *жала́ньицо*, *жана́*, *жани́ться*, *жани́х* (1896). СРНГ поместил слово *жале́зо*, пометив его как шенкурское (1897) и вообще архангельское. В. Мансикка в шенкурских говорах наряду с *золезо* отметил бытование слов *жалезо*, *зале́за*.[15] Корреспондентами МДК в шенкурских говорах были записаны *жале́зо*, *жала́ю*, *жала́ть*, *жара́ф* (из севернорус. *жерав* 'журавль') (д. Немировская, Тр. МДК, вып. XI, № 9[а], 1912, с. 30—32),[16] в с. Воскресенском: *жала́нной*, *жала́ть* наряду с *пчели́ный*, *желу́док*, *жони́х*, *жолеза*, *пшоница* (Тр. МДК, вып. XI, № 6, 1912, с. 23—27).

Собиратели отмечают, что такое произношение указанных слов встречалось чаще в речи старшего поколения: в ответе на программу МДК собиратель Томилов, описавший говор с. Марьегорского Архангельского у. (бывшего Пинежского у.), пишет, что оно свойственно чаще старикам. Не случайно другой его пример представляет собой топонимическое название *зале́зные ворота* (Тр. МДК, вып. XI, 1929, с. 5). Другим корреспондентом МДК в городе Пинеге записано: *жани́х*, *жале́зо*, *жала́нный*, *пшани́ца* (Прогр. № 5, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 22—23). В пинежских говорах еще отмечено: *жале́зница* (Трава така, против порезки, нажуешь да приложишь к раны. Симина, 1959). В ответе на программу МДК Шергина из Архангельского у. сообщается, что в окрестностях Архангельска в 1916 г. можно было услышать *жаних* и *жониx*, *жале́зка* и *жоле́зка*, *жала́нный*, *жала́ть*, *пшаница* и *пшоница*, *жалудок* и *жолудок* (Тр. МДК, вып. XI, № 1а, с. 2—4). Заметим, что звук *а* сохраняется и в тех случаях, когда на месте *ж* имеется *з*, как в Лешуконской волости Мезенского р-на, где записано *зале́зо*, *жани́х*, *жала́нный*, *жалу́док*, *пчали́ный*, *пшани́ца* (Макаров, Тр. МДК, вып. XI, с. 19). Еще в ответах на программу МДК отмечено: *жала́ть* (Арх., Прогр. № 55, 66, 201, Тр. МДК, вып. XI, XII).

По сведениям А. М. Селищева, в архангельских говорах употреблялись *жалаю*, *шасток*, *пшано*, *жалать*, *чаво* (Кем., Арх.), *жалать*, *жалезной*, *крашанина*, *ожарелок* в Шенкурском у. Архангельской губ., но чаще здесь сочетания с *жо*, *шо*.[17] В записях М. Романова из Северо-Двинской обл. (1928) имеется *жала́нной*, *жала́нник* 'милый, дорогой человек', *жала́ннушка*, *жала́нная* 'милая, дорогая женщина', а также *жара́ть* 'жрать' из *жерать*, известное и в Вологодской, Псковской, Пермской обл. и на Урале. В СРНГ находим еще *жала́нный* 'милый, дорогой человек', *от*

---

[15] Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ.— Изв. ОРЯС, 1912, т. 17, кн. 2, с. 102.

[16] Как известно, в программе МДК имелся вопрос (№ 13) о произношении гласного на месте *е* после шипящего в первом предударном слоге.

[17] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921, с. 151.

жала́нья ‘от всего сердца’, ‘сердечно’, ‘усердно’: Кто на море не бывал, тот от жаланья богу не маливался (Арх.).

И позднейшие записи подтверждают наличие слов с *а* на месте *е* после шипящих в архангельских говорах, например материалы Диалектологического атласа (Архив. матер. 1-го тома. Ленинград) содержат такие сведения. В ответе № 178 из д. Шеговары Шенкурского р-на сообщается, что в 1-м предударном слоге на месте *е* и *а* перед твердыми и мягкими согласными в говоре произносится *е*. В качестве исключения из этого правила приводятся слова *жала́ть*, *жале́ть*: Кто жала́йот, сходите по ягоды. В текстах этого ответа имеется еще *пчала́*. Слово *жаниу́ся* находим в ответе № 29 Ф. П. Филина из с. Унежма (Онеж. Арх., 1939). По сведениям современного исследователя Л. И. Пироговой, которая наблюдала говоры Холмогорского р-на в 1950-х годах, после шипящих в предударном слоге наряду с *о* в этих говорах возможно и *а*. Она записала: *жале́за*, *жана́ты*, *тежало́*, *жана́*, *за жано́й*, *жану́*, *г жане́*, *кашами́р*, *жани́х*, *жани́лся*, *пшани́ца*.[18]

Приведенные записи из архангельских говоров позволяют сказать, что в Архангельской губ. (области) было записано более трех десятков слов с *а* на месте *е* после шипящих, по нашим подсчетам — 35, т. е. состав слов общенародного словаря, например по словарю С. И. Ожегова, с *е* после *ж* почти полностью исчерпан.[19] Только шесть слов (*жева́ть*, *желвак*, *желте́ть*, *желто́к*, *желтуха*, *жеребая*) не попали в число слов, записанных в архангельских говорах с *а* на месте *е*. Впрочем, этому легко можно найти объяснение: во-первых, нельзя сказать, что записи этих слов были полными; во-вторых, часть этих слов, как *жевать*, *желвак*, *жеребая*, могла отсутствовать в обследованных говорах. Слово *жеребая*, например, считается южнорусским по происхождению; вполне возможно, что на Севере оно не было известно. Характерны в этом отношении показания диалектных материалов. В материалах находим следующие записи: кобыла-бережа. Это жереба при колхозе стали (Арх., 1949); Мы раньше и не слыхали, что так [жеребая] звать, все бережа (Вожгора Лешукон. Арх.); Бережа — по-прежнему, это уж ноне жеребая (Вершинская Устьян. Арх., 1959). В СРНГ (вып. II, Л., 1966) слово *бережая* имеет указание на распространение его в Архангельской, Северо-Двинской, Вологодской, Олонецкой губ. Кроме того, оно помечено как новгородское, ленинградское, ярославское, костромское, владимирское, вятское.

Со значением ‘жевать’ на Севере употребляются слова *жва́чить* (о животных) — Волог., *жа́вкать*, *жа́вкнуть* (Волог., Яросл., Влад., Вят.), *жа́влять* (Костром., Яросл., Перм.) и *жва́кать*

---

[18] Пирогова Л. И. Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области. (По материалам экспедиций 1952 и 1956 гг.)— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 134, вып. 9, 1959, с. 185—186, 205.

[19] Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 11-е. М., 1975.

(Яросл., Вят.). В значении ‘ударять, бить’ *жва́кать* зарегистрировано в Вытегорском у. Олонецкой губ., а в значении ‘укусить, ужалить’ — в Петрозаводском у.; таким образом, можно думать, что и здесь оно употребляется в значении ‘есть, жевать’.[20]

Состав записанных в архангельских говорах слов при повторяющейся общей части во всех пунктах (*жала́ть*, *жала́нный*, производные *жала́нье*, *жала́нник*, *жана́*, *жани́ть*, *жани́ться*, *жани́х*, *жалёзо*, *жалёзный* и производные *жалёзка*, *жалёзница*, *замчу́жка*, *замчу́жный*, *пшана́*, *пшано́*, *пшани́ца*) довольно разнообразен, что объясняется наличием несовпадающей части слов в каждом из говоров. Слова, характеризующие отдельные конкретные говоры, следующие: *жалу́док*, *жара́в*, *ожаре́лок*, *тежало́*, *крашани́на*, *шасто́к*, *кашамир*, *пчала́*, *пчали́ный*, *чаво́*, *ключавоей*. Как правило, они имеют однократную фиксацию. Думается, что приведенные факты дают основание предположить наличие в прошлом в архангельских говорах определенного фонетического явления, с отдельными результатами которого мы теперь встречаемся. На это указывает и другое: в ряде описаний архангельских говоров есть сведения о фактах произношения *а* на месте *е* после мягких согласных в предударном слоге в говорах, где отмечены слова *жала́ть*, *жани́ть*. Например, в говоре д. Немировская Шенкурского у., где отмечено *жалёзо*, *жала́ю*, одновременно имеется *понясу́*, *помяло́* (в других словах в этом положении *е*) (Тр. МДК, вып. XI, с. 30—32). Л. И. Пирогова, описавшая говор Холмогорского р-на, отмечая там еканье, в то же время сообщает о произношении в говорах Холмогорского р-на в отдельных случаях *а*. «Встретился нам переход *э* в *а* в положении после мягкого согласного перед твердым: *тапло́*, *п'ир'ашы́та* (Лом.), *пон'асла́с'*, *побр'аду́*, *пов'арну́лас'*, *у с'астры́* (Коп.), *ц'авво́*, *ц'аго́* (Рак.), *н'асла́*, *з'арно́м*, *н'из'амнуйу*, *с'в'акроф* (Б. Тавра), *вос'амна́ццат'и*, *ростр'апа́лас'*, *кол'асо́*, *кол'анкор*, *п'аку́т*, *пр' и'в'азу́т* (В. Мат.)».[21] В рукописном словаре говоров по р. Устье Северо-Двинской губ. М. Романова (Архив Слов. карт., ИРЯЗ, Ленинград) встретились слова *лянуть* ‘плеснуть’ из *лечуть*, *мяздра́* ‘мездра’ при обычном здесь произношении *е* или *ё* (напомним, что в этом же словаре обнаружены и слова с *а* после шипящего).

II. Олонецкие материалы

Особое место занимают материалы из олонецких говоров. В этих говорах, особенно в Заонежье, слова *жалёзный*, *жала́нный* записывались неоднократно. В словаре Г. Куликовского находим: *жани́тьба*, *жани́ться*, *жани́х*, *щакотать* (Петрозав. Олон.).[22] В сказке из сборника Н. Е. Ончукова (в записи А. А. Шахматова):

[20] См.: СРНГ, вып. 9. Л., 1972.

[21] Пирогова Л. И. Описание говора. . ., с. 185.

[22] Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Дид водяник вышоў из воды с палицей залезной (Петрозав. Олон.).[23] Из причитаний Ирины Федосовой: А как я тебя, жала́нна, провожала (ч. III, с. 64); Что жаланного-то нашего солдатика (ч. III, с. 63); великое жаланьице (ч. III, с. 65).[24] В описании В. Мансикки имеются *жалать*, *ришато*, *вцярá* (Пудож. Олон.).[25] Р. И. Аванесов в говоре с. Семеновского на р. Водле, предударный вокализм которого характеризуется ёканьем—еканьем, записал *пшан'и́цу*.[26] В СРНГ есть еще *жала́нный* (прил. и в знач. сущ.) (Олон.), *жала́ньице* (Вытегор. Олон., 1896), *жалезо* (Олон.).

Однако существует мнение, согласно которому все приведенные олонецкие примеры объясняются особым явлением, характерным для этих говоров — «ляпаньем».[27] Действительно, в современных записях заонежских говоров наши слова отличаются от записей их в других местах: здесь *а* на месте *е* получает ударение: *жа́них* (1961),[28] *жа́нихи* (1963),[29] *найти жаниха* (1963).[30] Такого переноса ударения не наблюдается в старых записях, и они в этом смысле ничем не отличаются от таких же записей в архангельских говорах. Если учесть характер заонежских говоров, сходство их с поморскими архангельскими, наличие тех же старых особенностей,[31] то можно допустить, что и в олонецких говорах мы встречаемся со следами того же явления, однако позже соединившегося с новым диалектным явлением — «ляпаньем».

III. Вологодские материалы

Наличие отдельных слов с *а* на месте *е* после шипящих отмечалось и в вологодских говорах. Слово *залезо*, *жалезный* и *залезный* поместил уже Опыт (1852); бытование их в Вологодской губернии подтвердили Шейн (Архив АН, ф. 104, № 844) и Дилакторский

---

[23] Ончуков Н. Е. Северные сказки, с. 269.

[24] Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и зазывальными, ч. 3. Тверь, 1889.

[25] Мансикка В. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. — Изв. ОРЯС, 1915, т. 19, кн. 4, с. 145.

[26] Аванесов Р. И. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.—Л., 1949, с. 246.

[27] Гринкова Н. П. К изучению олонецких диалектов. — В кн.: А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, с. 372.

[28] Скуратова Н. И. Некоторые особенности в склонении местоимений заонежского говора. — В кн.: Лингвистический сборник, вып. 1. Петрозаводск, 1962, с. 50.

[29] Скуратова Н. И. Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР. — Уч. зап. Петрозаводск. ун-та, 1962, т. 10, вып. 3, с. 71.

[30] Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья. — Там же, с. 111—122.

[31] См. мнение об этом В. В. Колесова (Диалектологические экспедиции в Заонежье. — Вестн. ЛГУ, 1966, № 8, вып. 2, с. 157—158).

(1902, Архив Слов. карт. ИРЯЗ, № 35, Ленинград): У него точно жалезное здоровье-то. В словаре Дилакторского имеется еще *жала́ть*. В ответе № 28 (из Устюженского у.) на академическую программу есть *жале́зо* и *залезо*. В записях собирателя Обнорского *жала́нный* вместо *желанный* (*жала́нное дитятко*), *жала́нье*, *жала́ть* (Волог., Грязнов. Волог., 1898). В. Мансикка в Никольском у. записал: *жала́дной* из *жаланной* 'желанный', *жалать*, *ножанька*.[32] В ответе № 49[а] (1912) на программу МДК из Сольвычегодского у. имеется *жони́х*, *пшони́ца*, но *жала́ть*.[33] Неоднократно бытование слова *жалать* в Вологодской губ. отмечалось собирателями, отвечавшими на академические программы (Матер. для изуч. великорусских говоров, вып. IX, Сб. ОРЯС, т. XXVII. СПб., 1910, с. 34). В СРНГ находим еще: *жаланный* (Волог.), *жала́ть* (Неужели он еще больше будет жалать — Великоуст. Волог.), *жале́зо*, *жана́тый*, *жани́ться*, *жани́х* (Волог.). И современные записи вологодских говоров еще раз указывают на бытование слов с *а* на месте *е*, например: Жани́х-то с попом придут за невестой (пос. Жихарево Жихар., 1961), жани́лса (д. Самойловская Вожегод., 1968).[34]

IV. Новгородские, ленинградские материалы

Описываемые слова регистрировались и в говорах Ленинградской области: *жалать*, *жаних* (Лужск. Ленингр., Тр. МДК, вып. XI, 1912, с. 184), *жаланный*, *жаних*, *пшани́ца* и даже *чатырёх*, *жанихи́* (во 2-м предударном слоге), но *железо*, *пчелиный* (Шлиссельб. Петерб., 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 185), *жала́нный* 'приветливое слово' (Лодейнопольск. Ленингр., Фомин-Светляк, 1928): Ох, ты жаланная, скажи-ка мне-ка (Ленингр., СРНГ).

Приведенные материалы показывают, что рассматриваемое явление было распространено в архангельских, олонецких и вологодских говорах, т. е. в говорах, генетически связанных с новгородскими. Здесь оно было довольно устойчиво (особенно в архангельских говорах): слова с *а* на месте *е* после шипящих регистрировались различными собирателями и диалектологами в разное время, начиная с середины XIX в. Есть все основания предполагать, что слова с *а* после шипящих бытовали и в новгородских говорах.

Действительно, в новгородских говорах (причем в различных местах Новгородской губ.) собиратели не раз отмечали слова с *а* на месте *е* после шипящих: *по жализу* (Архив РГО, XXIV, 30, Невинский, г. Тихвин), *жала́нный* 'милый, любезный' (Тихв. Новг., Дестунис, 1854), *жалезо* и *залезо* (Белозер. Новг., Прогр.

[32] Мансикка В. Заметки о говоре Никольского уезда. — Изв. ОРЯС, 1915, т. 19, кн. 4, с. 202, 207.

[33] Тр. МДК, вып. 11, с. 114—116.

[34] Родионова-Нащокина А. М. Задания и тексты к практическим занятиям по диалектологии. Л., 1976, с. 19—21.

№ 166). В предисловии к сказкам Белозерского края Б. и Ю. Соколовы писали о том, что после шипящих в говорах Белозерского у. наряду с *о* может произноситься *а*: «*жона́*, *жона́той*, *жола́ть*, *жола́нный*, *жони́х*, хотя часто *жани́х*, *жала́нный*» (с. CX), «мы слышали также *а* в словах: *жана́*, *жани́х*, *жала́нный*, *жала́ть*, *пшани́шной*» (с. CX). Из текста сказок Б. и Ю. Соколовых : Гляди-ка, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как жалезные (с. 113), жана, жаной (с. 81), жана (с. 83), жалаю (с. 81). Примечательно, что в белозерских говорах Б. и Ю. Соколовы слышали в отдельных словах *а* на месте *е* в безударном и ударном слогах (с. CX—CXI).[35] По сведениям А. М. Селищева, в новгородских говорах употреблялись еще *жанат*, *жаних* (д. Волкова Белозер.).[36] В СРНГ находим: *жала́нный*, *жале́зо*, *жана́*, *жана́тый* (Новг.). По современным данным А. Ф. Марецкой, в говорах Старорусского р-на Новгородской обл. в отдельных словах после шипящих на месте *е* наблюдалось *а* (при *о* и *е* во всех других случаях): *жала́т'*, *пожалали*, *жан'их*, *пшан'ица*, *пшан'и́шный*, *мука пшан'ишна*, *шастайа*, *шшат'инка*, *фчарас'*, *за чарн'ицой*.[37]

В окающих тверских говорах (при наличии ёканья) отмечено *жаланный* (д. Бережницы, Савино, Харавичи Лукинской волости Весьегон. у., Тр. МДК, вып. III, 1911).

Очевидно, та же особенность отразилась в слове *шало́ник* ‘юго-западный ветер’ (Новг., Олон., Арх., Байкал, Иркут., Тобол.), которое известно наряду с *шелоник*.[38]

V. Материалы поволжских говоров

Слова с *а* на месте *е* после шипящих записывались в других севернорусских говорах: в поволжских, вятских и пермских. Слово *жала́нный* было записано в с. Ермаково Пошехонского у. Ярославской губ. в 1850 г. *Жала́ть* с указанием на бытование его в Нижегородской губ. попало в Дополнение к Опыту (1858). Находим их также в ответах на академическую программу: *жала́ть* (Меленк. Влад., Матер. для изуч. великорусских говоров, в. IX, с. 34), *пшанисный* (с. Параты Казан. Казан., Прогр. № 62, Челноков, 1897). Во владимирских говорах еще *жала́ние*, *жала́ть* (Чернышев, 1910), *от жала́нья* ‘от всего сердца’, *жана́*, *жана́тый* (СРНГ). В записях костромских говоров, например, Маркова из Ветлужского у. Костромской губ. встретилось *жани́ло*, *жала́нка* ‘милая, любимая’ (1907), *жала́нница* ‘милая, дорога женщина’, *жала́нный*, *жани́ться*, *жани́х* (1913).

Сведения о рассматриваемых словах в поволжских говорах содержатся и в ответах на программу МДК. Как правило, слова

[35] Соколовы Б. и Ю. Сказки и предания Белозерского края. М., 1915.

[36] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири, с. 151.

[37] Марецкая А. Ф. Говор Старорусского района Новгородской области. Канд. дис. Л., 1953, с. 136—137.

[38] По Фасмеру — от названия р. Шелонь.

с *а* приводятся здесь в качестве исключения из обычного в этом положении произношения звука *е* или *ё*: *желе́зо*, *пчели́ный*, *пшени́ца*, но *жала́нный*, *жала́ть*, *жалу́док*, *жани́х*, *жанихá* (д. Моловые, Макар. Костром., Аполлов, Тр. МДК, вып. XI, 1930, с. 171), *жала́нный*, но *железо*, *жених*, *жолудок*, *пчелиный*, *пшеница* (Костром. Костром., Павлычев, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 162), *жених*, *железо* (иногда *зелезо*, *залезо*, но редко), *желудок*, *жэланной*, *пчелиный*, «почти всегда говорят не *жура́вль*, *журавли́*, а *жа́ровель*, *жа́ровли*» (Варнав. Костром., Пономарев, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 176), *желе́зо*, *жени́х*, *жолу́док*, *пчёли́ный*, *пшеница*, *жаелать*, *жала́нной* (с. Протасово Нерехот. Костром., Жданова, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 164), *железо*, *жених*, но *жаланной*, *жолудок*, *пчолиный* (с. Никольское Нерехот. Костром., 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 173). Слово *жала́ть* при *е* в других словах записано в д. Твердино Костром. Костром. (Тр. МДК, вып. XI, 1927, с. 160—161), в Родниковской волости Юрьев. Иван.-Вознес. (б. Костром.) (Тр. МДК, вып. XI, с. 170—172). Записи из других поволжских говоров: *пчели́ный*, *жени́х*, *желе́зо*, *пшени́ца*, но *жолу́док*, *жала́нный*, *жала́ть* (д. Новинки-Абрамовы Александров. Влад., Липин, 1912; Тр. МДК, вып. XI, с. 35—36), *жала́ть*, остальные с *е* (д. Микшино Ковров. Влад., Молев, 1927; Тр. МДК, вып. XI, с. 38—41; д. Афанас. волости Шуйск. Влад., Кузьмин, 1912; Тр. МДК, вып. XI, с. 60), *железо* и *жыле́зо* (*женщины — зилезо*), *жених* и *жыних*, *жала́нной*, *жала́ть*, *жана* (с. Заколпье и сельцо Константиново Меленк. Влад., Красильников, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 41), *жолу́док*, *жыни́х*, *жыле́зо*, *пшыни́ца*, *жала́ть* (Меленк. Влад., Тр. МДК, вып. XI, с. 44), *жалать* (Яросл., Прогр. № 172, Тр. МДК, вып. XII), *жала́нный*, *жала́ть*, *жанихи*, остальные с *е* (с. Абрамово Арзамас. Нижегор., 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 1), *жала́ть*, остальные с *е* (д. Мерлино Арзамас. Нижегор., 1912, Тр. МДК, вып. XII, с. 3), *пчели́ный*, *жени́х*, *желе́зо*, *пшени́ца*, *жела́нный*, *жалать* (с. Верхний Услон Свияж. Казан., Тр. МДК, вып. XI, с. 133—134), *жала́нный*, *жала́ть*, *железо*, *жени́х*, *жолу́док*, *пчели́ный* (д. Баиковка и с. Яшевка Б. Казан. губ. Тетюш. у., 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 136), *пчели́ный*, *жени́х*, *желе́зо*, *пшени́ца*, *жолу́док*, *жала́нный*, *жала́ть*, (с. Монастырское Тетюш. Казан., 1913, Тр. МДК, вып. XI, с. 138), *жела́нный*, *желе́зо*, *жени́х*, *желудок*, *пчелиный*, *пшени́ца*, но *жала́нный*, *жала́ть*, *жани́х*, *пшани́ца*, *жолу́док* (д. Щепетково (Орша) Царевококш. Казан., Иванов, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 140), *жала́ть*, остальные с *е* (д. Большое Шиганово и д. Помаштур, Федоров, 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 142; д. Михайловка Царевококш. Казан., 1912, Тр. МДК, вып. XI, с. 147—148), *жала́нный*, *пшани́ца*, но *пчелиный*, *железо*, *жени́х*, *жолу́док* (с. Малый Абаскур, деревни Шули-Ярамор и В. Выселки Ярамор Царевококш. Казан., Заметин, Тр. МДК, вып. XI, с. 150). Из записей в Симбирской губ.: *жана́*, *жана́тый*, *жани́х*.

Таким образом, бытование рассматриваемых слов в поволжских говорах отличается от бытования их в архангельских говорах.

Здесь зарегистрировано всего 16 слов (по нашим материалам) с *а* на месте *е* после шипящих, причем бросается в глаза наибольшее количество регистраций слов *жала́ть*, *жала́нный*. В отдельных пунктах известны или только эти два слова, или одно из них. Остальная часть слов записана в гораздо меньшем количестве случаев. Среди последних только слово *жених* (с *а*) записывалось чаще всего. Состав лексики характеризуется однородностью: записано 6 слов с корнем *жел-ать*, 5 слов с корнем *жен-ить*; остальные слова: *жалезо*, *жаровель*, *пшанисный*, *пшаница*, *жалудок* записаны по одному разу. И по современным наблюдениям, например в говорах Любимского р-на Ярославской обл. при обычном произношении после шипящих *е* и *о* на месте *е* (*жена́*, *жона́*, *пшено́*, *жолток* и т. п.) в слове *желать* и его производных отмечается *а*: *жала́ть*, *жала́ли*, *жала́ние*, по *жала́нию*, *жала́тельно*.[39] Произношение слова *желать* с *а* зарегистрировано также в мышкинских говорах (Яросл.).[40]

VI. Вятские материалы

В вятских, уральских и некоторых соседних с ними говорах интересующие нас слова также отмечались собирателями. В ответах на академические программы имеется *зале́зо*, *зале́зный* (Акм., Прогр. АН № 75), *залеза* (Оренб., Прогр. № 5), *жалезный* (Малмыж. Вят., Прогр. № 79; Яран. Вят., Прогр. № 59), *зале́зной* (Слобод. Вят., Прогр. № 65; Орл. Вят., Прогр. № 63); *зале́зо*, *жале́зо*, *г жале́зу*, *жалезной* при *жона*, *жонат*, *жоних* и др. (Яран. Вят., Прогр. № 59). В ответе № 52 из с. Колобово Нолинского у. Вятской губ. при ёканье после шипящих говорят *жани́х*, *зале́зо*, *жала́ть*, *жанат* (Матер. для изучения великорусских говоров, вып. VIII, Сб. ОРЯС, т. LXXIII, № 5. СПб., 1903, с. 92). Зале́зом ноги закуют — записано Дьяконовой (Нолин. Вят., 1896). В сказках Зеленина: *зале́зный* (Вят., 1915).[41] В отчете Зеленина о диалектологической поездке в Вятскую губ.: *залезня́к* ‘болезнь животных’: По всей нутреносте у нее топеричe залезня́к ходит с черевным ногтём (Глазов. Вят.).[42] В современных материалах Е. П. Лупповой: зале́ско зделают (Удмурт., II, 901). В СРНГ еще: *жала́ть* ‘желать’ и ‘приглашать в гости’ (Вят., 1907), *жале́зный*, *жале́зо*, *жана́тый*, *жани́х* (Вят.), *жала́ть*, *жана́*, *жаниться*, *жани́х* (Уфим.), *жале́зо* (Акм.).

VII. Материалы по пермским говорам

В записях собирателя Луканина: *жала́тельно*, *жала́ть*, *зале́зо*, *зале́зной*, *залеза́* ‘железы’: Чирей сел на лопатку, дак на шее-то

[39] Бородина М. Н. Говор западной части Любимского района Ярославской области. Канд. дис. Ярославль, 1968, с. 140.

[40] Соцкова О. А. Говоры Мышкинского Поволжья. Канд. дис., 1964, с. 85.

[41] Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губ. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. 42. Пг., 1915.

[42] Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, — Сб. ОРЯС, 1903, т. 76, № 2, с. 57.

залеза́ отметались (Перм., 1896). Еще: *залёзо*, *жана́*, *жана́тый*, *жани́тьба*, *жани́ться* ‘жениться’ и ‘выходить замуж’ (Осин. Перм., 1896), *жани́ться* ‘жениться’ и ‘замуж выходить’ (Верхотур. Перм., СРНГ), а также *жала́нный*, от *жала́нья* ‘от всего сердца’, *жани́х*: Жаних оболокся вот в эдаку гуню (Перм., СРНГ). Из ответов на академические программы: *залезо*, *залезной* (Кунгур. Перм., Прогр. № 134); *залезо*, *залезной*, *залеза* ‘железа’ (болезнь) (Красноуфим. Перм., Прогр. № 137), *залезо* (Шадр. Перм., Прогр. № 211), *жалёзо* (Шадр. Перм., Прогр. № 86; Ирбит. Перм., Прогр. № 204; Красноуфим. Перм., Прогр. № 209), *жолезо* или *золезо*, *залезо*, *зелезо* (Чердын. Перм., Прогр. № 258), *золезо* и *жалёзо* (Верхотур. Перм., Прогр. № 154), *залезо*, *золезо* (Соликам. Перм., Прогр. № 180), *залезной* (Соликам. Перм., Прогр. № 207). В ответе на прогр. № 181: Подумыват уж было он ноньче итти робить-то на *залёзну* дорогу (Соликам. Перм.). Из легенд Ончукова: Раскалил *залезной* прут (Тавд. Свердл., 1926). В словаре Миртова: *залёзна* печка (Охан. Перм.), полы-то *залезные* (Тобол., Шадр. Перм.), *залезо* (Перм., Охан., Шадр. Перм.), *залёзка* ‘железная дорога’ (Перм.), *залёзница* ‘вид рыбы’ (Охан. Перм., 1930). У собирателя Бирюкова: *залёзо*, *залёзный* (1933—1936). Из современных записей: *жалёзо* (Урал) и *жана́ч* ‘женатый, молодой мужчина’ (Урал, 1960).

Итак, в вятских и уральских говорах из слов рассматриваемого типа употребляются главным образом слова с корнем *желез-* (с меной *ж* на *з*). Именно эти слова получили распространение в некоторых сибирских говорах: *залёзо* (Енис., Пахомов; Сиб., Селищев), *залёзина* (Сузун. Новосиб., 1964), *залёзный* (Том., 1913).

Таким образом, приведенные материалы дают возможность говорить о различиях в употреблении рассматриваемых слов между говорами, генетически связанными с новгородскими (это наиболее ярко проявилось в архангельских материалах) и другими севернорусскими говорами. В первых зарегистрировано наибольшее количество слов с *а* на месте *е* после шипящих, по нашим подсчетам — 41, произведено наибольшее количество фиксаций, состав зарегистрированных слов отличается разнообразием; в поволжских говорах, например, слов записано почти в три раза меньше (16), небольшое количество фиксаций, однообразный состав слов (главным образом слова с двумя корнями: *жел-ать* и *жен-ить*). Нельзя забывать, конечно, и о том, что это различие в известной степени объясняется разными условиями развития диалектов (как известно, географические и другие условия русского Севера способствовали консервации диалектных особенностей). Все же характер архангельских материалов (довольно большое количество слов и разнообразный состав их) указывает на наличие в прошлом в архангельских говорах определенного фонетического явления.

Следовательно, явление, которое на первый взгляд кажется противоречащим системе севернорусского предударного вокализма,

на самом деле довольно легко в эту систему вписывается (имеется в виду система архангельских, в частности поморских, говоров). Как известно из различных источников, в том числе по материалам МДК, в архангельских говорах в предударном положении на месте *е* после мягких согласных произносится *е*, а не *о* [43] или же слабо лабилизованный звук *е*, как в говоре с. Семеновского Пудожского р-на на р. Водле.[44] На частое *е* в первом предударном слоге в говорах по берегам оз. Ильмень указывали Даль [45] и А. И. Соболевский.[46] С. К. Пожарицкая, специально изучавшая вопрос о произношении звуков на месте *е* в первом предударном слоге в севернорусских говорах и составившая карту этого явления, пришла к выводу, что к северу от Волги ёканье «в значительной части говоров вообще не отмечается».[47]

Как известно, архангельские говоры, отличающиеся наибольшей сохранностью архаичных черт, до сих пор имеют или имели совсем недавно такие старые особенности, как мягкое цоканье, произношение особых звуков на месте старого *ѣ* (т. е. следы наличия в недалеком прошлом особой фонемы *е*). В них позже, чем в других севернорусских говорах, произошло падение редуцированных гласных и, следовательно, позже стали формироваться черты, связанные с их утратой.[48] Иное, чем в южнорусских говорах, соотношение ударных и безударных слогов, при котором гласные безударных слогов незначительно отличаются по своей полновесности и длительности от ударных, продолжительное время позволяло сохранять старые особенности предударного вокализма после мягких точно так же, как эта система давала возможность различать неударные *а* и *о*.

Таким образом, наблюдается определенная зависимость наличия исследуемого явления от типа говора. Наибольшее количество случаев с *а* на месте *е* отмечается в говорах, восходящих исторически к новгородским, и, наоборот, в говорах поволжских таких слов мало. Конкретные системы говоров хорошо иллюстрируют это. В говоре Трусово Усть-Цилемского р-на Коми АССР, описанном Д. Т. Лисенковой (а, как известно, в районе Усть-Цильмы зарегистрировано наибольшее количество примеров) предударные *о* и *а* хорошо различаются. Здесь же отмечаются такие архаические осо-

[43] По материалам МДК (см.: Тр. МДК, вып. 5, с. 12), ответам на программу Диалектологического атласа (см.: Архивные материалы 1-го тома Атласа. Ин-т русск. яз. АН, Ленинград) и описаниям говоров А. Грандилевского, В. Мансикки, О. Брока, Л. И. Пироговой и др.

[44] Аванесов Р. И. Заметки о говоре с. Семеновского. . ., с. 244.

[45] Даль В. И. О наречиях русского языка. — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955, с. XLI—LXXXV.

[46] Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии, вып. 1. СПб., 1897, с. 43—44.

[47] Пожарицкая С. К. Проблема изменения *е* в *о* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 94.

[48] См.: Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, с. 171—172.

бенности, как остатки произношения звука *и* на месте *ѣ*. Результаты перехода *е* в *о* свидетельствуют о том, что он происходил непоследовательно. Фонемы *е* и *а* после мягких в предударном положении перед твердыми и мягкими согласными и перед шипящими реализуются в звуке *е*. В то же время после шипящих «чаще» наблюдается *а*: *жана́*, *шарс'т'анка*, *жалу́док*, *шастбй*, *жал'е́з'ина*, *жан'и́х*, *пшани́ц'ной хл'е́п*, *жала́т'*, *чатв'е́рк*, *чац'в'о́рта*. В этом же положении, по словам Д. Т. Лисенковой, отмечены случаи произношения *о* (*жоно́й*, *пшоно́*, *жолто́к*, *жоны́*, *жону́*).[49]

Поморские говоры сел Ломоносово, Ракула, Копачево, Б. Товра, Верхние Матигоры Холмогорского р-на Архангельской обл., по описанию Л. И. Пироговой, имеют шестифонемный состав гласных (*о—ô—е—а—и—у*), следы наличия в прошлом на месте *ѣ* особого звука, твердое и мягкое *ц*; оканье и еканье. После шипящих на месте *е* встречается то *о*, то *а*: *жона́*, *жол'е́зна*, *жон'и́х*, *пишохбдом*, *шшогол'а́ла*, *жолту́ха*, *з жолу́тком*, *з жоной*, *жолу́док*, *шостой и жал'е́за*, *жана́ты*, *т'ежало́*, *жана́*, *жано́й*, *жану́*, *г жан'е́*, *жан'и́х*, *жан'и́лся*, *пшан'и́ца*, *кашам'и́р*. *А* на месте *е* в предударном положении отмечено и после мягких согласных (наряду с преобладающим произношением здесь — *е*; в нескольких словах — *о*): *т'апло́*, *п'ир'ашы́та*, *пон'асла́с'*, *побр'аду́*, *пов'арну́лас'*, *у с'астры́*, *ц'ево́*, *ц'agó*, *н'асла́*, *з'арно́м*, *н'из'амну́йу*, *с'в'акро́ф'*, *вос'амна́цат'и*, *ростр'апалас'*, *кол'асо́*, *кол'анкбровы*, *п'аку́т*, *пр'ив'азу́т*, *л'асно́й*, *р'ака́*, *за р'ако́й*.[50]

Говор д. Терехово-Малахова Белозерского р-на Новгородской губ., где Б. и Ю. Соколовы записали слова *жани́х*, *жала́нный*, *жала́ть*, *пшани́шный*, отличался также чертами архаичности. В нем сохранялось мягкое цоканье; безударные *о* и *а* различались, на месте *ѣ* перед мягкими согласными произносился *и*; имелись следы произношения ω (на месте начального *в* в ряде слов записан *у*). В этом говоре налицо результаты перехода *е* в *о* независимо от ударения, однако встречаются случаи, когда такого перехода не произошло даже под ударением. При этом Соколовыми зарегистрированы отдельные слова, где *а* на месте *е* (в ударном и предударном слогах): а) перед твердыми согласными: *головя́шка*, *хря́снет*, *Ягор*, *нитянки*, б) перед мягкими согласными: *вря́мё*, *ядино́й* (иногда *ёдиной*; например, с *ёдину*).[51]

Будучи отличительной особенностью старой системы, само это явление уже в конце XIX—начале XX в. было архаизмом и, по свидетельству собирателей, выходило из употребления. В описаниях говоров встречаются указания на устарелость, малоупотребительность слов *жалать*, *жаних*. Нередко пишется, что *жа* го-

---

[49] Лисенкова Д. Т. Основные особенности вокализма в русском говоре села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. — Уч. зап. Коми гос. пед. ин-та, 1962, вып. 10, с. 55—68.

[50] Пирогова Л. И. Описание говора. . ., с. 179—226.

[51] Соколовы Б. и Ю. Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губернии. — Тр. МДК, вып. 2. Варшава, 1910, с. 51—67.

ворят только старики, а *жо*, *шо* указываются в качестве нового произношения в говоре (по словам А. М. Селищева, так, например, в Шенкурском у. Архангельской губ.).[52]

Именно старые системы новгородского типа отличаются слабой лабиализацией *е*. Кроме того, характерной особенностью таких систем, по наблюдению С. К. Пожарицкой, основанному на материалах Диалектологического атласа, является более передний и более верхний характер *а* после мягких согласных и, следовательно, слабая акустическая противопоставленность звуков *е* и *а*,[53] произношение на месте предударного *е* звука среднего между *а* и *е*, «который наблюдатели частично отождествляют с *а*, частично же — с *е*, значительно огрубляя и в том и в другом случае факты живого произношения».[54]

Наличие в говорах новгородского типа такого *е* объясняется самим характером этих говоров, который в недалеком прошлом характеризовался шестифонемным (*о—е—ê—а—и—у*) или семифонемным составом гласных (*о—ô—е—ê—а—и—у*). Сама система этих говоров (в отличие от говоров поволжских) требовала более отчетливого противопоставления двух фонем е (*е* и *ê*).

Таким образом, архаическая система новгородского типа с четким противопоставлением двух фонем *е* (открытой и закрытой) вследствие слабой лабиализации *е* или вообще отсутствия таковой в период перехода *е* в *о* могла стать почвой, на которой появились слова с *а* на месте *е* после шипящего.

Объяснение принципиальной возможности рассматриваемого явления в говорах архаического типа не позволяет, однако, ответить сразу на все конкретные вопросы, встающие перед лексикологом. В отличие от других исследователей лексиколог не может удовлетвориться изучением только общих причин появления определенного явления; он обязан интересоваться конкретными причинами изменений фонетического облика каждого слова. Нельзя не оставить без внимания, например, следующие факты: а) сохранение в говорах слов с *а* на месте *е* после шипящих, а не после мягких согласных; как уже говорилось, случаи, в которых это явление поддерживается параллельным произношением в отдельных словах *а* на месте *е* после мягких согласных, встречаются довольно редко; б) *а* на месте *е* встречается главным образом в словах после *ж* и *ш* и гораздо реже после *ч*.

Ответом на это могут служить лишь некоторые соображения, к которым приводит изученный материал. Думается, что причину сохранения слов с *а* после *ж*, *ш* надо искать прежде всего в изме-

[52] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири, с. 151.

[53] Возможно, об этом свидетельствует колебание в написании слова *пинежский* в тексте важских порядных XVII в.: Пиняжскои волости (3 раза), Пинежескои волости, пѣнежскому чудотворцу, на Пѣнешку и т. п. См.: Дерягин В. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности. (На материале важских порядных XVII в.). — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, с. 151—188.

[54] Пожарицкая С. К. Проблема изменения *е* в *о*. . ., с. 100.

нении качества самих шипящих *ж*, *ш*. Естественно предположить, что *е* открытый в сочетаниях *ж* (*ш*) плюс *е* открытый после отвердения шипящих стал или особенно близок к *а* или совпал с ним. Сочетания *жа*, *ша*, таким образом, совпали с сочетаниями твердый согласный плюс *а*, что давало им возможность сохраняться в севернорусских говорах новгородского типа, где *а* между мягкими и нередко после мягкого перед твердым согласным после падения глухих изменялся в *е*. Нельзя не отметить эту особенность сочетаний гласных с отвердевшими шипящими, заключающуюся в том, что такие сочетания в отличие от сочетаний гласных с мягкими согласными имеют тенденцию сохраняться, несмотря на изменения, происходящие в диалектах. В говорах Опаринского р-на Кировской обл., например, старое ёканье сменяется еканьем, однако после шипящих и в формах слова *лежать* оно еще держится (*л'ожý*, *л'ожáла*, *л'ожáл*, *жонá*, *жанóй*, *жонý*, *у жоны́*, *жон'úх* и т. п.).[55] Что касается сочетаний *ч* плюс *е* открытый, то они совпали с сочетаниями мягкий согласный плюс *е* открытый и разделили их судьбу. Как показывают наши материалы, слова с *а* на месте *е* после *ч* в говорах встречаются гораздо реже — записи их буквально единичны.

Не менее затруднительным является объяснение причин, которые следует назвать чисто лексикологическими, — причин, по которым в разных говорах сохранились разные слова с *а* после шипящих. Почему сохранились именно эти конкретные слова, а не какие-либо другие? Как уже говорилось, севернорусские говоры довольно сильно различаются по количеству слов с *а* на месте *е* после шипящих и по составу их. В говорах, по происхождению связанных с новгородскими (в особенности в архангельских), число таких слов относительно большое, а состав их разнообразен. В архангельских говорах хотя и выделяется общая часть, характерная для большинства говоров, все же и в этой общей части трудно наметить слова, наиболее употребительные. Другое дело — говоры поволжские и вятско-пермские. В тех и других круг слов сужен, особенно в говорах вятских и пермских. Среди состава слов легко выделяются слова, наиболее часто встречающиеся. В поволжских говорах таким словом оказывается слово *жаланный*. О произношении этого слова с *а* во многих говорах упоминал и П. С. Кузнецов.[56] Думается, что наибольшая сохранность именно этого слова и других слов того же корня в какой-то степени объясняется тем, что слова от корней *жалать* и *жалеть* имеют в диалектах тождественные значения: слово *жаланный*, например, употребляется в значениях ‘дорогой, милый’, ‘любящий, ласковый, сострадательный, жалостливый’, известно еще *жалáнник* ‘милый,

---

[55] Самойлова И. Д. О фонетических особенностях говора Опаринского района Кировской области. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1959, т. 134, вып. 9, с. 306.

[56] Кузнецов П. С. Русская диалектология, с. 50.

дорогой человек'; в то же время глагол *жалеть* известен в говорах со значениями 'любить' и 'проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо, ласкать, обнимать', известны также *жалóчка*, обозначающая 'милая, любимая женщина' (Одоев. Тул., 1913; Дон.) и *жаль* 'милая, дорогая женщина' (Дон.). Семантическая близость слов с корнями *желать*, *жалеть* могла способствовать и формальному смешению этих глаголов, что безусловно подкрепляло употребление форм с *а* (*жалать*). Интересно, что А. А. Шахматов высказывал мнение о том, что в *жалать а* — под влиянием *жалеть*.[57] Слово *желанный*, кроме того, во многих говорах русского языка было одним из самых распространенных обращений ко всякому человеку. Если судить по СРНГ, с таким значением *желанный* было известно как севернорусским, так и южнорусским говорам.[58] Кроме того, слово *желанный* было излюбленным словом фольклорных произведений. Высокая частотность этого слова в говорах также укрепляла позиции старых форм с *а* и способствовала их сохранению.

Вероятно, той же высокой частотностью можно объяснить употребление слова *жалезо* в вятских и пермских говорах.

---

[57] Шахматов А. А. История русского языка, с. 268—269.
[58] СРНГ, вып. 9.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Зелезо, земчуг в говорах русского языка

Известное еще с начала XIX в.[1] произношение *з* на месте *ж* в говорах русского языка является лексикализованным; оно встречается только в отдельных словах, чаще всего в словах *железо* (*зелезо*, *залезо*), *жемчуг* (*земчуг*) и их производных. Слова *залезо*, *залезный* с указанием на распространение их в Вологодской губ. поместил Опыт (1852). Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» привел олон. *зелизо*, пск. твр. *за́лоза* 'железа', олон. *дорозный* 'дорожный'.[2] На произношение некоторых слов с *з* в новгородских и вятских говорах обратил внимание М. А. Колосов: «*З* вместо *Ж* я слышал в словах: *рогозка* (Черепов.), *зелезный* (Валдайск.), *порозной* (Борович.), *порознем* (Новг.), *на порозёнке* (Валдайск.) (т. е. порожнем)»; он отметил также *зелезный* (Слобод. Вят.), *рогозка* (Котельн.), *по земчужинке*.[3]

А. И. Соболевский, размышляя о происхождении *зелезо*, считал его неясным и склонялся к мысли о том, что *з* в *зелезо* «надо считать звуком очень древним, не менее древним, чем *ж* в *железо*».[4] Мнение А. И. Соболевского в дальнейшем не получило поддержки. А. М. Селищев, например, писал, что *з* вместо *ж* в *железо* «зависело от ассимилирующего воздействия *з* в *зо*, а также от каких-то психологических связей».[5] Подобным же образом высказывается О. Н. Трубачев, объясняя русские диалектные *зелезо*, *залезо* и украинское *залізо* «как поздние местные фонетические явления (ассимиляция согласных)».[6]

---

[1] См. *золе́зный* в «Трудах Общества любителей российской словесности» за 1822 г.

[2] Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 83.

[3] Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1876, с. 77, 226, 252.

[4] Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 2-е. СПб., 1891, с. 129.

[5] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921, с. 56—66.

[6] Трубачев О. Н. Славянские этимологии. 1—7. 2. *Железо*. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, 1. Вып. 2. М., 1957, с. 31.

Теперь в связи с созданием Словаря русских народных говоров, когда в картотеке Словаря собраны многочисленные диалектные материалы конца XIX—начала XX в., а также современные, появилась возможность изучения этого явления на более широком и основательном материале. Кроме диалектных материалов (ответов на академические программы, программы МДК, Архивных материалов 1-го тома Атласа — Ленинград, современных диалектных записей, материалов СРНГ, сведений, заимствованных из статей) используются также фольклорные материалы. Среди них — сборники печорских былин и сказок Н. Е. Ончукова,[7] материалы Смоленского этнографического сборника В. Н. Добровольского и его словаря,[8] сборника песен Дмитровского у. Орловской губ.[9] и пек. др.[10]

Материалы, извлеченные из указанных источников, позволяют наметить отдельные зоны, в которых слова *зелезо*, *зелезный*, *земчуг* регистрировались наиболее часто. К первой — северной — зоне надо отнести разные уезды Архангельской губ. (Мезен., Усть-Цильма, Сев.-Двин., Пинеж., Каргоп., Няндом., Шенк., Верхняя Тойма), Петрозаводский и Пудожский у. Олонецкой губ., разные места Вологодской губернии (Великоуст., Тотем., Кадн., Никол., Устюжн.), территорию около Белого озера (Кирил., Белозер., Новг.), примыкающую к ней территорию Валдайской возвышенности (Валд. Новг., Осташк., Зубц., Ржев., Твер.).

Свод материалов по первой зоне представляет следующую картину: *плиту залезную*, *зубы залезны*, *залезную*, *на чепи залезной*, *скатной замчуг*, *за́мчужка*, *за́мчужный* (Усть-Цилем. Арх., Ончуков). В описании холмогорского говора А. Грандилевский замечает, что вместо *ж* изредка говорят *з*: *земчуг*, *рогоза*, *порозный* (Холмог. Арх.).[11] Другие материалы: *золе́зо*, *золи́зина*, *золе́зный*, *залёзы* ‘железы’ (Сев.-Двин. Арх.), *зеле́зо*, *золе́зо*, *зале́зо*, *зеле́зный*, *борона зёле́зная*, *золезный*, *золе́зна крыша* (Шенк. Арх.), *зале́зо*, *зале́зные* (Каргоп. Арх.), *золезо* (Няндом. Арх.), *зале́зо* (Мезен., Пинеж. Арх.); *залезня́к* ‘жесткий мох зеленого цвета’ (Верхне-Тоем. Арх.); *серебро не зелизиет*, *золезо*, *земцюк*, *порозной*, *рогоза* (Пудож. Олон.), *с палицей залезной* (Петрозав. Олон.), *золезо* (по р. Онеге в Каргоп. Олон.); *золе́зный* (Волог.), *золеза́* ‘железа’, *золезня́к* ‘мох, употребляемый для конопачения домов’

---

[7] Ончуков Н. Е. 1) Печорские былины. СПб., 1904; 2) Северные сказки. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. 33. СПб., 1908.

[8] Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. I. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. 20. СПб., 1891; ч. II: Зап. РГО по отд. этнографии, т. 23, вып. 1. СПб., 1894; ч. III: Зап. РГО по отд. этнографии, т. 23, вып. 2; ч. IV: Зап. РГО по отд. этнографии, т. 27. СПб., 1903; Смоленский областной словарь. Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914.

[9] Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии. СПб., 1905.

[10] Ссылки на них даются в тексте статьи.

[11] Грандилевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, 1907, т. 83, № 5.

(Сольвыч. Волог.), *золе́зо* (Великоуст., Волог., Кадн., Сольвыч., Никол., Устюжн. Волог.), *зеле́зо* и *жале́зо*, *жоле́зо* (Устюжн. Волог.), *золе́зо* и *жолезо*, *порозно*, *рогоза* (Никол. Волог.); *зале́зо*, *жале́зо* и *зале́зо*, *золе́зо*, *залѝзина*, *зелезо*, *зелѝзо*, *зелѝзной*, *золежный* (Белозер. Новг.), *жёлезо* и *золезо*, *золе́зо*, *зо́лезо*, *золѝзина*, *золезнѝця* 'род болезни', *золезной* (Кирил. Новг.), *зеле́зина* 'кусок железа' (Валд. Новг.), *зелезо* (Зубц., Новоржев. Твер.), *вялезо* (Осташк. Твер.).

Следующая зона расположена западнее и южнее. Она включает Псковскую (Холм., Порхов., Великолукск., Остров., Пск.), Смоленскую губернии, прилегающие к ним уезды Орловской (Трубч., Карач., Брян., Дмитров.), Брянской, Калужской (Мещов., Мосал., Жиздр.) и Курской (Дмитриев.) губерний (областей). Сюда же примыкает Новосильский у. Тульской губ. (теперь в Орл. обл.).[12] Свод материалов: *жалезо* и *зелезо* (Холм. Пск.), *жалезо* и *вялезо* (Остров. Пск.), *зелезо* (Порхов. Пск.), *зелезник* 'чугун' (Великолукск. Пск.), *зелезня́к* 'чугун' (Пск. Пск.), *зале́зо* и *зеле́зо* (Великолукск., Пск. Пск.), *вяле́зная* (Пск.). В материалах В. Н. Добровольского найдено: *вялезы кували*, *зялезный*, *доски зялезныя*, *зилизування* 'болезнь — воспаление желез у жеребят', *зилязува́ть* 'болеть этой болезнью', *зямчужный рясы*, *земчуг*, *зимчугом унизал*, *зимчужо́чек* (Смол.), *зялезный*, *на зямчужный на сярьге*, *зямчужная сярёжичка* (Вязем., Ельнин. Смол.), *земчужок* (Духовщ. Смол.). В ответах на программы МДК: *зеле́зо* (Росл. Смол.), *зе́мчух* (Вязем. Смол.). Другие материалы: *зиле́зо* (Трубч., Брян., Карач. Орл.), *зиле́зо*, *зе́мчуг* (Брян. Орл.), *земчу́г* (Орл.), *земчуг*, *зелезо*, *зялезо* (Севск. Орл.), *зяле́зный* (Севск. Брян.), *зе́мчуг*, *земчу́г* (Зап. Брянщина). В записях песен: *земчужные поясы*, *земчужными росами* (Орл.), *земчуг*, *земчужный* (Болх. Орл.); *земчугу*, *зямчужная перьица*, *на зямчужную расу*, *расу зя́мчужную*, *пирисыпка зимчужная*, *сирежечки зямчужные* (Дмитров. Орл.). Материалы калужские: *зиле́зный*, *зелезня́к* 'железная лопата, заступ', *зиле́за* 'железо', *зе́мчуг*, *за́бры и дружья́*, *жабо́та*, *шышнатцать*, *шкарлупа́* (Мосал. Калуж.), *зеле́зный*, *зе́мчуг*, *зя́бры*, *грысь* 'грызня', *зе́мчух*, *шешнадцать*, *шкырлупа*, *сипить* 'шипить'; *зимчу́жныи конички*, *зе́мчух* (в песнях) (Мещов. Калуж.); *дражни́ть*, *зе́мчуг*, *зя́бры*, *шешна́дцать*, *шкорлупа́* (с. Покров. Медын. Калуж.); *брашáй* 'бросай', *брашéй* 'сильно бросил', *шалхветка*, *шашна́дцать*, *шашка* (от Александр), *страшная неделя*, *иж-за* (из-за), *зимчюжо́чик*, *зиле́за*, *жудеть* 'зудеть' (Жиздр. Калуж.), *зале́за*, *зале́зный*, *земчу́г* (Новосил. Тул.).

Третья зона — южная, точнее — юго-восточная. Она включает в себя говоры курские, донские, воронежские, тамбовские. В говорах этой зоны слова с меной *ж-з* отмечаются главным обра-

---

[12] По мнению Е. Ф. Будде, говоры его близки перечисленным: Б у д д е Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Отчет о поездке в 1902 году. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 3, с. 93, 105—106.

зом в песнях; как правило, это слова *земчуг*, *земчужный* и их производные. Н. С. Машкин, Е. И. Резанова и М. Г. Халанский приводят слово *земчуг*. В описании говоров шепелявых саянов М. Г. Халанский сообщает: «вм. *жемчуг* говорят *за́мчуг*» (с. Ясенка Щигр.), *замч'ш'ух*, *зябры* (д. Болховец, Карповка, Крапивная Белгор.).[13] Однако в песенном материале слова *земчуг*, *земчужный* встречаются в записях из других говоров («сильно акающих», горюнов, егунов): *зямчу́х* (с. Старые Савины Щигр., с. 83), *зимчю́жнаи сирёжички* (с. Козино Путивл., с. 118), *зямчу́х* (с. Красниково Обоян., с. 256), *з зимчюгбм* (с. Заломное Судж., с. 234), *за́мчюк* (д. Булановка Курск., с. 286).[14]

Е. И. Резанова сообщает, что в говоре д. Масловки и Хитровки Суджанского у. нет шепелявых свистящих, но в отдельных случаях наблюдается их мена. Она приводит *земчу́г*, *зя́бры* 'жабры', *грысь* 'грыжа', *дражнить*, *сала́ш* 'шалаш', *сипить* 'шипить', *са́шка* 'шашка', *шышна́тцать*, *шкарлу́пка*.[15]

В более южных говорах (донских, воронежских, тамбовских) встречаются *земчуг*, *зелезо*, *зелезный*, причем не только в записях песен. Не раз эти слова записаны были на Дону. В Донском словаре Миртова находим *зелезный*, *земчуг* (помеченное как старинное и подтвержденное цитатами из песен).[16]

Мена свистящих и шипящих известна была в воронежских говорах: *залезо*, *залезный*, *замчюжина*, *замчюжный*, *земчю́х* (и *же́мчуг*), *земчюжко́м*. *Зе́мчуг* отмечено еще в Тамбовской губ. и на Тереке (запись песен). *Зале́зо* — в Лебядинском у. Тамбовской губ., *зализо*, *залезо* — на Кубани.

Четвертая зона расположена севернее и восточнее. В нее входят говоры московско-рязанские и поволжские (Звенигор., Брон., Моск. Моск., Егор., Касим. Ряз., Меленк. Влад., Ветл. Костром., Балахн., Семен. Нижегор., Казан. Казан.). *Зе́мчуг*, *земчу́жный* неоднократно регистрировались в говорах московско-рязанских (Звенигор. Моск., Брон. Моск., Моск. Моск.). А. А. Шахматов в описании лекинского говора заметил: «*земцук* вм. *жемчуг*, *зелеза* вм. *железа*».[17] В ответе № 111[а] на академическую программу имеется *зилезо* — говорят женщины, мужчины — *жалезо*; при этом: *шашнадцати*, *дашка* (Касим. Ряз.). В ответах из поволжских говоров: *зеле́зо* (Костром., Меленк. Влад.); *зеле́-*

---

[13] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 5, с. 45.

[14] Халанский М. Г. 1) Сведения и заметки о говорах русского языка. II. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского уезда Курской губ. — РФВ, 1886, т. 16, № 4; 2) Сведения и заметки о говорах русского языка. III. Саяны. — РФВ, 1889, т. 21, № 1.

[15] Резанова Е. И. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губ. — Изв. ОРЯС, 1912, т. 17, кн. 1, с. 218, 238.

[16] Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

[17] Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. — Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 4, с. 211.

зина (Влад.). В ответах на программы МДК находим: *золéзо* (Ветл. Костром.), *железо*, *зелезо*, *залезо* (Варнав. Костром.). В ответе из Меленковского у. Владимирской губ. отмечено, что женщины произносят *зилезо*, а мужчины — *жилéзо*. Е. Будде в с. Чигурчи близ г. Арска (Казан. Казан.) записал: *борона залезна*; *он доржать будит зубом-ти, и доржит залéзным*.[18] Слово *земчуг* отмечено еще в Казанском у. (Казан.), в Балахнинском и Семеновском уездах (Нижегор.) и в Поимском р-не Пензенской обл. (1945).

Пятая зона объединяет говоры уральские и близлежащие к ним (вятские, пермские, уфимские, оренбургские). В говорах уфимских и оренбургских по старым материалам (ответам на академические программы) употреблялись слова *зелезо*, *зелезный*: *зэлезо* (Уфим.), *залéза* (Оренб.). В вятских и пермских говорах эти слова отмечались много раз. В Опыте 1852 имеется: *золéзо* (Вят., 1852). В ответах на академическую программу находим: *залéзо* (Нолин. Вят.), *жалезо* и *залéзо* (Яран. Вят.), *залéзный* (Орл., Слобод., Нолин. Вят.); *золéзо* (Орл., Слобод., Котельн. Вят.), *зелезо* (Малмыж. Вят.), *земчуг*, *земчужное* (Слобод. Вят.). В ответах на программы МДК: *залéзо*, *залéзна дорога* (Котельн. Вят.), *золéзо* (Орл. Вят.), *земчужноё* (Котельн. Вят.). Д. К. Зеленин сообщил о наличии в вятских говорах шепелеватых свистящих и мены свистящих и шипящих: «*рогозá*, *мезнимя́*, *зелéзо* — обычны»; у него же находим: *залезня́к* ‘болезнь животных’ (Глазов. у.), *зелезёнка* ‘железная лопата’ (Орл. у.);[19] в словаре к вятским сказкам Д. К. Зеленина: *залéзный*. В сборнике сказок Смирнова: Прилетаит 31 птица с булатными крыльями, *залезным* носом (Орл. Вят.). В записи 1928 г.: *золéзо* (Котельн. Вят.).

Известный собиратель пермских слов Луканин записал *залéзо*, *залéзко*, *залéзный*, *залезá* ‘железы’ (1856). В ответах на академические программы из Пермской губ. имеются *залезо*, *жолезо*, или *золезо*, *зелезо* (Чердын), *жалезо* и *золезо* (Верхотур.), *залезо*, *золезо* (Соликам.), *залезо* (Кунгур., Красноуфим., Шадр., Осин.), *зелезо* (Соликам., Кунгур., Верхотур.), *золéзо* (Верхотур.), *зелéзной* (Красноуфим., Соликам., Кунгур., Верхотур.), *залéзный* (Соликам.), *залеза* ‘железа’ (болезнь) (Красноуфим.), *зелезнячка* ‘дух, обитающий в огороде’ (Верхотур.) и многие другие записи (вплоть до наших дней), подтверждающие наличие на Урале и в Предуралье слов *залезо*, *залезный*.

Ареалы распространения слов с меной шипящих и свистящих, сообщения собирателей о наличии шепелявых свистящих в говорах с такой меной — все это позволяет высказать предположение о связи мены шипящих и свистящих с шепелявостью свистящих.

---

[18] Будде Е. Ф. Диалектологические заметки. — РФВ, 1902, т. 48, № 3, 4, с. 164.

[19] Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. — Сб. ОРЯС, 1903, т. 76, № 2, с. 10.

По данным Атласа, шепелявые *с''* и *з''* распространены «в ряде среднерусских говоров на территории Псковской, Великолукской областей, а также наиболее окраинных (западных) частей Смоленской и Брянской областей, т. е. в говорах на границе с Белоруссией, и в среднерусских говорах более восточных областей, например Владимирской».[20] В «Русской диалектологии» имеется указание на присутствие шепелявых свистящих и мягких шипящих в говорах вокруг Белого озера.[21] Шепелявые *с''*, *з''*, по словам Р. И. Аванесова, «сохранились кое-где в Псковском крае (в прошлом они были там значительно более широко распространены)», известны в северных районах Рязанской обл., в Поветлужье, в Вятском крае и в Сибири.[22] По сведениям Ф. П. Филина, *с''*, *з''* были известны в северодвинском диалекте в XVI в., присутствуют в современном холмогорском говоре, «в ряде мест Вологодской области и в некоторых других районах Севера», а также в юго-западной части Новгородской области, в Калининской области и в говоре уральских казаков.[23]

Судя по старым описаниям, в недавнем прошлом имелось больше говоров, знающих шепелявые свистящие. Е. Ф. Будде, обследуя говоры Мценского, Карачевского, Брянского и Орловского уездов Орловской губ. и Новосильского у. Тульской губ., заметил в них «средние звуки *з*^{ж}, *с*^{ш}», как он писал, встречающиеся «изредка».[24] Как известно, шепелявые свистящие имелись в говоре саянов Курской губ. (Судж., Курск., Щигр., Льгов., Белгор.), в касимовских говорах,[25] в казанских и симбирских говорах,[26] в говорах Бронницкого у. Московской губ.,[27] в говоре д. Парфенки,[28] на западе Воскресенского у. Московской губ.,[29] в северо-восточных районах рязанских говоров.[30]

Заметим при этом, что шепелявость свистящих не является такой характерной особенностью, которая легко может быть заме-

---

[20] Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Изд. 2-е. М., 1965, с. 86.

[21] Там же, с. 271.

[22] Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 135—136.

[23] Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 270—272.

[24] Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний, с. 106—107.

[25] Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896.

[26] Будде Е. Ф. Диалектологические заметки, с. 164.

[27] Каринский Н. М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — Изв. ОРЯС, 1903, т. 7, кн. 2, с. 216.

[28] Дурново Н. Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.

[29] Сидоров В. Н. Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губ. — Тр. Постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 2. Л., 1927, с. 124.

[30] Оссовецкий И. А. К диалектологии говоров Рязанской области. — Диалектологический бюллетень, вып. 5. М., 1949, с. 22

чена, особенно собирателем — местным жителем. К тому же в конце XIX—начале XX в. в ряде говоров она была уже исчезающей. Об этом свидетельствуют такие примечания собирателей, как «редко», «иногда», «говорят только женщины» и др. Можно указать на быстрое исчезновение шепелявости в касимовских говорах.[31]

Приведенные материалы позволяют говорить о том, что бытование слов с меной *ж-з* отмечается главным образом в тех же районах, что и шепелявость свистящих. Исключение представляют некоторые южнорусские говоры, где из слов с меной *ж-з* известны только *земчуг*, *земчужный*, да и те имеют здесь, очевидно, фольклорное происхождение. Таким образом, представляется возможным поставить в связь оба эти явления. Как известно, шепелявость свистящих древнепсковского диалекта отразилась в мене шипящих и свистящих в псковских памятниках. Можно привести немало примеров диалектологических записей, в которых имеется сочетание шепелявости свистящих и слов с меной *ж-з*, *ш-с*. В записях Е. Будде из с. Чигурчи (Казан. Казан.) нашла отражение мягкость шепелявых свистящих (*з*ʲ*ёлин*, *з*ʲ*ёрно*, *с*‴*йдели*), и в то же время наличествуют слова *залезна*, *залёзным*.[32]

Таким образом, наличие слов *залезо*, *земчуг* в говорах, не имевших в момент записи шепелявых свистящих, можно считать следами бывшего закономерного фонетического явления — неразличения фрикативных шипящих и свистящих. Можно сказать, следовательно, что диалектные *зелезо*, *зелезный*, *земчуг* возникли на фоне закономерного в прошлом фонетического явления.

Едва ли правильным было бы думать, что слова с меной *ж-з*, распространенные на столь обширной территории, появились одновременно в разных говорах. Как известно, наличие шепелявых свистящих в псковских и новгородских говорах считается древней чертой. Неразличение фрикативных шипящих и свистящих в этих говорах относят ко времени диалектных различий древнерусского языка. Псковские памятники XIV в. широко отражают смешение *с* и *ш*, *з* и *ж*.[33]

Очевидно, на север — в Заонежье, на берега Белого моря — и далее на восток эта черта была принесена новгородцами. В то же время не исключено ее появление или усиление и на новых местах, под влиянием встреч русских с финскими племенами. Дело в том, что памятники древненовгородской письменности не позволяют говорить о полной утрате оппозиции с ДП «дентальность-альвеолярность» в древненовгородском диалекте XI—XII вв. Наличие же мягкого цоканья и неразличение фрикативных шипя-

---

[31] Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1. М.—Л., 1949, с. 108.

[32] Будде Е. Ф. Диалектологические заметки, с. 164.

[33] Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, с. 74, 75.

щих и свистящих в современных говорах, генетически связанных с новгородским диалектом, свидетельствуют о полной утрате дентальных и альвеолярных, что объясняется, очевидно, новым соседством с финскими племенами.[34] С. А. Копорский, связывавший цоканье с наличием в говорах шепелявых свистящих, склонялся к той мысли, что обеими этими особенностями русские говоры обязаны соседству с финскими языками, в которых нет звука *ц*, а свистящие шепелявы.[35] По сведениям В. И. Лыткина, встречи русских в бассейне Северной Двины с комийцами, например, отмечены уже с XI в.[36] В говоре поселка Нювчим Сыктывдинского р-на Коми АССР, представляющем собой своеобразный русский островок, окруженный диалектами коми языка, отмечается наличие мягких шепелявых свистящих *с* и *з* в любом положении в слове.[37]

Таким образом, можно видеть, что наличие диалектных зон распространения слов с меной *ж-з* находит объяснение в сложной истории русских говоров.

Неодинаковый характер звука *з* в словах (то твердый, то мягкий) указывает также на разновременность происхождения слов с меной *ж-з*. Очевидно, раньше, чем в других говорах, появился *з* в словах *зелезо*, *земчуг* в псковских и смоленских говорах, которые отличаются почти исключительным употреблением *з* мягкого. Преимущественно твердый характер звука *з* на севере и северо-востоке (арх., волог., олон., новг., вят., перм. говоры) говорит о довольно позднем, после отвердения шипящих, появлении *з* в словах *железо*, *жемчуг* (как известно, в двинских говорах XV в. шипящие были еще мягкими).[38] Возможно, еще более позднего происхождения *з* в словах *зелезо*, *земчуг* в районах Урала и Предуралья — здесь шепелявые согласные могли возникнуть под влиянием нового соседства с неславянскими языками (главным образом угро-финскими).

---

[34] Там же, с. 74.

[35] Копорский С. А. Цоканье в Калининской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М.—Л., 1949, с. 173.

[36] Лыткин В. И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.—Л., 1949, с. 132.

[37] Сергеенко Э. С. Система согласных фонем русского говора поселка Нювчим Коми АССР. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы межвузовской конференции. Череповец, 1970, с. 29.

[38] Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1 и 2. СПб., 1903, с. 72.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

О семантике слов с корнем *яр-* (в связи с наименованием славянского божества Ярилы)

Мысль о том, что славянская мифология представляет собой не меньший интерес, чем мифология Древней Греции или Египта, не нова и едва ли может вызывать возражения. Однако то, что А. Погодин назвал когда-то «загадкой славянской мифологии», до сих пор продолжает оставаться загадкой, несмотря на многолетние усилия лингвистов, историков и этнографов, не давшие сколько-нибудь заметных результатов. Не случайно на определенном этапе эта «безрезультатность» поиска привела к некоторому угасанию интереса к данной проблематике (на это указывал в начале 60-х годов В. Н. Топоров).[1] Мы многое знаем о культах Адониса, Изиды, Озириса, но по-прежнему мало или почти ничего не знаем о славянских божествах Хорсе, Дажьбоге, Мокоше, Ладе, Яриле.[2]

Для изучения проблем славянской мифологии без сомнения первостепенное значение имеют лингвистические данные. Еще А. Котляревский указывал, что среди всех источников сведений о народной жизни (и в том числе сведений о древнейших верованиях наших предков) «первое место принадлежит свидетельствам языка — этого вернейшего и иногда единственного свидетеля былой жизни народов».[3] Среди прочих языковых сведений особое значение приобретают диалектные лексические данные, поскольку в народном сознании дольше всего сохраняются отголоски языческой старины, несмотря на христианство, в силу которого древнейшая мифология природы предстает перед исследователем в значительно осложненном и затемненном виде, поскольку «это уже не просто мифология, а двоеверие».[4] В русле подобного двоеверия

[1] Топоров В. Н. Фрагмент славянской мифологии. — Кр. сообщ. Ин-та славяноведения, вып. 30, М., 1961.

[2] Наиболее доказательной представляется гипотеза о значении Перуна. См.: Иванов В. В. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 3. М., 1958, с. 101—111.

[3] Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, с. 17.

[4] Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887, с. 256.

неизбежно оказался и культ Ярилы — одного из самых почитаемых народом божеств, празднества в честь которого продолжались у крестьян вплоть до первых десятилетий XX в. (несмотря на официальные запреты церковных властей).[5] На протяжении веков память о «ярилиных игрищах» сохранялась в названиях местечек и урочищ. Так, в Новгородских писцовых книгах XV в. встречаются д. Ярилово на р. Белке, д. Яриловичи; в Писцовых книгах по Тверской губернии (XVI в.) упоминаются д. Ярильцево (Старицкий у.), Ярилово (Пошехонский и Юрьевецкий у.), Ярунино (Галичский и Макарьевский у.), Яруниха (Варнавинский и Княгининский у.) и т. д.[6]

Как свидетельствует А. С. Фаминцын, согласно старинному народному преданию, «близ города Галича. . . стоял идол Ярила, куда галичане продолжали ежегодно собираться в неделю всех святых для трехдневного празднества; то же самое игрище происходило и в Кинешме».[7] Уже по одному этому примеру можно судить, как тесно переплелись в сознании народа древнейшие языческие представления и христианский календарь: ярилины игрища теперь приурочены к церковному празднику — неделе всех святых. Все эти позднейшие «наслоения» осложняли и осложняют вопрос о значении древнего языческого божества Ярилы и предопределяют те значительные расхождения, которые обнаруживают в этом вопросе исследователи: одни относили культ Ярилы к числу солнечных культов,[8] другие рассматривали его как божество весны,[9] третьи считали богом плодородия.[10] К наиболее слабым следует отнести раннюю гипотезу М. Касторского, неправомерно отождествлявшего Ярилу с «Юпитером славянского Олимпа» Перуном.[11]

Для выяснения вопроса о значении культа Ярилы у славян необходимо привлечение широких лингвистических, исторических и этнографических данных наряду с исследованием сравнительно-историческим (как это делалось при выяснении этимологии

---

[5] Кашкаров В. М. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии. — Калужская старина, т. 3, год III. Калуга, 1903, с. 31.

[6] Погодин А. Несколько данных для русской мифологии в XV в. — Живая старина, вып. 3—4. СПб., 1911, с. 427—428.

[7] Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884, с. 224.

[8] Срезневский И. И. Об обожании солнца у древних славян. — ЖМНП, ч. 51, СПб., 1846, с. 56—59; Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1. М., 1865, с. 193; Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895; Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918, с. 52.

[9] Буслаев Ф. И. Народная поэзия, с. 255; Забелин И. История русской жизни с древнейших времен, ч. 2. М., 1879, с. 322—323; Кашкаров М. Очерк истории церкви. . ., с. 31.

[10] Фаминцын А. С. Божества древних славян, с. 26; Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916, с. 258; Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1928; Шепинг Д. Опыт о значении рода и рожаницы. — Временник ОИДР, кн. 9. М., 1851, с. 28.

[11] Касторский М. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841.

имени Перуна). Такое изучение может стать плодотворным только в том случае, если оно проводится соединенными усилиями лингвистов, историков и этнографов (к этому призывал еще А. Погодин.) В плане же предварительных предположений представляется оправданным следующий путь: прослеживая ход исторической эволюции значений слов с корнем *яр-*, попытаться «снять» с этого чрезвычайно сложного и разветвленного семантического комплекса те «семантические пучки», которые возникли на сравнительно поздних этапах развития слов этой группы, освободив тем самым от позднейших «семантических напластований» исходный комплекс значений слов с корнем *яр-*. Возможно допустить, что именно в пределах этого комплекса и следует искать объяснение наименования славянского божества Ярилы. Такое предположение могло бы стать особенно достоверным, если бы лингвистическим данным не противоречили данные этнографического и исторического порядка. Диалектная лексика представляет для подобных задач поистине бесценный материал, поскольку вся совокупность значений слов с корнем *яр-* представлена здесь в наиболее целостном, «нетронутом» виде. Что касается этнографии, то память народа из всех богов языческой древности в наибольших подробностях сохранила до самого недавнего времени именно детали Ярилиного культа, тогда как сведения о Хорсе, Даждьбоге, Мокоше почти полностью утрачены.

Б. А. Ларин справедливо считал исходным этапом семантического развития славянского существительного *яръ* и его производных обозначение природных явлений безотносительно к человеку.[12] В русских диалектах подобная лексика образует наиболее обширный «семантический круг» среди всех прочих семантических комплексов данного корня. В старославянском[13] и древнерусском[14] языках слово *яра* означало весну: Приде оуже яра (Злат. цеп., XIV в.). По свидетельству А. Афанасьева, у карпатских горцев весна называлась *ярь*, а весенний месяц май — *ярец*.[15] У русских крестьян годовые весенние ярмарки носили названия *ярила*, *ярилы*. Автор рукописных сведений по Моршанскому у. Тамбовской губ. отмечает, что «слова ярмарка нет на крестьянском языке, а есть ярила, ярилы».[16] Ярилом называли ярмарки в Оренбургской и Пензенской губерниях,[17] а в Симбирской губ. так назывался первый базар в Петровский пост. Как отмечает А. Фаминцын, Ярилин день сопровождался торгами и ярмарками в губерниях Тамбовской, Рязанской и Московской (Можайский у.);

---

[12] Ларин Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (яр-юр-буй). — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963, с. 82—83.

[13] Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. 2, с. 138.

[14] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3. М., 1958, с. 1652.

[15] Афанасьев А. Поэтические воззрения. . ., с. 439.

[16] Словарная картотека ИРЯЗ (Ленинград).

[17] Фаминцын А. С. Божества древних славян, с. 223.

торги эти слывут «на ярилину».[18] Таким образом, в сознании народа весенне-летние ярмарки прямо связывались с «ярилиными игрищами», «ярилками», «ярилиными гуляньями».

Русские диалекты XIX—XX вв. сохранили целый ряд слов с корнем *яр-*, обозначающих хлеба весеннего посева (а также ранние овощи и под.) и все, что связано с их земледельческой обработкой. Таковы следующие значения:

'хлеб весеннего посева (любой)': *ярь* (Пск., Смол., Курск., Пенз., Калуж., Ряз., Олон.)[19]; *ярúца* (Иркут., Смол.), *я́рица* (Орл., Пск.), *яровúна* (Брян., Пск.), *яровúнка* (Смол., Калуж.), *яровúнушка* (Казан.), *яровище* (Казан.), *поя́р* (Яросл.) (сюда же добавим белор. *яринá*);

'пшеница весеннего посева': *ярь* (Смол.), *я́рица* (Енис. Ср. серб. *ја́рица* 'летняя пшеница'), *ярица* (Тул., Кочет., Забайк.) (то же значение имеет польск. *jark-isz*);

'рожь весеннего посева': *я́рица* (Новг., Арх., Пск., Великолукск., Смол., Тобол., Прибайкал), *ярúца* (Влад., Новосиб., Ср. Прииртышье), *я́рка* (русские говоры на террит. Лит. и Латв. ССР) (сюда же польск. *jark-isz*);

'овес весеннего посева': *ярь* (Нижегор.).

К этим диалектным русским наименованиям яровых хлебов добавим также несколько существительных из других славянских языков: сербск. *ја̑р* 'яровой ячмень', *ја̑рка* 'яровая кукуруза' и *ја̑рик* 'летний лен'.

К той же семантической группе принадлежат следующие значения:

'овощи весенней посадки': *яровúна* (Пск.) (ср. сербск. *јарúна* 'яровой плод');

'поле под яровые посевы': *яр* (Яросл.), *ярь* (Пск., Смол.), *яровúна* (Калуж.), *яровó* (Оренб.), *подъяровбе* (Смол.);

'поле, засеянное яровым овсом': *яровище* (Новг.);

'сжатое яровое поле': *яровúще* (Калуж., Смол., Пск.), *яровúна* (Калуж.);

'солома яровых хлебов': *ярéмина* (Смол.), *яровúца* (Влад., Ростов., Арх., Олон.);

'лукошко, из которого сеют хлеб' (иначе — севалка): *яровня́* (Пск.);

'работник, работница, нанятый на время весеннего сева': *ярóвник*, *ярóвница* (Олон.).

К рассматриваемому кругу значений принадлежат и значения глаголов (немногочисленных в количественном отношении): *пере-*

---

[18] Там же.

[19] Следует согласиться с замечанием С. И. Коткова по поводу существительного *ярь*: «По данным этнографов, *ярица*, а также *ярь* — яровая рожь. Для *яри* в историческом плане это не бесспорно. У южновеликорусов *ярь* и *ярица* определенно различались. Под *ярью* понимались вообще яровые посевы» (К о т к о в С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970, с. 19).

я́ривать ‘пахать, бороновать, пахать вообще или вторично’ (Олон.), *объя́ровить* ‘засеять поле ярицей, яровым хлебом’ (Пск., Твер.), а также неясный (с точки зрения географии) глагол *яровáть* ‘обрабатывать поле под яровые посевы’.[20]

Соответственно и прилагательные с корнем *яр-* обозначали понятие ‘весенний’ (обычно — применительно к яровым хлебам):

‘весенний, весеннего посева’ (хлеб, гречиха и т. п.): *яровóй* (Ворон., Пск., Твер., Смол., Курск., Олон., Новг. и т. д.), *я́рый* (Перм.), ср. др.-русск. *ѣровыи*: Того же лѣта въ Петрово говѣніе и по Пѣтровѣ дни идяше дождя много и наполнишася рѣки и источници и езера аки веснѣ; а рожь тогда цвѣтяше. . . а ѣрового обиліа тогда Богъ умножи. . . (Пск. II лет. под 6992 г.), *ѣрыи*: Всѣкои верши по имени или пшеница ѣрои или ѡзимои (Пск. судн. грамота 1397—1467 гг.), польск. *jary* ‘весенний, яровой’;

‘ранний’ (об овощах): *яровóй* (капуста, огурцы яровые, Курск.);

‘сопровождающий жатву ярового хлеба’ (о песнях): *яри́ный* («яриные песни», Смол.).

К той же ступени семантической эволюции безусловно следует отнести значения: ‘сильный разлив воды весной, половодье’: *яровóдье* (Арх.);[21] ‘животные, птицы весеннего выводка; молодое (обычно годовалое) животное — ‘ягненок’: *подъя́рок* (Моск.), ‘молодая овца’: *яри́ца* (Олон.), *ярóта* (Хакасс.), *поя́рка* (Новосиб.), *я́рка* (Моск.) (Ср. др.-русск. *яръка* с тем же значением в Новг. II летописи), ‘годовалый баран, овца’: *перея́рок* (Хакасс.), *поя́рок* (Слов. Преображенского), ‘двухлетняя овца’: *переярья* (Курск., Дон.),[22] ‘молодой волк прошлогоднего выводка’: *перея́рок* (Арх.), ‘заяц весеннего (летнего) выводка’: *ярыш* (Меньшов, Охотн. словарь), ‘годовалый бобр’: *ярéц* (Бурнашев, без указ. места; Камч.), ‘молодая курица’: *перея́рок* (Свердл.). Слов. Преображенского приводит также существительное *яровик*, употребляемое применительно к молодым баранам, бычкам и даже грибам (ранний?).

Аналогичные значения сохранились и в других славянских языках: ср., например, сербск. *jàрица* ‘молодая коза, еще не да-

---

[20] Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2. М., 1868, с. 440—441.

[21] Мы не рассматриваем здесь спорные с точки зрения этимологии слова *яр* ‘овраг’, *яруга*, *подъяр*, *подъярок* и под., хотя все они, по-видимому, принадлежат к одной группе с существительным *яроводье*. Глубокий и тонкий семантический анализ этих слов содержится в статье Б. А. Ларина «Об архаике в семантической структуре слова» (с. 83—87), где в значительной степени поколеблена гипотеза о тюркском заимствовании (Даль, Миклошич, Фасмер, Бернекер, Брюкнер, Преображенский, Якубинский и т. д.). Мысль о славянском происхождении существительного *яруга* высказывалась еще А. Будиловичем (Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1878, с. 44).

[22] Ср. др.-русск. *ярѧ* ‘ягненок’: А за тела ѣ рѣзань, за ярѧ ногата. . . Русская Правда).

вавшая приплода', *ја̂рик зец* 'мартовский заяц', болг. *я́рица* 'молодая курица, которая еще не дает яиц'. Добавим, что в Курской губ. и на Дону двухлетнюю овцу называли *переярья*. Как утверждает А. Афанасьев, «. . . в Курской губернии прилагательные *ярий, переярий* употребляются, говоря о животных, в смысле: второгодний, переживший одну весну».[23]

Таким образом, этот круг значений отличается конкретностью и концентрируется вокруг понятий природы, животного и растительного мира. По-видимому, только в самое позднее время возникают значения, касающиеся уже не только природы, но и человека: мы имеем в виду олонецкие *яровник, яровница* 'работник, работница на время весеннего сева' и *ярúца* 'девочка-подросток 12—14 лет, старающаяся казаться взрослой'.

Следующий круг значений оказывается уже значительно удаленным от семантического ядра: исходное значение 'весна' в значительной мере затемняется, отходит на второй план и вскрывается лишь при учете только что рассмотренной системы значений. Таковы следующие значения: 'мука из яровых хлебов': *я́рица* (Хакасс.),[24] *ярóшка* (Вят.);[25] 'кушанья из такой муки' — из ячменной муки: *ярýшник* (Арх., Тобол., Волог., Забайк., Сев.-Двин., Енис., Свердл., Перм., Нижне-Тагил., Вят.) или 'пирог из ячменной муки' *ярушник* (Волог., Новг.); 'хлеб, булка из пшеничной муки': *ярýшник* (Арх., Перм., Красноуф.), *ярскóй* хлеб (Твер.); 'хлеб из овсяной муки': *ярýшник* (Вят., Перм.), *ярушный* хлеб (Вят.); 'хлеб из ржаной муки': *ярýшник* (Перм.).

На периферии этой семантики возникают значения, в которых связь с понятием 'весна' и вовсе уже перестает ощущаться: 'продолговатый хлебец, каравай': *ярýшник* (Перм., Волог., Иркут., Якут.); 'пирог, булка': *ярýшник* (Перм., Арх., Волог.); 'шаньга продолговатой формы': *ярушник* (Курган., Тюмен.); 'ватрушка': *ярушник* (Арх.). Все эти значения датируются последними десятилетиями XIX в. и позднее. Только вологодск. *ярушмéн* 'пирог' зафиксировано впервые в 1822 г. (впрочем, возможно допустить, что собиратель, определяя значение, просто опустил «детали»).

К этому кругу отнесем еще следующие значения: 'напитки из муки яровых хлебов': *яровое* пиво, вино (Соболевский); 'шерсть молодых (обычно годовалых) овец': *я́ритинка* (Петерб.), *яря́тина* (Слов. Преображенского, с примеч: «диал.?»), *поя́рка* (Ворон., Пенз., Краснодар., Вят., Новосиб., Алт., Дон., Костром.); 'шерсть с молодых ягнят, овец второй стрижки': *поя́рок* (Новосиб.), *поя́рка* (Том., Краснодар., Новосиб.), *поя́рки* (Новосиб., Ряз.), *подъя́рок* (Онеж., Олон., Арх., Киров., Тобол.), *ярúтина* (Иркут.); 'осенняя стрижка с овцы': *поя́рки* (Тул., Будде). Ср. болг. *я́рина* 'овечья шерсть', 'овечья шерсть повторной осенней стрижки',

[23] Афанасьев А. Поэтические воззрения. . ., т. 2, с. 440.
[24] Ржаная мука.
[25] Овсяная мука.

сербск. *јаре́ница* ‘барашковая шерсть’, *јаретина* ‘козлятина, козья кожа’, и под.

В самое последнее время на основе данной семантики развивается еще одно значение: ‘узорчатые валенки из шерсти молодой овцы’ — *поя́рки* (Том., 1964), где связь с исходным значением предстает уже в весьма опосредованном виде.

На базе рассмотренного нами большого и разветвленного семантического комплекса возникает новый комплекс значений, семантическим ядром которого является значение ‘любовный жар, страсть, похоть’. На этом этапе семантической эволюции появляются значения, связанные уже непосредственно с человеком.

Эта группа с точки зрения наших задач представляет особый интерес, поскольку согласуется с эротическим характером «ярилиных игрищ», отличавшихся «крайне разнузданным характером», как отмечают исследователи,[26] и являвшихся «аллегорическим изображением плодородной силы человека (как символ окончания плодотворного влияния весеннего солнца)».[27] В этом отношении любопытен, например, текст белорусской песни, где Ярило выступает именно как божество плодородия:

Валачывся Ярыло
По усему свету,
Полю жито радзив,
Людзем дзеци пладзив,
А гдзежь јон нагою,
Там жито капою,
А гдзежь јон не зырне,
Там колас зацьвице.[28]

Следует, однако, сразу же отметить, что данный семантический комплекс отнюдь не отличается такой полнотой и целостностью, как предыдущий. Из других славянских языков, пожалуй, лишь украинский и сербский сохранили целые группы слов с подобной семантикой. Назовем, например, сербск. *јарић* ‘жар любви’, *ярість* укр. ‘страстность, пыл, пылкость’, *яркість* ‘мужское семя’, *ярий* ‘полный сил, страстный, пылкий’ («Стар, да яр»), а в говоре Каменской губ. — *яркий* с тем же значением (яркий чоловік, ярка жінка). В Черкасском у. бытовал глагол *ярувати* ‘быть в любовном возбуждении’: А той як коло дівчат яруэ![29]

---

[26] Кашкаров В. М. Очерк истории церкви. . ., с. 31. В. Кашкаров полагает, что в древности к этому времени приурочивались языческие браки («умычки» жен).

[27] Шепинг Д. Опыт о значении рода и рожаницы, с. 31. Ср. также описание «похорон Ярилы» в кн.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии; Фрэзер Д. Золотая ветвь, с. 32—33, и др.

[28] Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, с. 81. Правда, автор выражает сомнения в подлинности этих данных Древлянского.

[29] Ср. в «Энеиде» Котляревского: В се время Юпитер підшивши, з нудьги до жінки підмощавсь. . .: «Мое безсмертие яруэ, роскошных ласк твоіх бажа. . .».

Общенародный русский язык знает лишь охотничий термин *яр* 'возбужденное состояние животного'.[30] Диалекты в этом отношении значительно богаче и дают более разнообразный и интересный материал. Глагольная лексика ограничена здесь значениями:

'испытывать любовное возбуждение': *яри́ться* (Курск., Ряз., Нижегор., Костром., Яросл., Том.), *яровáть* (Орл., Том.): Мотри, жеребец-от как ярует! (Каин. Том., 1913);

'расти, мужать, приходить в зрелый возраст' (о жеребцах): *яре́ть* (Пск.).

Существительные имеют следующие значения: 'похоть': *яри́зна* (Даль, без места); 'внебрачный ребенок': *суя́рок* (Курск., 1959); 'непостоянный человек': *яри́ла*. К сожалению, локальная прикрепленность и год записи этого последнего неизвестны.[31] А. Афанасьев приводит еще одно существительное: *ярýн* 'похотливый человек', но также не указывает географии.[32]

К этому же семантическому комплексу отнесем и значения ряда прилагательных: 'страстный': *яровóй* (Том.); 'похотливый': *яровúтый* (Новг., Смол., Курск.), *я́рый* (Даль, без места); 'питающий пристрастие к кому-, чему-либо': *поя́рый*: Пояр он у нас и до вина, и до жонок (Арх.).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этой группе значений развитие идет, по-видимому, от семантики, связанной с природой, а именно с животным миром, к обозначениям свойств человека. Этот факт заставляет предположить, что данный семантический комплекс есть результат дальнейшего развития значений слов с корнем *яр-*, базой которого является исходный комплекс, концентрирующийся вокруг выражения идеи весны, лета, точнее, тот его «семантический круг», в пределах которого возникают значения 'молодое животное, птица весеннего выводка', 'годовалое животное' и т. д. Не случайно поздние существительные типа олонецк. *яри́ца* 'девочка-подросток, старающаяся казаться взрослой' занимают по существу уже пограничное положение, возникая в точках пересечения двух рассмотренных семантических комплексов.

Следующий круг значений характеризуется неизмеримо большей степенью абстракции по сравнению с предыдущими. Он тоже ведет начало от исходного комплекса значений, но, по-видимому, от начальной его ступени, где значения непосредственно группируются вокруг «ядерного значения» 'весна, лето'. Мы имеем в виду те значения слов с исследуемым корнем, для которых центром, ядром семантики являются понятия 'пыл, жар'. Этот семантический комплекс представляется, пожалуй, наиболее сложным и «разнородным», поскольку эта ступень семантической эволюции

[30] Настольная книга охотника-спортсмена, т. 2. М., 1956.

[31] Словарь областных слов. (Рукопись хранится в Слов. карт. ИРЯЗ, шифр II, 659).

[32] Афанасьев А. Поэтические воззрения. . ., т. 2, с. 441.

характеризуется почти полным переходом от обозначения явлений природы к обозначению мира и свойств человека. Конечно, «семантика первого круга», тяготеющая к семантическому ядру, еще достаточно конкретна и не обладает той оценочностью, которая возникает на следующих ступенях. Таковы значения: ‘пламя, жар’: Как горела деревня, такой был яр на улице, что подступиться невмочь (Костром.). (Ср. сербск. *јара* ‘жар печи’, *јâр* ‘жар, жара’, болг. *ярá* ‘отблеск пожара или огня’, ‘заря’); ‘чистый блестящий’ (лед): *я́рый* (Олон.); ‘кипеть’ (на огне): *яровáть*: Чугун ярует (Ряз.), *ярúться* (Ряз.); ‘проясняться, покрываться звездами’ (о небе): *объярúщиться* (Влад.), *разъярúщиться* (Влад.).[33]

Вероятно, сюда же следует отнести значение ‘громкий, сильный, отчетливый’ (о голосе): *я́ркий*: Он читает не громко, а таково ярко, каждое слово разберешь; Голос у старого петуха ярче, чем у молодого (Ростов. Яросл.); ‘громко, резко’: *ярко* (Яросл., Волог.).

Следующий этап развития данной семантики — обозначение свойств человека, мира человека, его характеристика (на этой ступени пока еще позитивная). Это следующие значения: ‘порывистый, пылкий, нетерпеливый, горячий’, ‘азартный’: *яровóй*, *яровáтый*,[34] *ярóй* и *я́рый* (Олон., Перм.). Ср. др.-русск. *ꙗрыи* по отношению к силам природы («ꙗрыми вѣтры» в Хронике Георгия Амартола по Уваровскому списку) и человеку («Яръ туре Всѣволодѣ» в «Слове о полку Игореве» и т. п.); ‘человек, обладающий такими свойствами’: *ярúла*: Какой же ты ярила, зачем ты так спешишь (Юрьев. Влад.); ‘бойкий человек’: *суя́р* (Свердл.), *я́рга* ‘шалунья, резвушка’ (Ряз.);[35] ‘делать что-л. с жаром, с азартом’, ‘бодриться, хорохориться’: *ная́ривать* (играть на гармонике) (Вят., Арх.), *ярóплéшиться* ‘хорохориться, входить в азарт’ (Яросл.), *ярúться* ‘бодриться, хорохориться, стараться казаться молодым’: Хворой, а все ярится (Пенз.), ‘храбриться’ (Забайк.); ‘быстро, стремительно’, ‘с жаром, азартно’: *я́ро*: Не яро, не яро! (погоняй лошадь) (Арх.); ‘бойкий, быстрый, ретивый’: *яровúтый* (Тамб.); *яровúстый* (Вят.).

Очевидно, на стыке данной группы значений и следующей находятся глаголы со значением: ‘бить, колотить, хлестать’ (обычно лошадь): *ярúть* (Нижегор.), *ная́ривать* (Олон., Волог., Яросл.), ‘ударить’: *переярúчить* (Костром.).

Если в пределах рассмотренного семантического круга были еще допустимы обозначения животного мира, то следующая группа значений почти целиком связана с обозначением свойств человеческой природы, причем обозначения эти, как правило, имеют оценочный и почти всегда негативный характер. Сюда относятся

---

[33] Ср. также сербск. *јâрак* ‘горячий, жаркий’, *јáрити* ‘раздувать, разжигать’, ‘разгорячать’, польск. jarzący ‘ярко светящий, горящий, искрящийся’ и т. п.

[34] Афанасьев А. Поэтические воззрения. . ., т. 2, с. 440.

[35] Ср. также в белорусском эпитет злой, назойливой мухи: *ярýха*.

значения: ‘гневный, злой, вспыльчивый, сердитый’: *я́рый* (Пск., Смол., Влад., Калуж., Арх., Сев.-Двин., Волог., Заонеж., Вят., Перм., Уфим., Краснояр.). Ср. др.-русск. ѣрыи в Пандектах Антиоха (Молитва ярааго, яко кадило мързко), в Сборнике 1076 г. (Съ яръмъ не сварися и не ходи съ нимъ сквозѣ поустыню), в Юрьевском евангелии, Житии Феодосия, в Изборнике 1073 г. и т. д., а также ѣръкыи, ѣрьливыи (Пандекты Антиоха) и ѣростивыи (XVI в.) с тем же значением. В. И. Даль приводит еще название Иконы Спасителя с карающим взглядом: Спас ярое око; ‘жестоко, сердито’: *я́ро* (Пск., Смол., Вят., Орл. Ср. др.-русск. ѣро, XIII в.); ‘назло’: *наярья́н* (Пск.); ‘гневаться, злиться’: *ярѝться* (Влад., Твер., Казан., Сарат. Ср. др.-русск. ѣритися ‘гневаться’, сербск. *јаритисе* с тем же значением; *ярóститься* (Енис.); *ярéститься* (Иркут.: Но, но! Не я́рестись! Ишь налетает, как натапырь!); ‘раздражать’: *ная́ривать* (Арх.); ‘гордиться, заноситься’: *ярѝться* (Арх. Ср. др.-русск. прилагательное ѣрыи ‘заносчивый’ в Житии Федора Студитского, во Временнике Георгия Амартола по Уваровскому списку); ‘злость, злопамятность’: *ярѝзна* (Арх. Ср. общерусск. *ярость*, болг. *ярост* ‘сильный гнев, ожесточение’ и под.); ‘вспыльчивый, горячий человек’: *ярýн* (Волог., Южно-Сиб.).[3]

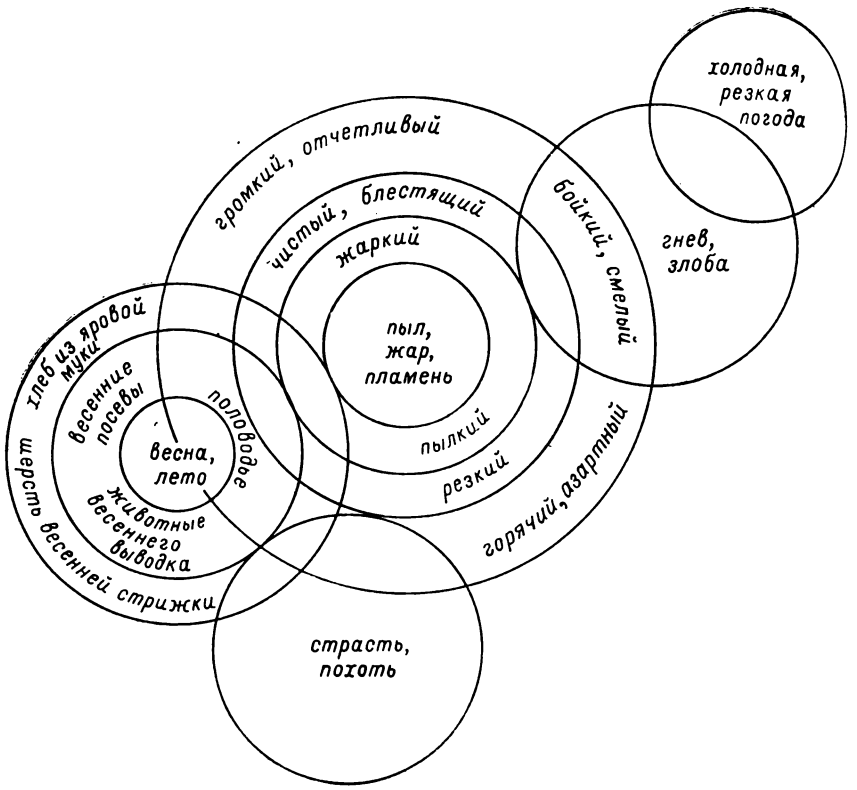
По-видимому, из этого последнего круга значений развился в позднейшее время новый семантический комплекс, содержащий обозначения резкой, холодной зимней погоды (вьюги, пурги и т. п.). Слова с такой семантикой пока сравнительно немногочисленны и не характеризуются той разветвленностью значений, которую мы наблюдали раньше. Возможно, что это лишь начало, первый этап развития нового семантического комплекса, который, как можно было бы предполагать, со временем разовьет новые значения. Сюда следует отнести значения: ‘холодная, колючая, резкая («злая») погода’: *ярѝца*: Ступай, мой дружинушка, не бойся Ни ярицы, ни метелицы, ни зимы (Калуж.), *я́рица*: На улице ярица, На дворе метелица (Самар.); ‘сугроб снега, наметенный высокой стеной’: *суя́рок* (Свердл., 1965), ‘пурга’: *буярáга* (Пск., 1966). Видимо, к той же лексико-семантической группе принадлежит и существительное *ярмега* ‘иней от дыхания, покрывающий одежду у лица’ (Олон., 1896), хотя внешний облик слова заставляет отнестись к нему с особой осторожностью, не игнорируя мысли о возможности заимствования.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов можно с известной степенью достоверности реконструировать ход семантического развития слов с корнем *яр-*, представив его в виде следующей схемы:[37]

---

[36] Ср. также др.-русск. ѣръ ‘гнев’ (Слово Кирилла Туровского).

[37] Предлагаемая схема далеко не во всех деталях совпадает с линейным построением Б. А. Ларина (Л а р и н Б. А. Об архаике. . .).

На основании лексико-семантических данных следует, очевидно, признать неудачной гипотезу, сторонники которой причисляют славянское божество Ярилу к представителям солнечного культа: в языке по крайней мере это не находит необходимого подтверждения. И если к традициям ярилок и ярилиных игрищ примешивались отдельные детали, характерные для солнечного культа, то они, вероятно, являются лишь более поздними наслоениями по отношению к древнему славянскому культу Ярилы, может быть, даже результатом смешения с купальскими обрядами (костры на Ивана Купалу, скатывание с горы огненного колеса как символ солнца и т. п.).[38]

Напротив, лексические данные и весь ход семантического развития слов с корнем *яр-* как будто подтверждают другую версию, согласно которой Ярило принадлежал к божествам воскресающей и умирающей растительности: представляется, что значение этого культа выводится на основании трех древнейших из рас-

[38] См., например, работу Е. Г. Кагарова, в которой ярилины игры прямо отнесены к числу купальских обрядов: К а г а р о в Е. Г. Религия древних славян. М., 1918, с. 52—53.

смотренных нами семантических комплексов. С этим согласуются и этнографические сведения. Дело в том, что ярилины игрища, или ярилки, приурочивались в позднейшее время к тем датам церковного календаря, которые приходятся на весеннее и летнее время, от апреля до конца июня: Всесвятская неделя[39] и Всесвятское воскресенье (в Твери и Костроме),[40] Петровское заговенье,[41] Духов день,[42] Пасха.[43] Как пишет И. Снегирев, в Костроме «Всесвятское заговенье и гулянье до сих пор называется Ярилом».[44] К весенне-летним месяцам относится и описываемое Ф. И. Буслаевым празднество в Костромской губернии, с хороводами в Духов день (июнь), известное там под именем Ярилы. К летним месяцам относит празднования Ярилы и Забелин.[45]

Итак, праздники и гулянья «Ярилина» цикла происходили в период с апреля по июнь месяц. Не случайно после принятия христианства представление о Георгии, Юрии, Егории (покровителе стад) начинает отождествляться с Ярилой: это проявляется и в характере празднеств, и в том, что эти празднества нередко приурочиваются к Юрьеву дню.[46] Если добавить к сказанному, что обычный ритуал Ярилиных игрищ, зафиксированный у русских, белорусов, украинцев, — похороны и оплакивание символа Ярилы — соломенного чучела в мужской (реже — в женской) одежде, то следует признать наиболее вероятной мысль о том, что Ярила у древних славян был, подобно греческому Адонису, божеством умирающей и воскресающей растительности и как следствие этого воспринимался вообще как олицетворение плодородной силы природы (отсюда и эротический характер некоторых обрядов). На сходство культовых игр, посвященных Яриле, с «адониями» указывали Н. С. Арсеньев[47] и Н. Ф. Сумцов.[48]

Совпадение это касается не только времени ритуальных празднеств (весна—лето), но и самого их характера: подобно тому как

[39] Шепинг Д. Опыт о значении рода и рожаницы, с. 31.

[40] Касторский М. Начертание славянской мифологии, с. 151.

[41] Шепинг Д. Опыт о значении рода и рожаницы, с. 31.

[42] «В Калуге место, где происходят народные гульбища на Пасху, до сего времени удерживает свое старое название ярилка» (Кашкаров В. Очерк истории церкви. . ., с. 32).

[43] Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 4. М., 1839, с. 55—56.

[44] Буслаев Ф. И. Народная поэзия, с. 255.

[45] Забелин И. История русской жизни. . ., с. 323. Добавим, что празднования в честь балтского бога Яровита, как свидетельствует Жизнеописание святого Оттона, приходились на апрель.

[46] Эта сторона вопроса очень подробно и убедительно разработана в кн.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974 (гл. 7: Ярила и его соответствия у славян).

[47] Арсеньев Н. С. Плач по умирающем боге. — Этнографическое обозрение. СПб., 1912, № 1—2, с. 17.

[48] Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. См. подробное описание культовых праздников в честь Адониса в кн.: Фрэзер Д. Золотая ветвь, с. 50—62.

происходили в Финикии и Сирии в середине лета «адонии» — празднества с оплакиванием умершего бога и радостные торжества в честь его воскрешения, так и у славян были распространены символические «похороны» Ярилы, происходившие в середине лета, поскольку «особенно уместна жалоба по духе юной весенней растительности в разгар лета, когда растительные силы природы, достигнув апогея, начинают клониться к упадку».[49] В полном соответствии с этими фактами находятся, как кажется, и рассмотренные нами языковые факты.

[49] Арсеньев Н. С, Плач по умирающем боге, с. 17.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова)[1]

Одним из важных вопросов, связанных с изучением диалектной лексики, системных отношений внутри нее, является вопрос о роли общерусских слов в народных говорах. Представляет интерес смысловая структура этих слов, ее особенности по сравнению с литературным языком. Сопоставление в семантическом плане функционирования таких слов в диалектах и в литературном языке обычно вскрывает чрезвычайно разветвленную сеть значений, употреблений слова, а также их дальнейшее развитие в говорах. Богатство и своеобразие семантики в полной мере свойственно в русских диалектах и прилагательному *красный*, о котором пойдет речь в данной статье.

Как известно, лексема *красный* представляет собой одно из древнейших общеславянских наименований. Как полагают этимологи, оно ведет свое происхождение от именной основы — *краса*.[2] Первоначальным значением его было 'красивый, прекрасный'. С этим значением слово *красный* широко использовалось в древнерусском языке.[3] Древнерусскому языку было известно и другое значение — 'приятный, радостный, парадный, почетный, ценный', а при характеристике жилища — 'разукрашенный, нарядный'.[4] Вступая в тесные смысловые контакты с другими словами, прилагательное *красный* входило в терминологические словосочетания типа: *красный двор*, *красные ворота* и т. д. Кроме того, имелись случаи использования этого прилагательного

---

[1] В статье использованы материалы Картотек БАС и СРНГ Института русского языка АН СССР (Ленинград).

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1957.

[3] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893.

[4] Суровцева М. А. Развитие цветового значения слова *красный*. — РЯШ, 1970, № 3; Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975, с. 162—173; Иссерлин Е. М. История слова *красный*. — РЯШ, 1951, № 3.

в древнерусском языке в составе сложных наименований — названий местности.[5]

Таким образом, значения слова *красный* в древнерусском языке группировались в основном вокруг одного смыслового центра — обозначение различных положительных качеств. Как отмечают исследователи,[6] приблизительно с XIV—XVI вв. прилагательное *красный* начинает использоваться в языке для цветообозначения. Это явилось новой ступенью в эволюции семантики этого слова. Постепенно прежние значения его, связанные с положительной характеристикой каких-либо качеств, отходят все более на второй план. Современные словари доминирующим значением прилагательного *красный* указывают цветообозначение — 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра'.[7] Значения 'прекрасный, ясный, парадный, почетный' квалифицируются как «устарелое» и «народно-поэтическое». Таким образом, современный русский язык резко расходится в семантике прилагательного *красный* с древнерусским языком (а также и с современными славянскими языками, в которых сохраняется древнее значение этого слова 'красивый, прекрасный').[8]

Многочисленные диалектные данные показывают, что все ранние семантические возможности прилагательного *красный* находят в русских говорах свою реализацию. Так, например, широко представлено употребление его со значением 'красивый, хороший': Изошел я Волгу-матушку. . . Не нашел я красней города (Симб.); Будет девкам красный лен, Старым бабам конопель (Калуж.); В Борискове церковь красней, церкву (священник) всю в порядок ввел, все блестит; Куры красные (хорошие), а яиц нет (Ряз., Ворон., Костром., Нижегор., Смол., Влад., Яросл., Волог., КАССР, Арх., Олон., Вост. Казах., Якут.). Особенно многообразны модификации этого значения в различных свободных и несвободных сочетаниях. Обычно эти сочетания используются для характеристики каких-либо положительных качеств. Например, *красный день* 'ясный, погожий день' (Самар., Ворон., Пенз., Калуж.): И красный день и суровый — все купаются (Ряз., Новг., Калин., Влад., Яросл., Иркут.). *Красная сторона* 'солнечная, южная сторона улицы; ряд домов, обращенных окнами на юг' (Калуж., Моск., Влад., Ряз., Сарат., Самар., Калин.). *Красные вереи* 'резные столбы в воротах' (Яросл.). *Красная изба* а) 'изба с изразцовой печью, с трубой, с косящатыми (не волоко-

[5] Там же.

[6] Иссерлин Е. М. История слова *красный*; Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке, М., 1975, с. 162—173.

[7] БАС, т. 5, 1956, с. 1596; МАС, т. 2, 1958, с. 160—161.

[8] См.: Носович И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870; Гринченко Б. Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909; Словарь польского языка. Под ред. Яна Карловича. Варшава, 1900—1927; Миклошич Ф. Краткий словарь 6-ти славянских языков. СПб., 1885; Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1889.

выми) окнами' (Яросл.), б) 'светлица' (Арх.). [*Красное окно* а) 'в трехоконной избе — большое среднее окно (часто с косяками и стеклами)' (Казан., Нижегор., Влад., Твер., Яросл., Костром., Волог., Арх., Калуж., Ряз., Тул., Ворон.), б) 'окно вблизи или в переднем углу избы (обычно большое, со стеклами)' (Южно-Сиб., Ряз., Пск.), в) 'окно, выходящее на улицу' (Тул., Калуж., Ворон.), г) 'окно с поднимающейся нижней рамой' (Нижегор.), д) 'окно со стеклом' (Твер., Пск.), е) 'большое окно летнего помещения': В летней избе все окна красные, а зимние почти все маленькие, слуховые (Костром.). *Красный посад* 'солнечная, южная сторона улицы': Дом-от наш на красном посаде стоит, сухо, тепло на красном-то посаде, на другой стороне — это темный посад (Моск.). В сочетании *красный стул* 'почетный стул' имеется некоторое расширение этого значения.

Оценочные значения прилагательного *красный* в говорах многоплановы. Свидетельством этого служит употребление его со значениями: 'счастливый' (Свердл.), 'большой' (Курск.), 'здоровый, сильный' (Арх., Сев.-Двин., Волог., Новосиб., Сиб.), 'славный, известный' (Волог.), 'деятельный, энергичный; способный' (Арх., Помор.).

Необычайно широко прилагательное *красный* образует сочетания чисто терминологического характера. В них не всегда на поверхности «лежит» значение прилагательного. Однако для целого ряда случаев все же можно установить употребление его с более древним оценочным значением 'красивый, хороший, ясный, замечательный' и более поздним — цветообозначением.

В названиях растений в подавляющем большинстве словосочетаний прилагательное *красный* выполняет функцию цветообозначения. Например, *красный дерн* 'растение Thelycrania sanginea Tourr, сем. кизиловых, свидина кроваво-красная' (Терск., Кубан.). *Красный дятельник* 'растение Trifolium pratense L., сем. мотыльковых, клевер красный, посевной, с пурпуровыми цветами' (Арх., Костром.). *Красная ягода* 'земляника, малина, клубника, костяника, брусника, рябина': Само собой, если набрала земляники, малины, клубники, то все знают, что красной ягоды набрала (Ср. Урал, Зап. Брян., Симб., Свердл., Арх.). *Красный воронец* 'растение Actaea spicata L., сем. лютиковых, воронец колосовидный, с красными плодами' (Перм.). *Красный дрок* 'растение Onobrychis sativa Led., сем. мотыльковых, эспарцет песчаный с розовыми цветами' (Екатеринослав.) и мн. др. Следует отметить, что в некоторых названиях растений прилагательное *красный*, обозначая цвет, в то же время является определителем сорта, а также допускает ассоциативные связи со значением 'хороший, ценный, лучший'. Как, например, в сочетании *красная барыня* 'сорт картофеля': Вот красная барыня хорошо родится (Урал.); *красные сливы* 'сорт слив': Мягкие и сладкие, разной величины (Тул., Слов. Акад. 1916). В ряде словосочета-

ний определение *красный* характеризует только лишь сорт данного растения или какие-либо (обычно положительные) его качества. Как, например, *красная пшеница* ‘пшеница, вывезенная из Константинова’ (Влад.), *красные хлеба* ‘озимая пшеница и просо’: У них земля поднимает красные хлеба, а наша и гречи не родит (Орл., Тамб.). В сочетании *красный лес* определение *красный* в одних случаях обозначает цвет — ‘лес, состоящий из деревьев с корою красного цвета’ (Краснояр.), в других — используется для характеристики качества леса — ‘хороший, гладкий, без сучьев’ (Пск.). Такого же характера сочетание представляет собой *красная картовка* ‘сорт картофеля с розовыми клубнями’ (Свердл.).

В некоторых из словосочетаний установить значение прилагательного *красный* затруднительно, но поскольку эти словосочетания обозначают растения, либо отличающиеся красивым внешним видом, либо являющиеся лекарственными, то можно предположить, что определение *красный* имело в них значение ‘красивый’, ‘хороший’ или ‘ценный’. Как, например, *красная акация* ‘растение Cytisus Laburnum L., сем. мотыльковых; золотой дождь’, оно представляет собой дерево до 5 м высотой, с длинночерешковыми тройчатыми листьями, с повислыми кистями лимонно-желтых цветов с серебристопушистыми бобами; *красная девятиха* ‘растение Achillea millefolium L., сем. сложноцветных’, тысячелистник мелкоцветковый, имеющий белые или желтоватые язычковые цветы, является лекарственным растением (Арх., Костром.) и мн. др.

Очень употребительно слово *красный* в составе сочетаний, обозначающих зверей. При этом используется оно в них большей частью как «цветовое прилагательное», обозначающее основной цвет, а также различные оттенки его. *Красная белка* ‘белка с красной полоской на спинке и волосками красноватого оттенка в шерсти’ (Нижегор.). *Красный волк* ‘хищный зверь, похожий на обыкновенного волка, но рыжего цвета’ (Иркут.). *Красная лисица* ‘рыжая лисица’ (Иркут., Сиб., Камч., Олон., Арх.). Наряду с сочетаниями подобного характера имеются и другие, в которых, исходя из контекста, невозможно дать слову *красный* точное толкование. Как, например, *красный зверь* ‘изюбр, сохатый, коза, кабарга’ в отличие от *черного зверя* — ‘медведя’ (Байкал., Вост. Сиб.): Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелетных птиц стрелять (Ворон., Арх.). Однако возможно, что в приведенных примерах прилагательное *красный* имеет значение ‘ценный’.

В словосочетаниях, обозначающих болезни, смысловая нагрузка прилагательного *красный* заключается только в цветообозначении. *Красный цвет* ‘болезнь краснуха’ (Перм.). *Красная рожа*: Болесть такая, тела сдеется кумачная, от красной рожи народ помирал (Новосиб.). Но в обозначениях рыб определение *красный* используется преимущественно для характеристики ка-

честв обозначаемого — ‘ценный, лучший, хороший’ сорт рыбы, хотя и здесь некоторые ассоциативные связи с обозначением цвета имеются. Например, *красная рыба* ‘восточная зубатка’ (Вост. Сиб.), а также ‘линь’ (Нижегор.), или ‘«нерка»’ (Камч.).

Широко употребляется прилагательное *красный* в сочетаниях, обозначающих различные предметы, явления, связанные со свадебным обрядом. *Красные дары* ‘подарки невесте во время помолвки или (чаще) свадьбы’ (Пск.). *Красная красота* ‘расшитая золотом или парчевая лента на голове невесты’ (Волог.). *Красный поезд* ‘свадебный поезд жениха в дом невесты в день брака’ (Яросл.). *Красный стол* ‘обрядовый свадебный стол в день брака или вскоре после венчания’ (Арх., КАССР, Яросл., Костром., Нижегор., Перм., Вят.) и др.

Словосочетаний, являющихся названиями различных предметов, изделий, явлений, в говорах необычайно много. Они относятся к самым разнообразным сторонам быта и жизни людей, а также природы. Например, *красная водка* ‘сорт водки’ (Енис., Вят.), *красная красота* ‘кокошник с бусами и лентами, привязанными сзади’ (Ленингр.), *красная лапша* ‘лапша из муки третьего сорта’ (Калуж.), *красная понева* ‘праздничная с украшениями понева’ (Десна, Ока), *красная ткань* ‘тонкое полотно’ (Арх.), *красное клеймо* ‘сорт муки’: Красное клеймо — совсем черная мука была (Урал.), *красное молоко* ‘топленое молоко’ (Свердл.), *красный картофель* ‘тушеный картофель’ (Свердл.), *красная земля* ‘красноземная почва’ (Гурьев), *красный мед* а) ‘гречишный мед’ (Казан.), б) ‘мед с примесью муки’ (Новг.), *красная крупа* ‘отходы, которые остаются при обработке зерна; мякина’.

Как можно заметить, в перечисленных выше сочетаниях в значениях прилагательного *красный* можно выделить следующие основные: 1) ‘красивый, праздничный’, 2) ‘ценный, хороший’, 3) ‘плохой’ и 4) обозначение цвета. При этом следует отметить, что оценочное значение прилагательного *красный* достаточно устойчиво и сосуществует с цветовым значением на равных правах. Об этом убедительно свидетельствует их постоянная соотнесенность.

В говорах, как и в литературном языке, наблюдается семантическое развитие слова, определяемое историей общественной жизни. В ряде сочетаний *красный* имеет значение ‘связанный с революционной деятельностью’ и, как его дальнейшее развитие, *красный* — ‘советский’. Например, *красный сват* ‘агитатор-коммунист, занимавшийся просветительной работой, а также установлением советской власти на местах’: Человек пять кучкой едут, собрание проводят, какая новая жизнь будет, красные сваты их называли (Новосиб., Сиб.), *красная юрта* ‘клуб, дом культуры’ (Иркут.), *красный поп* ‘атеист-пропагандист’: Красные попы против церкви боролись, они говорили, что бога нет, объясняли все людям, у нас Антонов был красный поп (Моск.).

Следует отметить, что слово *красный* широко употребляется, особенно в устном народном творчестве, в качестве постоянного эпитета: *красный бережок*: Не несут меня, печальной, ножки резвые Уж как на этот крутой красный бережок (Север.), *красное золото* (Онеж., Арх., Печор., Беломор.), *красная смерть* (Костром., Вят., Урал.) и др.

Таким образом, семантические свойства прилагательного *красный* в говорах имеют определенные отличия от литературного языка. В говорах сохраняются и продолжают функционировать, обеспечивая потребности общения, различные ранние значения этого слова. Вместе с тем в них находит свое выражение и другая линия смыслового содержания прилагательного *красный*, получившая в литературном языке господствующее положение. Расширение семантики слова *красный* за счет формальных связей с красным цветом как символом революционной борьбы обогатило, как и в литературном языке, смысловую структуру слова также и в говорах.

Таким образом, следует подчеркнуть, что семантические отличия в говорах у прилагательного из общенародного фонда носят не случайный, а закономерный характер. Они отражают сложную жизнь слова, формирование его значений на разных этапах истории языка.

М. А. ТАРАСОВА

Опыт системного анализа одного синонимического ряда со значением 'лентяй' (На материале псковских говоров)

Настоящая статья является попыткой анализа группы слов с общим значением 'лентяй, бездельник', попыткой исследования проблемы их сосуществования и взаимодействия внутри одной сложной системы говоров в синхронном плане. Этимология и история отдельных слов здесь не рассматриваются, так же как вопрос об источнике диалектной синонимии. Моя задача на примере анализа одного синонимического ряда показать возможность изучения диалектной синонимии с точки зрения взаимоотношений между различными группами псковских говоров, что в свою очередь позволяет представить процессы формирования «обобщенных народно-разговорных типов речи»[1] и шире — национального языка.

С этой точки зрения изучение синонимии в современном диалекте дает богатый материал, а взаимоотношения между словами-синонимами, утрата одних и широкое, повсеместное употребление других может рассматриваться как модель взаимоотношений между языком и речью и в плане собственно лингвистическом, и в плане социальной лингвистики.

Материалом для анализа послужили данные картотеки Псковского областного словаря (ЛГУ, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина), архивные материалы кабинета, а также записи диалектной речи, сделанные автором во время нескольких экспедиций в Псковскую область.

Синонимический ряд составляется из соответствующей лексики всех псковских говоров, которые, следовательно, рассматриваются как сложная, но единая система. Наряду с обычным семантическим и стилистическим анализом особо учитываются сложность этой системы, ее динамичность, различия и взаимосвязи ее частей. Это достигается прежде всего максимально полным учетом всех зафиксированных в картотеке фактов употребления слов рассматриваемого синонимического ряда, что дает возмож-

[1] Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект». — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 353.

ность произвести конкретный анализ территориального распространения и частоты употребления каждого слова. Основой анализа в нашем случае является принятое рядом исследователей членение псковских говоров на четыре группы (подробнее об этом см. ниже).

Лингвисты неоднократно отмечали существование тенденции обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов (например, С. Ульман). Одним из таких многочленных синонимических рядов является ряд слов, обозначающих лентяя, бездельника.

В словарях современного русского литературного языка с этим значением обнаружено 11 слов, все они сопровождаются пометами «разговорное» или «просторечное». Можно заранее предположить, что в диалектной речи этот ряд будет значительно обширнее, чем в литературном языке. И действительно, в псковских говорах нами зафиксировано 44 слова этого ряда в современном живом употреблении. Думается, что количество фиксаций слова в картотеке косвенно отражает частоту его употребления в говоре. Картотека Псковского областного словаря создавалась в течение почти 30 лет, на территории Псковской области обследовано более 800 населенных пунктов, причем многие по нескольку раз. Все районы обследовались равномерно, по одной и той же сетке. Выбиралась не только диалектная, узко местная лексика, но и слова общерусские и литературные. Таким образом, несмотря на некоторую относительность и определенный момент случайности, можно считать данные картотеки достаточно репрезентативными: основную тенденцию, соотношение разных слов она отражает.

Анализируемые слова распадаются на три неравные группы:

а) широкоупотребительные (от 16 до 4 фиксаций);

б) малоупотребительные (2—3 фиксации);

в) единичные (1 фиксация).

Из единичных слов некоторые, вероятно, окказиональны (*бахлю́й*, *забурда́й*, *халдо́н*, *бастил*). Другие, может быть, представляют собой реликтовые явления, слова, которые постепенно вышли из употребления по разным причинам (*була́ня*, *обло́м*, *гультя́й*). Они могут быть обнаружены и в других говорах.

Среди слов малоупотребительных и единичных есть слова, образованные от известных корней по более или менее продуктивным моделям (*блу́да*, *блуди́ша*, *гуля́ка*, *гультя́й*, *не́работь*, *ленюшка*). Часть слов имеет затемненную или совсем неясную внутреннюю форму (*була́ня*, *тетя́га (титя́га?)*, *бастил*, *бахлю́й*, *халдо́н*, *забурда́й*, *обло́м*, *ломи́на*). Два слова записаны хотя и в современном говоре, но в фольклорных контекстах, причем одно, вероятно, в звательной форме:[2] — Ленько́! На́ яйко́! —

[2] Об употреблении звательных форм в роли именительного падежа в белорусском языке (а наше слово записано в Себежском районе) см. в кн.: Карский Е. Ф. Белорусы, т. 2. М., 1956, с. 121—122, 130.

А ти лу́плина? — Нет. — Еш сам (Себ., Припиши); . . . на ка́ждый день два пра́зника: свято́му лы́касу и припадо́бнаму ляньтя́ю (Остр. Тузы).

Эти слова находятся в очень сложных и разнообразных отношениях, обусловленных как семантикой, так и их структурой, их положением и функционированием в системе говора и диалекта, их эмоционально-экспрессивными особенностями, а также экстралингвистическими факторами. Причем, как правило, все эти факторы тесно переплетаются, что заставляет исследователя иметь это в виду при анализе диалектной синонимии.

Все 44 слова обозначают ленивого человека, но в основу названия положены разные признаки, что свойственно любому языку, но особенно характерно для диалекта. В нашем ряду можно выделить несколько групп слов в зависимости от признака, положенного в основу наименования. Например, непроизводная основа многих слов непосредственно выражает понятие ‘лень’: *лентя́й*, *леню́га(-ю́га)*, *лени́на*, *ленёк*, *ленячо́к*, *ле́ня*, *ленько́*. Корни других слов содержат указание на то, что человек бродит, шатается без дела (*блыку́н*, *блу́да*, *блуди́ша*, *блудя́га*, *броде́га*), гуляет (*гуля́ка*, *гультя́й*), болтается без дела (*обо́лтус*, *обо́лтыш*), лежит вместо того, чтобы работать (*ле́жень*, *лежо́ха*, *лежню́га*), занимается пустым, ненужным делом, бессмысленно выполняет какое-нибудь действие (*баклу́жник*, *лоботря́с*, *лежебо́к*, *лы́кас* — от лы́кать ‘бросать (палки, камни)’, *варла́ха* — от варла́ть ‘болтать, говорить вздор’), совсем не работает (*не́работь*, *не́работень*).

Наиболее распространенными и часто употребляющимися являются слова: *ло́дырь*, *огуре́нь*, *лентя́й*, *леню́га* (вариант: *ленюга*). *Ло́дырь* и *лентя́й* — слова общерусские, употребляются и в литературном языке в том же значении:

Рабо́чий чилаве́к — тру́женик, а то лентя́й, ло́дырь (Аш.); Яни́ — ло́дыри, не хотя́ ницево́ де́лать (Гд.).

Дважды это слово записано в составе фразеологизмов: *ко́рчить ло́дыря*, *гоня́ть ло́дыря*.

Слово *огуре́нь* известно только диалектам русского, украинского и белорусского языков в одном из многочисленных древних значений.[3] В современных псковских говорах оно широко употребляется в значении ‘лентяй’: Ня рабо́тает, ямý спать весь день, вот тако́й агуре́нь (Кр.); Забо́тинки в яво́ не́ту, в ме́сиц зде́лае каку́ю дяли́ну, два бу́де гуля́ть, вот уш агуре́нь! (Н.-Рж.); На ле́ннава чилаве́ка — и лянтя́й, и агуре́нь [говорят] (Остр.).

Слово *ленюга* с точки зрения носителя литературного языка содержит значительную экспрессию, выразителем которой является суффикс субъективной оценки. Однако в большинстве имеющихся в нашем распоряжении контекстов невозможно определенно распознать экспрессию бо́льшую, чем при употреблении

[3] См.: Л ь в о в А. С. К истории и этимологии слова *бгурь*. — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. М., 1956, с. 172—178.

слова *лентя́й*. Например: На́да рабо́тать, а то бу́диш лянýгай (Остр.). Он каси́ть тако́й лянýга (Н.-Рж.).

И даже есть высказывание, свидетельствующее о том, что раньше в данном говоре *леню́га* было единственным словом, обозначающим это понятие: Е́сли ма́ла рабо́таит, — лянюга, а ра́ньшэ сло́ва лянтя́й и не́ была (Локн.).

Таким образом, слова *ло́дырь*, *огуре́нь*, *лентя́й* и *ленюга* можно считать центральными в данном синонимическом ряду не только по частоте употребления, территории распространения, но и в семантическом отношении.

Три слова — *безде́льник*, *не́работь* и *не́работень* — выражают основное значение без каких-либо семантических или стилистических оттенков, но они не имеют широкого распространения, записаны по 1—2 раза: Безде́льник — е́та челаве́к, като́рый без де́ла хо́дить (Нев.); Вот е́та наро́ду! Ско́лька не́ръбатяней ф палу́чку стайт! (Локн.); Ма́ляц-та ве́тлый, да не́рабать (Тор.).

Остальные слова отличаются от центральных слов синонимического ряда либо оттенками значения, определяющимися их внутренней формой, либо экспрессивностью. Приведу некоторые примеры употребления синонимов, имеющих оттенки значения 'лентяй': Блыку́н блыка́ицца, тяга́ицца, рабо́тать не хо́че (Печ.); Блускуня́ да пья́ницы рабо́тать не хо́чут (Нев.); У́, как ма́ла у тебя́ нашуга́на, эх, гуля́ка! (Дед.); У́, або́лтыш, абита́яцца ляно́й, пра сибя́ прадýктаф даста́л п! (Остр.); Е́таγа бригади́ра на́да па́лкай γнать, ле́жынь, γультя́й, з-за ниγо у каро́ў малако́ уни́кла (Нев.); Ле́жынь, ляно́й зна́чыт. Ляжы́—ляжы́! Будеш гало́нный сиде́ть! (Дед.); Ты фсё, лежо́ха, сиди́ш, а я сиво́дня карто́шку перево́рывала (В.-Лук.); Титя́га — е́та чялаве́к, кагда́ он ня паспива́ит за рабо́тай, яво́ мо́жна назва́ть и агуре́нь (Кр.).

Слово *абазу́рник* обозначает опустившегося, потерявшего приличный вид человека, а значит, лодыря, с точки зрения трудящегося крестьянина: Дурака́ па пахо́тки и глаза́м узна́е, а лентя́я, абазу́рника — па адёжы: ве́чна на нём ря́сная руба́ха (Н.-Рж.); Не́катарыи бы́ли бе́дныи, а он — абазурник, ни капе́ичьки дамо́й ня принясёт (там же); Нято́дный ён, мужы́к яё, абазу́рник, пьянчужничаить (Вл.).

В слове *булы́ня* значение 'лентяй' производное. Его первичное значение, сохранившееся как устаревшее и в современных псковских говорах, отмечено Опытом 1852, Слов. Даля: 'скупщик скота, льна; прасол'; оттенок — 'барышник, маклак'. Вероятно, этот труд не казался крестьянину таким же тяжелым, сложным, как его собственный, к тому же скупщик постоянно переезжал с места на место; этим словом стали называть и лентяя, слоняющегося без дела: Булы́ня хо́дит, булы́нничаит, без де́ла хо́дит (Вл.); Е́, како́й булы́ня хо́дя, никаво́ ни ва што́ ня ста́вя! (Н.-Рж.).

Эти и подобные им слова, пользуясь принятой терминологией, можно назвать семантическими или идеографическими синонимами.

Все слова данного синонимического ряда обозначают понятие, выражающее отрицательную характеристику человека. Содержится ли в них (или в некоторых из них) какая-либо экспрессия, позволяющая выделить «экспрессивные синонимы»? Вопрос о функциональных стилях в диалекте остается пока дискуссионным, хотя я разделяю точку зрения Л. И. Баранниковой о возможности выделения в диалектной речи трех функционально-стилевых разновидностей: разговорно-бытовая речь, народно-поэтическая и элементы публичной речи.[4] Но поскольку все анализируемые слова записаны в контекстах, которые представляют лишь разговорно-бытовую речь, то в данном случае нельзя говорить о «стилистических» синонимах.

Контексты, в которых зафиксированы слова нашего синонимического ряда, почти все достаточно ярки, выразительны, что свойственно вообще живой народной речи. С точки зрения человека, пользующегося литературным языком, слова *ленýга(-юга)*, *тетя́га*, *блудя́га*, *варла́ха*, *гуля́ка*, *лежо́ха*, *гультя́й* следует отнести к разряду экспрессивно окрашенных синонимов, так как они имеют аффиксы, выражающие эмоциональную окраску слова, экспрессию. Но являются ли они такими и с точки зрения носителя говора? Кажется, что на основании имеющегося материала нельзя сделать такого вывода. Десемантизация суффиксов субъективной оценки в говорах — явление, известное исследователям диалектной лексики и широко распространенное во всех говорах русского языка, в том числе и в псковских.

Слова *бастúл*, *бахлю́й*, *облóм*, *ломúна*, *халдóн* отмечены в псковских говорах как бранные, употребляющиеся в широких пейоративных значениях, в том числе и применительно к лентяю: Сабралúсь и пашлú бастúлы, апущённыи лю́ди, басьтúлы, лóдыри (Вл.); Их бранить и нáда, такúи бахлюй, ляныи (Остр.); Лянýга, аблóм, рабóтать ня хóча, агурéнь (Н.-Рж.); Éзли плахóй чълавéк, ляни́вый, — явó завýт варлáха (Оп.); Халдóн — éта вóльница, ни хóчит рабóтать, тóлька п паéл у вóлю (Локн.); Ламúна, ляно́й чилавéк, катóрый рабóтать ни лю́бит (Вл.).

Как видим, ни одно из этих слов не употребляется в контексте изолированно, а всегда рядом с другими, более употребительными и понятными городскому человеку синонимами, потому что они или узко местные, или «сотворены» говорящим в момент речи.

Слова *облóм*, *ломúна* не обнаружены в нашем значении в других областных словарях. Но весьма показательно, что известный герой романа И. А. Гончарова носит фамилию Обломов, а самой характерной его чертой является лень, ничегонеделание. Вероятно, И. А. Гончарову было известно областное слово *облóм* в значении ‘лентяй’. Впрочем, могло быть и наоборот: слово вошло в говор через литературное просторечие, хотя это менее вероятно.

[4] Баранникова Л. И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи. — В кн.: Вопросы стилистики. Сб. статей. Вып. 2. Саратов, 1965, с. 143.

Среди слов, составляющих рассматриваемый синонимический ряд, есть однозначные и многозначные. Однозначными являются слова: *лентя́й*, *ленюга*, *баклу́жник*, *огуре́нь*, *лени́на*, *ле́ня*, *не́работень*, *не́работь*, *ло́дырь*. Они вступают в синонимические отношения в своих основных, номинативных значениях. У других слов значение ‘лентяй’ является производным, возникшим или в результате переноса значения (*тру́тень*), или в процессе расширения, развития основного значения (*абазу́рник*, *гуля́ка*, *гульта́й*, *тетя́га*, *блу́да* и все остальные слова с этим корнем, *блыку́н*, *ле́жень*).

В словах бранных (типа *халдо́н*, *бахлю́й*, *бастиль*) экспрессия составляет сущность значения, и это позволяет говорящим употреблять их в любом контексте для выражения своего отношения, оценки того или иного явления, действия, качества.

Такова очень краткая общая характеристика элементов, составляющих анализируемый синонимический ряд. Первый вопрос, возникающий при его дальнейшем анализе, — это вопрос о правомерности объединения всех этих слов, различных по употребительности, по ареалу, по характеру значения, в один ряд; это вопрос о системности псковских говоров, о взаимосвязях отдельных групп псковских говоров, о принципах объединения диалектных слов в синонимические ряды.

По нашему мнению, рассмотрение такого синонимического ряда вполне правомерно. Среднерусские псковские говоры сложились достаточно давно (середина XIV—первая половина или середина XVII в.), занимая, правда, меньшую территорию, чем современная псковская область. В течение многих веков границы этой территории изменялись, но изучение лингвистических материалов показывает, что псковская и гдовская группы существуют в пределах западной части среднерусских говоров, обладая комплексом собственно местных черт.[5] В силу ряда исторических причин (особенностей политической, экономической и культурной жизни) на Псковщине сложилась своеобразная лингвистическая картина, вследствие чего псковские говоры издавна привлекали внимание многих русских лингвистов. Многочисленные данные о распространении на территории современной Псковской области различных лингвистических явлений (фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) позволяют выделить от 4 до 6 групп псковских говоров. Вот, например, как можно представить группировку говоров на территории современной Псковской области на основании изоглосс и ареалов отдельных языковых явлений, приведенных в книге «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров».[6] Языковые явления

[5] Русская диалектология. Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 267; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 440—452, и др.

[6] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970, с. 396—415.

(преимущественно фонетические и грамматические), которые выбраны авторами, являются характерными для севернорусского или южнорусского наречий, и их изоглоссы должны, по мнению авторов, определить северную и южную границы среднерусских говоров, а также восточную границу, отделяющую псковские говоры от селигеро-торжковской и ладого-тихвинской групп.

На нашей территории расположены западные среднерусские говоры. Они делятся на окающие (северная, меньшая часть Псковской обл.) и акающие. В этих пределах авторы выделяют две четкие группы говоров — гдовскую и псковскую. Собственно псковскую группу они уже не членят на более мелкие группы, но описание распространения или отсутствия определенных языковых явлений позволяет выделить несколько районов (групп говоров):

а) гдовскую;

б) северо-восточную (остальная территория северной — окающей — подгруппы среднерусских говоров на территории Псковской обл.);

в) западнопсковскую;

г) восточнопсковскую;

д) южнопсковскую, в пределах которой обнаруживаются «юго-западная часть» и «южное пограничье», как их называют авторы работы.[7]

Лексические исследования по псковским говорам позволяют сгруппировать их следующим образом:

1) севернопсковская группа (районы: Гд., Ляд., Стр., Слан., Порх., Пл.);

2) среднепсковская (западная) группа (районы: Кр., Н.-Рж., Оп., Остр., Пушк., Палк., Печ., Пск., Пыт., Славк., Сош.);

3) восточнопсковская группа (районы: Аш., Тор., Локн., Дед., Дн., Беж., Холм.);

4) южнопсковская группа (районы: В.-Лук., Кун., Нев., Н.-Сок., Пореч., Пуст., Себ.).[8]

Таким образом, в целом эти схемы совпадают. Что касается выделения в пределах окающих псковских говоров двух групп — гдовской и северо-восточной, то наши лексические материалы не позволяют этого сделать. Гдовская группа отличается прежде всего своеобразием фонетических и отчасти грамматических явлений, причем некоторые из них отмечены и в псковской группе говоров, даже в самых южных из них. Поэтому в своем анализе я исходила из достаточно четкого деления псковских говоров на четыре основные группы. Выделение большего числа групп, что,

---

[7] Там же, с. 396—401.

[8] См. группировку псковских говоров на основании лексических данных и карту в статье: Лутовинова И. С. Синонимы и лексические параллели в названиях кушаний. (На материале псковских говоров). — В кн.: Псковские говоры. Вып. 2. Псков, 1968, с. 201.

как видим, вполне возможно, в нашем случае практически не требуется и не может оказать принципиального влияния на основные выводы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

районы Псковской обл.

Аш. — Ашевский
Беж. — Бежаницкий
В.-Лук. — Великолукский
Гд. — Гдовский
Дед. — Дедовичский
Дн. — Дновский
Кр. — Красногородский
Кун. — Куньинский
Локн. — Локнянский
Ляд. — Лядский
Нев. — Невельский
Н.-Рж. — Новоржевский
Н.-Сок. — Новосокольнический
Оп. — Опочецкий
Остр. — Островский
Палк. — Палкинский
Печ. — Печорский
Пл. — Плюсский
Пореч. — Пореченский
Порх. — Порховский
Пск. — Псковский
Пуст. — Пустошкинский
Пушк. — Пушкиногорский
Пыт. — Пыталовский
Себ. — Себежский
Славк. — Славковский
Слан. — Сланцевский
Сош. — Сошихинский
Стр. — Стругокрасненский
Тор. — Торопецкий
Холм. — Холмский

Е. А. ЛЕВАШОВ

Диалектные материалы и словарь литературного языка (К ранней семантической истории глагола *подтормозить*)

При филологическом истолковании слов, обозначающих незнакомые или малознакомые современному читателю реалии (предметы, признаки, функции, действия), составитель толкового словаря сталкивается с необходимостью иметь информацию о самих этих реалиях. Он получает ее из дополнительных источников. Применительно к историзмам, этнографизмам, бытовизмам, устаревшим и тому подобным словам, связанным с русским национальным бытом, таким источником могут служить диалектные материалы и словари. Пример тому — разыскания о первоначальном значении глагола *подтормозить*.

В толковых словарях современного русского литературного языка (четырехтомном и семнадцатитомном) глагол *подтормозить* справедливо толкуется как 'слегка затормозить'. Между тем оправдательные примеры, приводимые в БАС (МАС в данном случае их опустил), настораживают своим несовпадением с толкованием. См.: Спуск к реке Белой был так крут, что пришлось подтормозить два колеса (С. Аксаков, Детские годы Багрова-внука); На крутом спуске мы все выходим из экипажей..., между тем как Василий и Яков, подтормозив колеса, с обеих сторон руками поддерживают карету (Л. Толстой, Отрочество). Примеры однотипны по ситуации: чтобы спустить повозку с кручи, колеса подтормаживают. Если исходить из словарных толкований, колеса в этом случае «слегка тормозят»; на практике же колеса в таких случаях затормаживают полностью, что и позволяет повозке медленно спуститься с крутого откоса.[1] На то, что глагол *подтормозить* в определенных ситуациях обозначает не частичное торможение колес, а их полную остановку, прямо указывает следующий литературный пример: Колесо изломалось совсем тотчас, как скоро мы выехали из города. Кусок шины с трех или четырех спиц свалился, и мы ехали на спицах, но, наконец, и

[1] Современный пример: Много времени потратили на спуск с Мельничної горы. В задние колеса пришлось вставить... крепкие слеги, чтобы телеги не разнесло: гора высокая (В. Усольцев, Смородинный чай).

спицы изломались, и извозчик подтормозил колесо так, чтобы оно тащилось на остальной дуге шины (А. Тургенев, 1806).[2]

Первое лексикографическое истолкование производящего слова *тормоз* обнаруживаем в САР: «крюк, прикрепленный к дроге или оселине, которым задевают за обод или колесные спицы, чтобы колесо не вертелося при спуске с горы» и «железная полоса, под санные полозья подколачиваемая». С первым значением существительного *тормоз* в словаре соотносится глагол *затормозить* (толкование: «задеть колесо тормазом»), со вторым (диалектным) — глагол *подтормозить* (толкование: «подбить тормазы под полозья»). Ни в одном толковом словаре не находим того значения глагола *подтормозить*, которое реализуется в вышеприведенных цитатах (*подтормозить колеса*).

Конкретное значение глагола *затормозить* в САР заставляет думать о столь же конкретном наполнении близкого по значению глагола *подтормозить*. Смотрим в словаре Даля: «подтормозить коляску — спустить тормаз, подвести его под колесо» (тормоз: «у повозок — крюк или башмак на цепи, прикованный к дрожине или подоселине: крюк закладывают за спицу, а башмак подводится под обод колеса для удержания повозки при спуске с горы»). Обратимся к диалектным материалам: *подтормозить* — «подвязать веревкою колесо телеги из опасения, чтобы не разбили с горы лошадь» (1854, Нижегор.), «подвязать веревкою колесо телеги при спускании с горы» (1905—1921, Нижегор.).[3] Какие бы ни использовались способы, чтобы оказать тормозящее действие на колеса (крюк, башмак, жердь, веревку и т. п.), ясно одно: речь идет о полной остановке колес, а не их частичном торможении. Только с учетом этого обстоятельства могут быть правильно поняты те ситуации, которые изображены в вышеприведенных литературных цитатах.

Ошибка ССРЛЯ состоит в неразграничении двух значений глагола *подтормозить*, точнее, в том, что за современным значением «потерялось» изначальное значение. И причина ошибки — в смешении объектов действия глагола: ср. *подтормозить колеса* и *подтормозить повозку* (второе, если иметь в виду само действие, относится к первому, как следствие к причине). См. эти словосочетания в литературных цитатах: Подъехав к крутому спуску, извозчик остановил лошадей и слез с козел, чтобы подтормозить колеса (М. Загоскин, Рославлев); Наш рыдван подтормозили постильоны (И. Мятлев, Сенсации и замечания г-жи Курдюковой). Значение глагола *подтормозить* в первой цитате изначально, во второй — производно. Вторичное значение сформировалось в литературном языке к середине XIX в., когда произошел метонимический перенос с части на целое: (подтормозить колеса, подтормозить повозку). Именно оно и является живым современ-

---

[2] Архив братьев Тургеневых, т. 1. СПб., 1911, с. 188.
[3] Картотека СРНГ.

ным значением глагола *подтормозить*, в процессе развития ставшего в определенных контекстах синонимичным глаголу *затормозить*.[4]

Значение слова *подтормозить*, реализуемое в сочетании *подтормозить колеса*, не было и не является диалектным (локальны лишь конкретные способы торможения: веревка, жердь и под.). Но правильно осознать это значение — за недостаточной ясностью литературных примеров, рисующих реалии и обстоятельства неблизкого прошлого, — помогают диалектные материалы (Словарь Даля, записи диалектологов).

Цель данной заметки — не только в реконструировании первичного значения глагола *подтормозить*. Сама по себе эта реконструкция находится в русле задачи, сформулированной В. В. Виноградовым: «Не только при создании исторических словарей того или иного языка, но и при составлении словарей-справочников применительно к ограниченным периодам развития языка необходимы предварительные разыскания по истории значений слов, по их конкретно-исторической семантике».[5]

---

[4] Аналогично шло и развитие глагола *затормозить*: от конкретно-предметного (Задеть колесо тормозом) к обобщенно-следственному (см. в МАС: Остановить или остановиться при помощи тормоза; замедлить ход, движение тормозом).

[5] Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — ВЯ, 1968, № 1, с. 17.

П. И. ПАВЛЕНКО

Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах

Вопросы взаимодействия лексики литературного языка и говоров, относясь к числу важных лексических проблем, привлекают неослабное внимание языковедов. Особый интерес вызывает исследование слов, представляющих собой структурно однотипные образования как в литературном языке, так и в диалектах. В плане выявления именно структурно-словообразовательных особенностей подобных образований неоспоримую ценность представляет категория слов с приставкой *воз-*, сопоставительное изучение которых и предпринимается в настоящей статье.

Приставка *воз-*, старославянская по происхождению, входит в состав приставок, давно утративших свою словообразовательную активность. Поэтому при рассмотрении образований с этой приставкой (как и с другими подобными, например *низ-*, *пред-*, *пре-*) нужно исходить из того, что в них проявляются не столько живые и регулярные словообразовательные связи и отношения, сколько стертые и остаточные явления некогда устойчивых словообразовательных типов. К ним как нельзя лучше приложимы слова Л. В. Щербы: «Одним из. . . основных отделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, — дело словаря, где должна быть дана и делимость слова, если его состав еще ощущается».[1]

Подобная мысль высказана и В. В. Виноградовым: «Анализ непродуктивных словообразовательных типов может вскрыть исторические тенденции в развитии словообразования, но в основном он вращается в сфере лексикологических проблем».[2]

Представляется вполне справедливым мнение некоторых ученых об особом положении в системе глагольных префиксов в со-

[1] Щ е р б а Л. В. Очередные проблемы языкознания. — В кн.: Щ е р б а Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, с. 17.

[2] В и н о г р а д о в В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 135.

временном русском языке приставок *воз-*, *низ-*, *пред-*, *пре-* и других как приставок церковнославянского происхождения.[3]

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что хотя все названные приставки и являются непродуктивными, однако приставочные образования с ними в современном языке неравноценны и в структурном, и в лексико-семантическом отношениях. Так, глаголы с *низ-* малочисленны и семантически однообразны (приставка вносит в глаголы значение движения сверху вниз: *низвергать(-ся)—низвергнуть(-ся)*, *низводить—низвести*, *низлагать—низложить*, *низлетать—низлететь*, *низринуть(-ся)*, *ниспадать—ниспасть*, *ниспровергать—ниспровергнуть*, *ниспосылать(-ся)—ниспослать*, *ниспускать(-ся)—ниспустить(-ся)*, *нисходить—низойти*.)[4] Что касается слов с приставкой *пре-*, то, как пишет М. А. Шелякин, «это не столько словообразовательная категория, сколько семантически разнородная лексическая группа, состоящая из слов с *пре-* в разных, в большинстве случаев только исторически объяснимых, значениях».[5]

В отличие от образований с приставкой *низ-* глаголы с *воз-*, как это будет показано, образуют довольно значительную группу, у которой определяется несколько общих значений.

Об особом положении приставки *воз-* свидетельствует и трудность ее вычленения и толкования в образованиях различного типа. Поэтому в работах, где рассматриваются значения приставки *воз-*, нет единого подхода к их выделению. Так, в «Грамматике русского языка» отмечается, что «в некоторых глаголах приставка *воз-* (*возо-*, *вос-*) уже не выделяется, например: *воскресать*, *восторгаться*, *восхищаться*. В тех случаях, когда эта приставка выделяется ясно, она вносит в глаголы следующие значения: 1) 'движение вверх', например: *возводить*, *возносить*, *воссылать*, *восходить*; 2) 'возникновение, начало действия (обычно, интенсивно проявляемого)', например: *возгореться*, *возликовать*, *возлюбить*, *возмечтать*, *возомнить*, *возрадоваться*, *воспламениться*, *вострепетать*; 3) 'действие, производящее что-либо вновь', например: *возобновить* (занятия), *восстановить* (разрушенное здание)».[6]

В МАС уже выделяются четыре значения приставки *воз-*, два из которых совпадают с выделяемыми «Грамматикой русского языка», это: 1) значение направленности движения, действия вверх и 2) значение совершения действия вновь, а также два других значения: 1) совершения действия, являющегося ответом на что-л., например: *воздать*, *вознаградить* и 2) обозначение интенсивности проявления действия или его исчерпанности, например: *возликовать*, *возлюбить*, *возрадоваться*.

---

[3] См. например: Шелякин М. А. Историко-семантическая структура образований с *пре-*. — Уч. зап. Новосибирск. пед. ин-та, вып. 19. Лингвистический сборник. Новосибирск, 1963.

[4] Приводится исчерпывающий перечень глаголов с *низ-* (*нис-*).

[5] Шелякин М. А. Историко-семантическая структура. . ., с. 6.

[6] Грамматика русского языка, т. 1. М., 1952, с. 581.

«Грамматикой современного русского литературного языка»[7] глаголы с префиксом *воз-* делятся на четыре типа: 1) глаголы со значением ‘поднять(ся) вверх, наверх с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’: *возвести* ‘ведя, поднять наверх’; 2) глаголы со значением ‘вновь совершить действие, названное мотивирующим глаголом’: *воссоединить* ‘соединить вновь’, *воссоздать*; 3) глаголы со значением ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’: *возговорить* ‘начать говорить’, *возгордиться*, *возжечь*, *возликовать*, *возлюбить*, *возмечтать*, *вознегодовать*, *возненавидеть*, *возроптать*, *воссиять*, *воспретить*, *вострубить*, *восхотеть*, *восчувствовать*; 4) глаголы со значением ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’: *воспрепятствовать* ‘совершить действие по глаголу препятствовать’, *возрастить*.

В современном русском языке употребляется около 200 глаголов с префиксом *воз-* (они приводятся в современных словарях). В указанных трудах определяются лишь единичные примеры. И это не случайно, ведь многие из глаголов с приставкой *воз-*, употребительных в русском языке, невозможно отнести к определенному словообразовательному типу, так как и значения приставки, и значения производящих глаголов не обнаруживаются у них отчетливо и ясно. Поэтому можно утверждать, что слова с приставкой *воз-* составляют особую категорию слов, в которой наличествуют и окаменелые, и живые, и неясно проявляющиеся словообразовательные связи и отношения.

При таком подходе выделяются следующие основные значения глаголов с приставкой *воз-*:

1. Значение направленности действия вверх: *возводить—возвести*, *возносить—вознести*, *воздвигать—воздвигнуть*, *воздвигаться—воздвигнуться*, *воспарять—воспарить*, *воздымать—воздыматься*, *воссылать*, *воспрянуть*, *возвышать—возвысить*, *возвышаться—возвыситься*, *возлетать—возлететь*, *восходить*, *воскрылять*, *воздевать—воздеть*.

С точки зрения проявления словообразовательных отношений слова данной группы не являются однородными: только некоторые из префиксальных образований обнаруживают производность и формальную (*возводить* — от *водить*, *возносить* — от *носить*, *возноситься* от *носиться*, *восходить* — от *ходить*, *воспарить* — от *парить*, *возлетать* — от *летать*, *возвыситься* — от *выситься*), и семантическую: все производящие глаголы объединяются общим значением — выражением идеи движения.

Для остальных приставочных глаголов этой группы характерно некоторое смещение производности: *воздымать*, *воздыматься*, *воспрянуть*, *воссылать*, *воскрылять* имеют не свободные, а связанные основы, что в какой-то степени препятствует четкой члени-

[7] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 257.

мости слов [8] и обнаружения их общей семантики (она безусловно улавливается и может быть определена как выражение подъема чего-либо), а глаголы *воздвигать* и *воздевать* (последний употребляется в устойчивом сочетании *воздевать руки*) утрачивают производность, так как не соотносятся в современных значениях с глаголами *двигать* и *девать*. Входивший в эту группу в начале XIX в. глагол *восставать* (в значении 'вставать') в современном языке утратил производность, так как претерпел семантические изменения.

Немаловажным для общей словообразовательной характеристики слов этой группы является и то, что они размещены не на одной стилистической плоскости языка: *воздымать*, *воздыматься*, *восставать* (в значении 'вставать') архаизировались и вышли из общего употребления. Также ограничены в употреблении определенным стилем языка глаголы *воскрылять*, *воссылать* и *воздевать*, так как и теперь имеют ярко выраженный книжный характер, а *возлетать*, *восходить*, *возводить*, *возносить* (два последних в соотносительных с *водить*, *носить* значениях) устаревают и вытесняются из употребления. Это происходит потому, что в словообразовательной системе современного глагола свободно функционирует сильный и развивающийся словообразовательный тип с приставкой *вз-* [9] в указанном общем значении, с которым не могут соперничать глаголы с приставкой *воз-* (ср. *вздымать*, *вздыматься*, *взлетать*, *всходить* и под.).

Вследствие этого рассматриваемое значение приставки *воз-*, несмотря на свою продуктивность и базовость значения в далеком прошлом, в современном языке выражается слабо, нечетко и имеет тенденцию к еще большему затуханию.

К словам указанной группы примыкают приставочные глаголы *возлагать—возложить*, *возлагаться—возложиться*, *возлегать—возлечь*, *возлежать*, *восседать—воссесть*, в которых выражается значение направленности действия на предмет с целью расположения его в пространстве поверх чего-либо. Впрочем, настаивать на таком именно их понимании довольно трудно.

2. Значение совершения действия вновь: *возобновлять—возобновить*, *возобновляться—возобновиться*, *возрождать—возродить*, *возрождаться—возродиться*, *воспроизводить—воспроизвести*, *воспроизводиться—воспроизвестись*, *воссоединять—воссоединить*, *воссоединяться—воссоединиться*, *воссоздавать—воссоздать*, *воссоздаваться—воссоздаться*, *восстанавливать—восстановить*, *восстанавливаться—восстановиться*, *воскресать* и *воскрешать*.

За исключением двух последних глаголов, во всех остальных префиксальных образованиях четко определяется структурно-

[8] О структуре производных слов и типах производящих основ см., например, статьи Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой, Н. А. Крылова, А. Г. Лыкова, Л. Н. Стрелкова и др.

[9] См.: Головин Б. Н. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *вз-*. Очерки по русскому языку, вып. 2. Киров, 1965.

семантическая соотносительность с производящими словами, поэтому данное объединение слов следует охарактеризовать как словообразовательно сильное.

Такое его положение, видимо, можно объяснить тем, что при выражении указанного значения у глаголов с префиксом *воз-* не было конкурентов из словообразовательных типов с другими формантами, хотя на первый взгляд может показаться, что в данном случае существуют точки соприкосновения префиксальных образований с *воз-* с глаголами с приставкой *пере-* в таком их типовом значении: 'повторно, заново совершать действие, названное мотивирующим глаголом'.

Однако в этом словообразовательном типе слов с приставкой *пере-* выражение основного значения — 'совершения действия заново', как правило, совмещается с тем, что оно совершается иначе, по-другому (ср. *переделать*, *перекрасить*, *перегруппировать* и т. п.), в то время как для семантики глаголов с приставкой *воз-* характерно лишь совершение действия вновь. Ср. *воссоздать* — это 'создать таким, как было, а не иначе, по-другому', *воссоединить* — это 'соединить вновь то, что было соединенным и разъединилось'.

Не имея себе подобных, данная группа слов и в современном русском языке является стилистически не ограниченной. Широкой употребительностью и живой вычленимостью структурных элементов эти слова отличаются от всех других групп глаголов с приставкой *воз-*.

3. Значение начала действия обнаруживает довольно большая группа глаголов: *возговорить*, *возроптать*, *возрыдать*, *возреветь*, *возревновать*, *вострепетать*, *восхотеть*, *восчувствовать*, *воспылать*, *возгреметь*, *вострубить*, *воссиять*, *возблистать*, *возжигать—возжечь*, *возгораться—возгореться*, *воспламенять—воспламенить*, *воспламеняться—воспламениться*, *возмечтать*, *возненавидеть*, *возлюбить*, *возликовать*, *возрадоваться*, *возвеселиться*.

Начинательность действия определеннее проявляется у глаголов, общее значение которых относится либо к выражению различного рода звуковых явлений (в том числе речи и внешнего проявления психических переживаний), например: *возговорить*, *возроптать*, *возрыдать*, *возреветь*, *возгреметь*, *вострубить*; либо к обозначению чувственных восприятий: *воссиять*, *возблистать*, *восшуметь*; либо к выражению желаний и намерений: *восхотеть*, *возжелать*, *возмечтать*, *возжаждать*, *вознамериваться*; либо, наконец, к обозначению некоторых физических действий и состояний: *возжигать—возжечь*, *возгораться—возгореться*, *воспламеняться—воспламениться*.

Когда же в глаголах этой группы выражаются психические переживания, то начинательное значение часто бывает осложнено дополнительным оттенком интенсивности действия, ср.: *возликовать*, *возрадоваться*, *вознегодовать*, *возненавидеть*, *возлюбить*, *воспылать*, *вострепетать*, *возвеселиться*.

Для выражения начинательности действия в его различных типах в современном русском языке, как известно, имеются продуктивные словообразовательные средства — приставки *за-*, *по-*, *воз-*. Многочисленные образования с этими приставками (особенно с приставкой *за-*) сосуществуют в русском языке на протяжении длительного времени. Их взаимодействие, их конкурентная борьба естественно приводила к появлению некоторой семантической специализации, к устранению дублетности рассматриваемых категорий слов, к вытеснению из литературного употребления образований с *воз-* как стилистически маркированных, книжных. В каком направлении развивались эти процессы и в какие конкретные формы они вылились, интересовало ученых уже давно, начиная с А. Х. Востокова.

Из последних работ по этим проблемам надо назвать интересные по наблюдениям и богатые по материалам статьи К. А. Тимофеева, Б. Н. Головина, А. Н. Тихонова, Л. П. Демиденко и других исследователей.[10]

Утратив продуктивность и разойдясь с другими префиксами по семантическим связям с производящими основами, приставка *воз-* и при обозначении начала действия стала довольно ограниченной в семантическом и стилистическом отношении: почти все образования с ней в современном русском языке оказались или устарелыми (*возрыдать*, *возгреметь*, *возреветь*, *возревновать*, *восхотеть*, *восчувствовать*, *возжигать*, *возгореться*), или поэтическими словами (*воссиять*, *возблистать*, *воспылать*), или народно-поэтическими словами (*возговорить*, *вострубить*, *восшуметь*). Но было бы неверным не выделять этого значения, определяющегося у целого ряда глаголов в современном русском языке.

Необходимо подчеркнуть, что при выражении данного значения круг приставочных образований неуклонно сужался. Глаголы с приставкой *воз-* в значении начала действия были распространенными в литературном языке еще в начале XIX в. Так, в «Русской грамматике» А. Х. Востокова в «Росписи» (перечне) глаголов приводится довольно много глаголов с префиксом *воз-*, которые затем вышли из употребления (например, *возбодрствовать*, *возгреметь*, *воздремать* и др.).[11]

---

[10] Тимофеев К. А. О функциях глагольной приставки *по-* в русском языке. — В кн.: Вопросы языка и литературы, т. 1, ч. 1. Новосибирск, 1966; Головин Б. Н. Словообразовательные типы глаголов с приставками *за-*. — Уч. зап. Горьковск. ун-та, вып. 68. Сер. лингвист., 1964; Тихонов А. Н. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке. — Тр. Узбекск. ун-та. Нов. сер., вып. 95, 1959; Демиденко Л. П. Семантические связи начинательных приставок в русском языке. — Сб. научн. статей Барнаульск. пед. ин-та, 1964.

[11] Обстоятельный анализ слов этого перечня см.: Ильинская И. С. Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в. (Глаголы с приставкой *воз-* в поэзии Пушкина). — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, с. 167 и сл.

В перечень включаются и однокоренные образования с приставкой *за-*, и если к этому добавить еще и начинательные глаголы только с приставкой *за-* (а их здесь дается более 400), то получается большая по количеству и широкая по употреблению группа слов с начинательным значением. Естественно, что устоять в борьбе с таким конкурентом было не под силу уже тогда немногочисленной и стилистически ограниченной группе слов с приставкой *воз-*, вследствие чего они постепенно и выходили из употребления.[12]

4. Значение ответного действия характерно для небольшой группы глаголов с приставкой *воз-*: *воздавать—воздать*, *вознаграждать—вознаградить*, *восполнять—восполнить*, *возмещать—возместить*, *возблагодарить* (не только 'отблагодарить', но и 'поблагодарить').

5. Значение результативности действия проявляется только у нескольких глаголов: *возрасти*, *восторжествовать*, *воспрепятствовать*, *воспротивиться*, *востребовать*, *воспоследовать*, *возмужать*, *возыметь*.

Как было показано, словообразовательные связи проявляются по-разному в намеченных семантических группах глаголов с приставкой *воз-* в литературном языке. Да и сами эти группы словообразовательно неравноценны: наиболее живой и членимой является группа глаголов со значением совершения действия вновь; у всех других групп приставочных глаголов отношения производности в большей или меньшей степени нарушены, затемнены. И все-таки определяющим для всех слов с приставкой *воз-* является значение направленности действия вверх (естественно, оно видоизменилось и иногда трудноуловимо); как этимологически исходное, основное, оно представляется центром, к которому тяготеют все другие образования с *воз-*.[13]

О словообразовательной неполноценности словесных единиц с приставкой *воз-* свидетельствуют также случаи полной или частичной десемантизации префикса, например в таких словах, как *возвещать*, *возглашать*, *воззреть*, *возражать*, *воспрещать*, *возникать*, *воспитывать*, *востекать*, *восторгать*, *восторгаться*, *восхищать*, *восхищаться*, *восклицать*, *восхвалять*, *воздействовать*,

---

[12] О взаимодействии глаголов с приставкой *воз-*, *за-* и *по-* в XIX в. см. в кн.: Очерки по исторической грамматике русского языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964, с. 53 и сл.

[13] См. об этом: Некрасов Н. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, с. 188 и сл. О развитии пространственных и других значений у приставки *воз-* в древнерусском языке см.: Воробьева И. А. 1) К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке. — Тр. Томск. ун-та, 1960, т. 153; 2) О некоторых особенностях глагольной префиксации в древнерусском языке. — Тр. V зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1969; Барановская В. Г. Глаголы с приставкой *въз* в древнерусском языке XI—XIV вв. — В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.

возделывать, *воздыхать*, *воспринимать*, *возмущать*, *возмущаться* и др.[14]

У большинства таких глаголов приставка уже не осознается как структурно-смысловой элемент слова в связи с утратой соответствующей производящей основы (ср. *возникать*, *возражать*, *восторгаться*, *восхищать*). Вследствие этого указанные глаголы перешли в разряд непроизводных. Такие же глаголы, как *воздействовать*, *возделывать*, *воздерживать*, утратив семантическую соотнесенность с бесприставочными глаголами, также становятся непроизводными. Для других приведенных здесь глаголов, разумеется, можно найти точки сближения с уже рассмотренными типами слов, но они едва уловимы и требуют доводов в пользу того или иного их толкования. Естественно, словообразовательную картину многих из таких образований можно восстановить, но это уже будут словообразовательные отношения прошлого изучаемых слов, а не их настоящего. У этой, довольно большой группы слов произошли значительные структурно-семантические изменения, которые нарушили, деформировали их словообразовательные связи и отношения.

Словообразовательная характеристика образований с префиксом *воз-*, представленная в настоящей статье, позволяет обратить внимание на следующее. На наш взгляд, нет достаточных оснований относить выделяемые общие значения слов с приставкой *воз-* (как и других аналогичных образований) к разряду типовых словообразовательных значений, поскольку они не характеризуются в должной мере формальной и семантической регулярностью — основным, определяющим признаком словообразовательного типа.

По характеру общих значений глаголы с префиксом *воз-* в говорах не имеют различий с литературным языком. Как и в последнем, в говорах у приставочных глаголов определяются и пространственные, и количественно-временные значения; различия касаются конкретных типов реализации этих значений. Это относится в первую очередь к выражению пространственных значений глаголами с префиксом *воз-* в говорах. Рассмотрим их.

1. Значение направленности действия вверх обнаруживает довольно разнообразная группа глаголов. Оно проявляется: а) у глаголов, обозначающих различные действия в пространстве или конкретные физические действия: *вознимать*, *вознять* ‘поднять’ и *возниматься* ‘подниматься’ (Шенк. Арх.); *воздымать* ‘подниматься’ (Том.); *вознять* ‘поднять’ (Ср. Урал); *воздымливать* ‘поднимать’ (Онеж.) и *воздынуть* ‘поднять’ (Примор. Арх.); *восстать* ‘встать’: Ты помри, помри наша мачеха лихая! Ты восстань, восстань, наша мать родная (Нар. песня, Копаневич);

[14] В. В. Виноградов в числе глаголов, представляющих непродуктивные типы видовой корреляции, называл глаголы *возвращать—возвратить*, *воскрешать—воскресить*, а о подобных приставках писал: «Приставки, этимологически присущие некоторым из этих слов, в живом употреблении не ощущаются» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972, с. 400).

воспыля́ться ‘подниматься’ (о пыли) (Тотем. Волог., Печор.); *воспа́рхивать* ‘вспархивать’ (Арх.); *воспорхну́ть* ‘вспорхнуть’ (Устюж. Новг.); *восскака́ть*, *восскочи́ть* ‘вскакивать, вскочить’ (Арх.); *восхажи́вать* ‘всходить, восходить’: Высоко заря восхаживала выше леса, выше темного (Терск., Панкратов); *воскати́ть*, *воскати́ться* ‘взойти, подняться (о солнце)’: Воскатило (воскатилось) красно солнышко (Даль, территория бытования не указывается); *воздедю́ривать* и *воздедю́рить* ‘взгромождать, высоко накладывать что-либо’: Не воздедюривай воз-то, а то может свалиться; Стог сена воздедюрили, он и покосился (Пенз.); *возры́нуть* ‘воспрянуть, выправиться’: После дождя все в полях-то возрынуло (Черепов. Новг.); б) у глаголов с отвлеченным значением: *возно́шать* ‘возносить, восхвалять’ (Сольвыч. Волог.); *возвы́шить* и *возвыши́ть* ‘повысить’: Землю ценой возвы́шили (Новг. Новг.); *возвыши́ть* (Мосал. Калуж.) и *воздуну́ться* ‘подняться’ (о цене) (Осин. Перм.).

В анализируемой категории слов приставка *воз-* имеет то же значение, что и в литературном языке. Значения же приставки *воз-*, о которых речь пойдет ниже, реализуются только в говорах и являются диалектными. Слова с таким значением приставки *воз-* отсутствуют в современном русском языке.

2. Приставка *воз-* обозначает действие, направленное внутрь чего-нибудь и соотносится с префиксом *в-* в литературном языке.[15] С этим значением встречаются лишь единичные примеры: *восходи́ть* ‘входить’: Восходят козы в ворота, а поп и спрашивает: Вы сыты ли, вы пьяны ли? (Ставроп. Самар., Садовников); Восходит к ему в комлать (комнату) (Болд. Нижегор.).

3. Приставка *воз-* обозначает удаление и соотносится с приставкой *от-* в современном языке. Здесь, как и в предыдущем случае, имеется единичный пример употребления слова *воспра́виться* ‘отправиться’ в современных онежских говорах.

4. Значения направленности действия назад, к исходному пункту, приставка *воз-* сообщает довольно ограниченной группе глаголов. Своеобразие данных приставочных образований состоит в том, что значение обратной направленности действия уже заключено в самом бесприставочном глаголе и, таким образом, значение приставки и значение основы в них совпадают. Приставка как бы усиливает идею обратной направленности действия, заложенную в семантике, например, таких глаголов: *возверну́ться* ‘вернуться’ (Терск., Дон., Орл., Курск): Ни кола, ни двора, когда возвернулись домой (Карач. Брян.); Как наши войска суды поступили, мы сразу возвернулись (Пск.); *возверта́ться* ‘возвращаться, вернуться’: Хто в армию пойдет, тыи не возвертаются в колхоз (Пск.); *возворо́титься* ‘воротиться, возвратиться’ (Новг., Симб.,

---

[15] Воробьева И. А. К вопросу о развитии глагольной префиксации. . ., с. 89.

Том.): Поработаешь и возворотишься домой (Пск.); Не знай, когда возворотится (Барнаул.).

Перейдем к рассмотрению приставочных образований, в которых проявляются количественно-временные значения.

1. Значение начала действия обнаруживает довольно большая по объему и разнообразная по значению производящих слов группа приставочных глаголов. Оно определяется: а) у глаголов звучания, как и в литературном языке; это в основном глаголы, обозначающие звуки, издаваемые птицами, животными, крики людей и вообще любые звуковые явления: *воскуковать* ‘закуковать’ (Олон.); *воскаркивать* и *воскаркнуть* ‘закаркать’ (Терск.); *воскуркать* ‘закаркать’ (Енис. Енис., Арх.); *восклюкать* ‘покликать, позвать’ (Смол.); *восплакнуть* ‘заплакать’ (Нижегор., Казан., Ворон., Курск); но в отличие от литературного языка у приставочных глаголов звучания с суффиксом *-ну* (а таких глаголов в наших материалах довольно много) начинательное значение проявляется иногда неотчетливо, выступает в комплексе с другими значениями, например в словах: *возрыкнуть* отмечается не только значение ‘зарычать’, но и ‘рыкнуть’: Не зверинушка из башенки возрыкнула (Киреевский, без обозначения места записи); *воскрякнуть* ‘закрякать и крякнуть’ (Ряз.); *возбрякнуть* ‘забрякать и брякнуть’ (Оренб.); *воскричать* и *воскрикнуть* ‘закричать и кричать’ (Арх., Олон.) (приводятся они в Словаре Даля, но без указания территории распространения); б) у глаголов, выражающих физические действия или состояния: *возболеть* ‘заболеть’ (Шадр. Перм.); *возбушевать* ‘забушевать’ (Курск); *восшататься* ‘зашататься’ (Дорогоб. Смол.); *восколыбаться* ‘заколебаться, закачаться’ (Беломор.); *воздрожать* ‘задрожать’: Воздрожал сильно, его увидел (Пск.); в) у глаголов, выражающих чувства и психические переживания, например: *возгодовать* ‘вознегодовать’ (Онеж.); *возненавидеть* ‘возненавидеть’: Его маменька родная. . . Заимела грех великой, Возненавидела княгиню (Сов. фольклор, 1935); *возлюблять* ‘любить, полюбить’ (Новг., Ворон., Самар.); *возрадаться* ‘возрадоваться’ (Клин. Моск.); *возмолиться* ‘взмолиться’ (Арх., Новг., Костром., Перм., Вят., Волог.); *возгневаться* ‘начать гневаться, разгневаться’ (Тавд. Свердл.); *возгоревать* ‘загоревать’ (Олон.); *воссерчать* ‘рассерчать’ (Онеж.).

Особое место занимают диалектные приставочные глаголы на *-ся*. Они отличаются тем, что значение начала действия совмещено в них с выражением его силы, напряженности. Это значение характерно для глаголов, обозначающих движение и другие физические действия, например: *возлетаться* ‘начать сильно летать’ и *возыскаться* ‘начать усиленно искать’ (Егор. Ряз.); для глаголов звучания, например: *воскричаться* ‘начать сильно кричать’: Галки все они возгаркались, Оны воскричалися (Егор. Ряз.); *восплакаться* ‘начать сильно плакать’ и *возрыдаться* ‘сильно зарыдать’ (Онеж., Сарат., Тул.): Как восплакалась сиза голубочка, Возрыдалася сизокрылая (Терск., Соболевский); *восскрипеться*

'сильно заскрипеть' (Дмитр. Орл.). Это значение проявляется также в глаголах, выражающих аффектное состояние человека, его чувства, например: *воскипеться* 'вскипеть, вспылать' (Онеж.); *вознегодоваться* 'вознегодовать, рассердиться' (Мещов. Калуж.); *воспылаться* 'вспылить, разгневаться' (Петрозав. Олон.); *возгореваться* и *востужиться* 'загоревать, опечалиться' (Дмитр. Орл.).

Таким образом, приставка *воз-*, соединяясь с основами на *-ся*, имеет значение, подобное значению приставки *вз-* и основ на *-ся* в диалектных глаголах, распространенных в тульском говоре и впервые исследованных Ф. П. Филиным.[16]

2. Значение совершения действия вновь обнаруживается лишь у нескольких глаголов: *возно́вить* и *вознови́ть* 'возобновить': Возновить знакомство (Кашир. Твер.); Возновить госьбу нать (Пинеж. Арх., Колым. Якут.); *возновлить* 'обновить': Нечем возновлить-то церкви-то (Коптел., Невьян. Свердл.); *возновляться* 'возобновляться' (Ставроп. Самар.); *возновиться* 'возобновиться' (Колым. Якут.).

3. Значение результативности действия проявляется у весьма обширной и лексически разнообразной группы префиксальных глаголов. Указанные значения определяются: а) у глаголов, выражающих чувство и психические переживания или состояния: *возжалеть* 'пожалеть' (Новг.); *возжалиться* 'сжалиться' (Волог., Калуж.); *возлюбиться* 'полюбиться, понравиться' (Арх.); *воскрыситься* 'окрыситься, разозлиться' (Охан. Перм.); *воссерчать* 'рассерчать' (Онеж.); *возголомениться* 'померещиться' (Сиб.); *воскаяться* 'покаяться, раскаяться' (Мезен. Арх.); *восчунуться* 'раскаяться, исправиться' (Макар. Нижегор.); б) у глаголов, обозначающих воздействие на состояние лица: *возлечать* 'вылечивать' (Хвойнин. Волог.); *возблюдить* 'вырастить, воспитать' (Моск., Ворон.); *возненянчить* 'вынянчить' (Перм.); *воспитывать* и *воспитать* 'кормить, питать', чрезвычайно распространенное в говорах (Олон., Арх., Новг., Пск., Ленингр., Свердл., Перм., Том., Брян., Ряз.); *возлелеять* 'вырастить, воспитать' (Карач. Брян.); в) у глаголов, обозначающих конкретные действия субъекта, занятого какой-либо деятельностью: *воскрасить* 'украсить' (Ставроп. Самар.); *восчистить* 'вычистить' (Енис.); *возделать* 'сделать': Если я своим рукам возделал, то все не так, а покупать дорого (Новорж. Пск.); *воспомогать* 'помогать': Жинка стирала солдатам белье, воспомогала ему (Погар. Брян.); *воскупаться* 'выкупаться, искупаться' (Симб.); г) у глаголов, обозначающих процессы, воспринимаемые органами чувств: *вознюхать* 'понюхать' (Кем. Арх.); *возвидеть* 'увидеть, заметить' (Шигон. Куйб.); д) у глаголов, выражающих конкретные физические действия или действия, связанные с достижением какого-либо состояния предмета: *воспотеть* 'вспотеть' (Пенз.); *возмочить* 'помочить' (Молож. Яросл.);

---

[16] См.: Филин Ф. П. Об одной особенности диалектного словообразования. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956, т. XV.

возлить ‘вылить, излить’ (Царев. Казан.); *возгнуздать* ‘взнуздать’ (Ряз.); *воздохнуться* ‘вздохнуть’ (Олон.); *воскрястеть* ‘созреть’: Не дашь ты ей воскрястеть, надо бы вареница сварить (Трубч. Брянск.); *возмужиться* ‘окрепнуть, стать обеспеченным’: Мне никак не возмужиться, век живешь, все как обиженная (Пск.); *воскреснуться* ‘окрепнуть, стать обеспеченным’ (Брян.); *возродиться* ‘родиться, появиться на свет’: Я, как возродивши, так навечно тут и живу (Красногор. Брян.); е) у глаголов, выражающих отвлеченные действия: *восцелеть* ‘уцелеть, сохраниться’ (Боров. Калуж.); *возгадать* ‘погадать’ (Дон); *воспрощаться* ‘попрощаться’ (Кольск.); *воспроситься* ‘попросить, спросить’ (Орл.); *воздержать* ‘сдержать’: Ты должна воздержать свое слово (Пск.); *воспользовать* ‘использовать’: Межу воспользоваю, пока жива (Брян.).

Сопоставительное изучение слов с приставкой *воз-* в говорах и литературном языке показало, что в рамках изучаемого времени как образование самого фонда этих слов, так и определенной структуры их в говорах в значительной степени определялось особенностями этих слов в литературном языке, поэтому можно утверждать, что в пределах данной категории слов русский литературный язык оказывал существенное воздействие на лексику говоров.

При сопоставлении состава диалектных слов с приставкой *воз-* с соответствующими фактами литературного языка в говорах обнаруживаются два типа слов: слова, корневые морфемы которых имеют общерусское распространение, т. е. являются общенародными, литературными словами, и слова, основы которых известны только диалектам. Промежуточное положение занимают слова, образованные от основ, общих с литературным языком, но имеющих в говорах определенные фономорфологические изменения (и таких слов немало).

Говоры обнаруживают некоторые отличия от литературного языка в выражении пространственных значений приставки *воз-*: в них, кроме обозначения направленности действия вверх, определяются значения направленности действия внутрь чего-нибудь или удаления предмета от чего-либо, правда, последние значения являются пережиточными и определяются в единичных примерах. Небольшой по охвату лексических единиц, но широко употребительной в говорах и в словообразовательном отношении отчетливо членимой является группа глаголов, имеющих значение направленности действия назад. Да и группа глаголов, выражающих направленность действия вверх, является в говорах численно более широкой, а по выраженности значения более четкой. Ср., кроме *воздымать*, *воздыматься*, *вознимать*, *возниматься*, в которых отношения производности затемнены, такие образования: *воспыляться*, *воспархивать*, *восскакать*, *восхаживать*, *восплывать*, *воскатиться* и др. под.

При общем совпадении количественно-временных значений приставки *воз-* в глагольных образованиях говоров и литературного языка наблюдаются различия в характере их реализации.

Хотя семантические разряды основ в группе глаголов с начинательным значением в говорах в общем сходятся с типами основ данной группы глаголов литературного языка, в количественном отношении они значительно превосходят аналогичные литературные образования. Особой активностью в диалектах выделяются глаголы звучания, например такие, как *воскуковать*, *воскаркивать*, *воскрякать* и др. под. Но именно подобные образования в говорах могут расходиться с литературными, ибо часто сочленяются с глаголами совершенного вида с суффиксом *-ну*, ср. *восплакнуть*, *воскхлопнуть*, *возрыкнуть*, *возбрякнуть* и др.

Значительные различия проявляются между диалектными и литературными глаголами при выражении ими исчерпанности или результативности действия. В говорах это значение обнаруживается: а) у глаголов, выражающих чувства и психические переживания (*возжалиться*, *востерпеть*, *воскаяться*); б) у глаголов, обозначающих конкретные действия субъекта, занятого какой-либо деятельностью (*воскрасить*, *восчистить*, *воспомогать*); в) у глаголов, обозначающих процессы, воспринимаемые органами чувств (*вознюхать*, *возвидеть*); г) у глаголов физического действия, связанного с изменением положения предмета или его состояния (*возлить*, *возмочить*, *воспотеть*); д) у глаголов, выражающих отвлеченные действия (*восцелеть*, *возгадать*, *воспрощаться*). Как видно, указанное значение глагольных образований неизмеримо шире, чем в литературном языке, проявляется в говорах, в которых приставка *воз-* присоединяется к основам, обозначающим разнообразные конкретные действия, а не только отвлеченные (как в литературном языке).

Отмеченное обстоятельство, а именно лексическое разнообразие и более широкая численность классов глаголов, реализующих указанное значение, без сомнения свидетельствует о словообразовательной активности данных образований в говорах.

Выявленные различия относятся к структурно-семантическим особенностям, касающимся внутреннего содержания отдельных групп приставочных образований с тем или иным общим значением. Однако дать удовлетворительное объяснение таким особенностям можно лишь при строго словообразовательном подходе к анализу этих групп.

Еще более существенными оказываются различия в характере функционирования и образования самих групп префиксальных глаголов как целого в говорах и литературном языке. Если в последнем наиболее употребительной, структурно прозрачной и морфологически членимой является группа глаголов со значением совершения действия вновь, то в диалектах подобные образования единичны и, можно сказать, не создают определенной категории слов. Наоборот, объединение приставочных глаголов, имеющих значение результативности или завершенности действия, в литературном языке представлено несколькими глаголами с отвлеченной семантикой; в говорах по употребительности, структурно-

морфологической делимости и лексическому разнообразию производящих слов оно занимает одно из первых мест.

Именно тем, что указанное значение занимает ведущее положение в иерархии слообразовательных значений глаголов с приставкой *воз-* в диалектах, последние (диалекты) в наибольшей степени отличаются от современного литературного языка.

Вместе с тем — и на это следует обратить особое внимание — в этом проявляется полное сходство диалектов с древнерусским языком, что лишний раз показывает,[17] какую ценность представляет диалектный материал для истории языка.

При сравнении слов с приставкой *воз-* как определенного типа образований в диалектах и литературном языке, становится очевидным, что в говорах они обладают несравненно более ярко выраженной, чем в литературном языке, структурно-морфологической членимостью и семантическим разнообразием.

Таким образом, и по составу, и по особенностям образования слова с приставкой *воз-* в диалектах проявляют отличия от литературного языка, что свидетельствует о глубоком проникновении их в лексику говоров и довольно заметной самостоятельности развития на диалектной почве.

[17] По наблюдениям В. Г. Барановской, в древнерусском языке «самое распространенное типовое значение глаголов с приставкой *въз-* было значение законченности, результативности действия. Оно представлено многочисленной и неоднородной в лексическом отношении группой глаголов» (Барановская В. Г. Глаголы с приставкой *въз*. . ., с. 135).

И. А. ПОПОВ

Наречия со значением ‘недавно, некоторое время тому назад’ в русских народных говорах

Для выражения значения ‘недавно, некоторое время тому назад’ в русских народных говорах XIX—XX вв. имеется большая группа наречий. Вопрос о путях и времени их формирования является сложным ввиду ограниченности сведений о народной речи в памятниках письменности и неравномерности записей ее на протяжении XIX—XX столетий. Некоторые слова неоднократно и на разных территориях отмечались собирателями, другие фиксировались редко или в единичных случаях. Но, несмотря на неоднородность собранных сведений, они дают хорошее представление о многообразии слов в русских говорах, употреблявшихся для выражения названного значения, о некоторых процессах, которые способствовали появлению этого многообразия.

Одной из причин лексического богатства рассматриваемой группы является то, что истоки ее формирования уходят в далекое прошлое. В памятниках русской письменности встречаются наиболее важные наречия данной лексико-семантической группы, на основе которых возникли многочисленные диалектные варианты и образования. Среди них прежде всего нужно указать наречия *давѣ*, *давеча*, *давече*, а также *оно*, *оногды*, *ономедни*: Давѣ скочил (Пат. Печ., Новг. 29); Глаголють его жива отъ ангела давѣ слышавше (Кир. Тур. 15);[1] Здесь давѣ ‘вчера, давича, недавно’ (Срезневский); . . . говорит: поди-тко, государь, наш батюшко. . . И я сопротив того: Чюдно! давеча был блядин сын, а топерво батюшко! (Авв. Ж., 12, XVII в.); И гетман. . . говорил Арсению: отче Арсение, давече ты говоришь, что государю нелзѣ преступить крестное целование (Ст. сп. Сух., 316, 1651);[2] Оно мнѣ цѣловавше крсь (по др. списку оногды — Пов. вр. л., 1097);[3] Вчера и ономедни (Полик. посл. Пат. Печ. 10).[4]

[1] См.: Мат. Срезневского, т. 1.

[2] Цит. по: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. Л., 1967.

[3] Мат. Срезневского, т. 2 (с пояснением: «недавно»).

[4] Там же (с пояснением: «третьего дня»).

В период формирования русского литературного языка в XVIII в. ядро этой лексико-семантической группы состоит в основном из тех же наречий, хотя количество их зафиксированных вариантов, взятых из народной речи, возросло. Помимо наречия *недавно* употреблялись *даве*, *давя*, особенно широко *давеча*, *давича*, *давиче*, иногда *давичь*, а также *анамедни*, *ономнясь*, *ономеднись*, *намедни*, *оногда*, *оногдас* и нек. др.

В художественной литературе того периода, отражавшей элементы народной речи, диалектные и просторечные наречия нередки. [П а р а м о н:] . . . я было трухнул, как даве она про любовь болтала (Плавильщиков, Бобыль, 1792, с. 85); [С л а б о у м о в:] Жаль, что вы давеча меня не видали (Свадьба г. Промоталова. Рос. феатр, ч. XXVII, 1788, с. 120); Они мне давича навстречу лишь попались (Майков, Елисей, 1771, с. 53); Помнишь ты, девушка, что я давиче тебе говорил (Сумароков, Рогоносец по воображению. Соч., ч. VI, 1787, с. 36); Пред ним давечь и шапки так ты снять не хотел (Интерлюдии, с. 49); Давица меня турбацили, ажно в глазах поцемнело. . . (Матинский. СПб. гост. двор. 1791, с. 112); . . . как давечо твоей я чести досаждал (Попов. Анюта. Досуги, 1, с. 121).[5]

К приведенным примерам следует добавить отмеченные в САР два наречия — *давя*, *давеча* ‘за несколько часов пред сим’ с примечанием: «употр. в просторечии». В Вейсманновом Лекс. 1731 г. наречие *давеча* поставлено в семантическом отношении в один ряд с наречиями *недавно*, *ономедни*. В Вятском областном Словаре 1772 г. встретилось также редкое и малоупотребительное наречие *восет* ‘недавно’.[6] Значение ‘за несколько часов пред этим’ выражалось также «простонародным» *голомя*: «давно, употребляется наипаче для означения прошедших нескольких часов» (САР). В том же словаре приведены еще два «просторечных» наречия — *оногда*, *оногдас*, «ономедни, в недавнем времени». Ср. также *оногда* с несколько неопределенным значением в Лекс. Поликарпова 1704 «некогда» и с значением «в то время, в ту пору» в Вейсманновом Лекс. 1731 г.

Количественный скачок в составе названной группы наречий наблюдается в XIX—XX вв., что можно объяснить скорее усилением сбора сведений в этот период, чем активизацией лексико-словообразовательных процессов в говорах. Диалектные материалы XIX—XX вв. свидетельствуют, очевидно, о результатах постепенной эволюции словарного состава в более ранний период в истории языка, о котором сохранились ограниченные сведения.

Диалектные записи XIX—XX вв. позволяют составить представление и об особенностях семантики слов в пределах названного семантического микрополя.

---

[5] Материалы, относящиеся к характеристике русского языка XVIII в., взяты из Картотеки русского языка XVIII в. (ЛО ИРЯЗ АН СССР).

[6] Живая старина, 1898, с. 449.

Понятие ‘недавно’, важное и распространенное для указания приблизительного времени совершения действия в прошлом, содержащееся в подавляющем большинстве толкований наречий рассматриваемой группы, не принадлежит к числу достаточно определенных и нередко уточняется описательно, тоже не очень определенно: «некоторое время тому назад» и под. Этот промежуток времени, как показывают материалы, может быть минимальным, в пределах одних суток, или распространяться на несколько суток и более в зависимости от субъективной оценки промежутка времени говорящим. Этим, в частности, можно объяснить то, что в собранных для «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» материалах «неясными оказываются также многие ответы на вопрос. . . № 230 (*недавно*, *намедни*, *анадысь*, *ономнясь* и др.)».[7] В программе не учитывались дифференциальные семантические признаки слов данной лексико-семантической группы.

Имеющиеся материалы позволяют выделить следующие дифференциальные признаки (семемы) в зависимости от уточнения общего значения ‘недавно’: 1) ‘недавно (неопределенное время тому назад)’; 2) ‘недавно (несколько минут, часов назад)’; 3) ‘недавно (несколько дней назад)’. По отношению к ряду слов или примеров эти признаки могут быть условны, так как собиратели не всегда уточняли общее значение.

1. Наречия со значением ‘недавно (неопределенное время тому назад)’

Главное место среди них занимают наречия с корнем *дав-*: *даве*, *давече* и др. Для всех них в СРНГ приводится одинаковое основное (часто оно бывает единственным) значение: «некоторое время тому назад, недавно».

Наречие *даве* восходит к праславянской эпохе (ср. ст.-сл. *давѣ*, др.-рус. *давѣ*, укр. *давi* ‘недавно’, слов. dávė ‘сегодня утром’); по происхождению представляет собой форму местного падежа.[8] Известно во многих, по преимуществу в северно- и среднерусских говорах, а также в говорах Сибири. Вят. 1847: Даве я в лес ходила; Даве я тебя звал, не пошел. Вят., Киров.; Де ты даве была, я к тебе приходила. Волог. Сев. Двин., Онеж. КАССР, Арх., Ленингр., Новг., Калин., Моск., Яросл., Влад., Костром., Нижегор., Пенз., Перм., Свердл., Тюмен., Южн. Сиб., Сиб., Новосиб., Том., Забайк., Енис., Хакас., Амур.[9]

---

[7] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, с. 99.

[8] См.: Симонов В. В. К вопросу о лексическом составе и способах образования наречий в русских говорах. (На материале говора Верховинского района Кировской области). — Уч. зап. Кировск. пед. ин-та, вып. 2, 1957.

[9] Из материалов СРНГ (Л., 1972, вып. 7).

Как характерное для народной речи, оно встречается также в фольклоре: Да и даве шол пир да не на весели, Ишше фсе же головушки повесили (Григорьев, Архангельские былины, III, с. 84).

Интересно отметить, что при древности происхождения и довольно широкой распространенности в народной речи оно не вошло в литературный язык. В XIX в. наречие *даве* квалифицировалось как «простонародное» (Словарь 1847; Слов. Акад. 1895). Поэтому писатели нередко включали его в текст произведений как средство выразительной характеристики народной речи. Набежала даве, как оглашенная, ну, да я ее заворотила (Мамин-Сибиряк, Любовь, 29); Новое хозяйство начинает, — сказал дворник. — Она еще даве приходила, да вы спали (Гл. Успенский, Скучная публика, V, 2); — Так точно, страсть грязно, вашбродь. . . Даве кавалерия лошадей поила, так лошади пить не хотят (слова денщика) (Куприн, Ночлег, Избр., 71).[10]

Под влиянием закономерных фонетических изменений в говорах появились варианты *дави* и *давя*. *Дави*: Дмитр. Моск., 1852. Молог. Яросл. Дави я у них была. Муром. Влад., Ставроп., Самар. *Давя*: Тамб., 1850. Орл., Тул., Ряз., Моск., Ворон. Он еще давя пришел с утра и обедать у нас будет. Сарат., Дон., Смол., Пск. (СРНГ). Обоян. Курск., Резанов, 1897.[11] Вариант *давя* встречается в акающе-якающих, преимущественно южнорусских говорах. Он существовал, как свидетельствует САР, уже в XVIII в. и поддерживался в условиях акающе-якающих систем в говорах в XIX—XX вв.

Еще больший интерес в рассматриваемой группе наречий представляет наречие *давеча* с его многочисленными видоизменениями. Оно обращает на себя внимание как широтой территориального распространения (не случайно БАС сопроводил его пометами «в просторечии и обл.»), так и сложностью с точки зрения происхождения. Мнения на этот счет высказываются разные. Обобщая их, этимологический словарь русского языка под ред. Н. М. Шанского писал, что рассматриваемое наречие «представляет др.-рус. образование с помощью суффикса -j- от незафиксированного *daveto. Последнее общеславянского характера. . . возникло в результате сращения наречия dave (ср. *давний*) и указ. мест. ср. р. to. . . Соболевский. . . в окончании *-ча* видит соответствие др.-инд. ca, греч. -τε, лат. -que, но с долгим гласным. Пизани . . . предполагает здесь контаминацию *давѣ* с *вечер*, против чего Трубачев. . .»[12]

Будучи древним по происхождению и испытав на своей структуре влияние фонетических систем разных говоров как в прошлом, так и в настоящем, а также влияние аналогичных образований,

[10] Использованы материалы картотеки БАС.
[11] Использованы материалы картотеки СРНГ.
[12] Этимологический словарь русского языка, т. 1, вып. 5. Под ред. Н. М. Шанского. М., 1973.

это наречие сохранилось в говорах в разных вариантах: *давеча* (*давича*), *давече* (*давиче*, *давяче*), *давечи* (*давичи*), *давечу* (*давячу*, *давычу*). Фонетическими особенностями говоров можно объяснить, в частности, разницу произношения (и написания) гласных в заударном неконечном слоге. Известную роль в увеличении этого многообразия мог сыграть также орфографический разнобой в написании наречий в источниках. Приведем соответствующие материалы из СРНГ и нек. др.:

Да́веча, *да́вича*: Яросл., 1820. Костром., Нижегор., Казан., Сарат., Дон., Курск., Орл., Тамб., Тул. За хлебом поехал давича малый. Брян., Калуж., Моск., Новг. Я был давеча, да бают дома нет, ну и ушел. Волог., Перм. *Да́веча*: Вят., 1847. Киров., Свердл., Урал., Тобол., Сиб. Уж ты давеча пошла дак очунь весела. Печор., Ончуков. Волхв. Ленингр., Твер., Иван., Пенз., Смол., Ворон. (СРНГ). Арх., Подвысоцкий, Прионеж. КАССР. *Да́выча*: Малоарх. Орл., 1852.

Да́вече, *да́виче*: Волог., Урал., 1930. *Да́вече*: Чистоп. Казан., 1852. Яросл., Костром., Влад., Иван., Арх., Уфим., Свердл. *Да́вяче*: Валд. Новг., Добросписцева.

Да́вечи: Вят., 1907. Волог., Перм., Сев.-Двин. *Да́вичи*: Перм., 1852. Спас. Казан., Мещов. Калуж.

Да́вечу: Давечу был в лисях. Олон., 1852. Прионеж. КАССР, Боров. Новг. *Да́вячу*: Петроз. Олон., Федорков (СРНГ).

Так как разница в произношении и написании слов в рассмотренной позиции обусловлена в большинстве случаев фонетическими закономерностями говоров, нет основания считать при лексикографической обработке указанные варианты различительными признаками слов. См. СРНГ.

Фонетические причины могли в ряде случаев влиять и на качество конечного гласного в приведенных словах, обусловливая тот или другой вариант написания их в источнике. Ср. *давече — давечи*. Однако можно привести и другие объяснения появления того или иного варианта на конце слова. Имеются, в частности, два предположения относительно происхождения конечного *е* в наречиях. Согласно одному из них, в основе этого варианта лежит daveto, изменившееся под влиянием суффикса *-j-*.[13]

Согласно другому, «форму *давече* (>*а*) можно с еще большей вероятностью объяснить влиянием наречий *далече*, *высоче*, *глуboче*».[14] Что касается конечного *а* вместо ожидаемого *е*, то оно «объясняется, очевидно, аналогией с также просторечным и антонимичным по значению наречием *топерича*».[15]

Нельзя не признать, что при всей видимой неубедительности объяснения образования по аналогии, ибо произвольно указывается источник влияния, она в области наречий действительно

---

[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.

была распространена широко, так как происходило выравнивание образований в говорах по определенным типам. Так можно объяснить, в частности, одинаковость конечного слога в наречиях *давечу (давячу)*, *давичи*, с одной стороны, и *теперечу*, *теперечи*, *здесячи* — с другой.

Большую роль в пополнении рассматриваемой группы наречий сыграли процессы суффиксации и сращения исходных основ *даве-/давеч-* с частицами, сопровождаемые закономерными или индивидуальными фонетическими изменениями слов. Так возникла группа наречий, в составе которых можно выделить суффиксы субъективной оценки *-ечк-*, *-еньк-*, *-ишк-*.

С суф. *-ечк-* (*-ичк-*, *-ячк-*) отмечены: *давечка (давичка)*, *давечку (давячку)*:

Да́вечка: Раненб. Ряз., 1828. Калуж., Твер., Дон. Давечка мы ходили на реку. Костром. Новг., Пск. (СРНГ). Бабаев. Волог., МДА, 1949.[16] *Давичка*: Кинеш. Костром., Раненб. Ряз., 1852. Мещов. Калуж., Дон. (СРНГ). Пск. — 'незадолго перед этим'. Копаневич, 1914—1918.

Да́вечку, *Да́вячку*: Петроз. Олон., Федорков (СРНГ).

Трудно сказать, произошло ли образование рассмотренных наречий путем присоединения названных суффиксов к корню *дав-* (ср. *немножечко*, *теперечко*, *скоречко*) или они образовались в процессе сращения основы *давеч-* с частицей *-ка*, так как оба пути были возможны.

С суф. *-еньк* образовались наречия *давенько*, *давеньку* (*давяньку*), ср. *быстренько*, *беленько*, *горазненько*, *теперенька*, *тепереньку* и др.:

Да́венько: Арх., 1847. Добыл давенько на одну варю тресочки, да капусты на две вари. Арх. Давенько он был тута. Пск.

Да́веньку: Олон., 1885—1898. Давеньку я ругался. Кем. Арх. Новг. *Давяньку*: Петроз. Олон., Федорков (СРНГ).

С суф. *-ишк-* отмечено наречие *да́вишко* (ср. *теперишко*, *ономнишка*): Рыб. Яросл., Радонежский (СРНГ).

С суф. *-ятк-* — наречие *да́вятку* (ср. *здесятка*, *теперетка*): Слов. обл. слов. Арх. ИРЯЗ (без указ. места) (СРНГ).

Некоторое число диалектных наречий образовалось в результате сращения рассмотренных основ с *-сь* на конце слова: *давечись*, *давечесь*, *давечкась*, *давесь* (*давись*), ср. *зимусь*, *летось*, *лонись*, *седнесь* и др.:

Да́вечись: Охан. Перм., 1854.

Да́вечкась: Пск., Осташк. Твер., 1855.

Да́весь: Даль (без указ. места). Шенк. Арх., Арх. АН (СРНГ). *Давись*: Сланц. Ленингр. (МДА).

Важную роль в пополнении изучаемой группы наречий сыграли фонетические процессы, приведшие к изменению (иногда

[16] Материалы Диалектологического атласа русского языка (ИРЯЗ АН СССР, Москва).

очень сильному) первоначальной структуры ряда рассмотренных наречий. Так, в результате утраты конечных звуков появились *давечь (давичь, давячь, давишь, давяшь)*, *давят (<давятку)*, *давень (<давенько)*:

Да́вечь: Тамб., 1852. Куйбыш. Давечь мы ходили гулять. Костром., Перм., Свердл., Том., Алт., Сиб. (СРНГ). Волх. Ленингр. (Луппова), Черепов. Новг. (Чайкина), Кирил. Новг. ('не особенно давно', Арх. АН, ф. 197, 2, № 145, л. 533). Новг. Новг. (Соловьев), Пошех. Яросл. (Архангельский), Краснояр., д. Нестеровка Бур. АССР (Соколов). *Давичь*: Пск. (Копаневич), Соликам. Перм. (Втор. Доп.). *Да́вячь*: Валд. Новг. *Да́вишь*, *да́вешь* (фонетический вариант с утратой затвора аффрикатой): Тамб., 1852. Давишь со мной сустрелся. Тамб., Тул., Дон. *Давяшь*: Малоарх. Орл., 1928 (СРНГ).

Да́вят: Слов. обл. слов., Арх. ИРЯЗ (без указ. места) (СРНГ).

Да́вень: Пск., Осташк., Твер., 1855. Новг., Ленингр. Давень я была у соседки и видела в радиво парад. Йыгев., Тарт. Эст. ССР. Арх., Сиб. (СРНГ). Так же в фольклоре: Ах ты, молодой Добрыня Никитич, Что же надо мной насмехаешься? Давень тебя звала в полюбовнички. Олон., Гильфердинг. *Да́вянь*: Олон., Федорков (СРНГ).

В результате утраты звуков в середине слова образовались: *давча*, *давче*, *даече*, *дайча*, *дайче*, *даечка*, *дача*, *даче*, *даенько*, *данько*.

Да́вча: Пересл. Влад., 1849. Симб. Давча был у нас гость. Курск., Орл., Тул., Тамб., Ворон., Дон., Терск., Перм., Арх.

Да́вче: Холмог. Арх., Обрян. Курск., 1848. Курск. Да их давча поили, а теперича напой еще хуч. Мещов. Калуж., Тул., Брян., Дон., Павлодар., Том.

Да́ечa: Даеча-то не знали, можно ли приготовить было. Боров. Калуж., 1916. Черепов. Новг. Даеча маленько обробел. Том.

Да́ече: Даече ржет около лавки. Боров. Калуж., 1905—1921. Моск., Моск., Дорогоб. Смол., Черепов. Новг.

Да́йча: Влад., 1854. Яросл. Я дайча спать хотела, а легла — хоть глаз выколи. Пенз. Твер. Том.

Да́йче: Твер., 1897. Перм., Тобол. Дайче я иду, она сидит в оградке. Крив. Том. Боготол. Краснояр.; *дайче*: Каляз: Твер., Чередеев.

Да́йчесь: Покр. Влад., 1905—1921.

Да́ча: Он дача калякал те. Уфим. Оренб., 1842.

Да́че: А я еще даче хотел поливать огурцы. Том., Колп., Том., 1964.

Да́енька: Волог., 1954.

Да́нько: Я данько говорила ей. Устюж. Новг., 1896.

Изменения на конце и в середине слова привели к появлению таких сильно измененных наречий, как *даень*, *дань*.

Да́день: Даень солнышко постояло и спряталось. Новоржев. Пск., 1957.

Да́нь: Я им дань говорила, что покажу пряжу. Новоржев. Пск., 1957.

В результате контаминации *давень* и *давечь* образовалось окказиональное *да́венчь*: Капш. Ленингр., 1933 (СРНГ).

К числу окказиональных также принадлежат *да́ва*, *дава́*: «Чаще употребляется давеча, чем дава». Дмитр. Моск., Орлов., 1904.

Значение ‘недавно (неопределенное время тому назад)’ имеют наречия *давней* (форма сравнительной степени от *давно*), *внедавне*, *внет*.

Давне́й: Йыгев. Тарт. Эст. ССР, 1963.

Внеда́вне: Перм. (?), Даль.

Внет: Он ходил внет за грибами. Черд. Перм., 1852. Перм., Даль (с примеч. «внет или внед?») (СРНГ). Очевидно, *внед*, так как в тех же пермских говорах есть *внедавне*.

Заканчивая рассмотрение этой группы наречий, укажем еще *анось* ‘недавно’ (из *аногдась*): Зарайск. Ряз., Влазнев, 1897 (СРНГ) и *голомя* ‘недавно, давеча’: Го́ломя с поля убрались. Нижнедев. Ворон., Вениамин, Арх. РГО; *голо́мя*: Ворон., 1858; *голомя́*: Вят., 1847. Сарат. (СРНГ). С значением ‘не очень давно’: *голомя́*: Ряз. Ряз., 1892. Саран. Пенз., Алатыр. Симб. (СРНГ).

Первая лексикографическая фиксация слова относится, как отмечалось, к концу XVIII в. (САР).

2. Наречия со значением ‘недавно (несколько минут или часов назад)’

Эта группа наречий тесно связана с предыдущей. В известной степени выделение ее обусловлено более точным определением слов в источниках. Например: «Даве(и)ча, давичи. . . не так давно, голомя, незадолго, но сегодня же» (Даль). «Давеча — за несколько часов». Курск. (Опыт 1852). Однако бо́льшую точность указания значения (ограничение временных рамок) не всегда можно объяснить только удачностью определения. Порой неопределенность пояснения обусловлена была реальным значением слова. Ср. определение Карповым слова *давень*: «За несколько часов или иногда дней перед этим». Пск., Осташк. Твер. (СРНГ).

Названный оттенок значения ‘недавно, несколько минут или часов назад’ выражается некоторыми из тех наречий, что были рассмотрены выше: *даве* (*давя*), *давеча*, *давече*, *давень*, *давеньку*, *даенька*.

Да́ве: Шуйск. Влад. — ‘слова, которые выражают неопределенную давность времени настоящего дня’, (Гарелин, 1854); Яросл. — ‘недавно в пределах того же дня’ (Мельниченко, 1961). Ряз. Ряз. — ‘некоторое время тому назад (в пределах тех же суток)’ (Словарь современного русского народного говора, 1969). *Да́вя*: Зарайск. Ряз. — ‘что-либо сделанное или говоренное сегодня’ (Влазнев, 1897), Втор. Доп. Ряз. Ряз., Словарь современного русского народного говора, 1969. Дубен. Тул. — ‘несколько часов

тому назад (сегодня)' (Филин, 1936—1963). Пенз. — 'несколько часов тому назад' (Колеганов, 1960). Усть-Медв. Дон. — 'несколько минут, часов назад' (Попов, 1911—1912).

Да́веча: Волог. — 'недавно, но сегодня' (Ягодинский, (941).

Да́вече: Шуйск. Влад. — 'слова, которыми выражается неопределенная давность времени настоящего дня' (Гарелин, 1854).

Да́вича: Ряз. Ряз. — 'некоторое время тому назад (в пределах тех же суток' (Словарь современного русского народного говора, 1969). Серов. Свердл. — 'несколько минут или часов назад' (Колеганов, 1961). Судж. Курск. — 'несколько часов тому назад' (Резанов, 1915). Зарайск. Ряз. — 'что-либо сделанное или говоренное сегодня' (Влазнев). Новг. — 'недавно, за несколько минут или часов' (Арх. РГО). Каин. Том. — 'недавно, в пределах сегодняшнего дня' (Молотилов, 1913).

Да́вечь, да́вичь: Новг. — 'недавно, за несколько минут или часов' (Арх. РГО). Каин. Том., Молотилов, 1913.

Да́вень: Пск., Осташк. Твер., Карпов.

Да́енька: Пск. Пск. — 'сегодня' (Копаневич, 1902—1904).

Да́йче: Каин. Том. — 'недавно, в пределах сегодняшнего дня' (Молотилов, 1913).

Да́вичко: Волог. — 'несколько часов тому назад' (МДА, п. 125).

Значение 'несколько часов тому назад' выражается также наречием *гбломя, голомя́* — вост., южн., Даль, Енот. Астрах., 1854. Пенз., Симб., Казан. (СРНГ).

Рассматриваемое значение 'недавно, несколько часов назад' имеет наречие *восей* и ряд производных от него (*восейка, восенько* и др.).

Восе́й: Влад., Симб., Тамб. (Даль, 1-е изд.), Влад., Даль, 3-е изд. (СРНГ).

Морфологическая структура наречия *восей* (*восе*) подсказывает, что оно образовалось из сращения предлога *во* и местоимения *сей* (*се*). Формирование наречного значения сопровождалось процессом семантической эволюции слова. Так, Срезневский отмечает *восе* в значении 'вот': А восе, господине, на тѣ земли даная грамота Иева. . . да жаловалная грамота княже Михаилова Ондреевичя (Прав. гр. Ферап. м. и кр. юж. в. 1485—1505). Перенесение функции указания на временные отношения развило у слова временное значение 'недавно (во се премя)'. Помимо этого, в говорах наречие подверглось значительным преобразованиям в морфологической структуре в силу тех же общих закономерностей, что и наречия с основами *дав-, давеч-*. В кругу этих преобразований значительное место принадлежало суффиксации и сращению с частицами. Так появились *восейка, восейко, восенька, восеньки, восетко, восет, восеть*.

Восе́йко: Влад., Симб., Тамб., Казан., Даль.

Восе́йка: Сарат., Симб., Тамб., Даль.

Вбсенька: Пск., Даль.

Восе́тко: Сарат., Даль.

Восéтто: ‘иногда, недавно, считая часами’ (Яросл., Нижегор.), Даль.

Восéт: ‘иногда, недавно, считая часами’ (Перм., Арх.), Даль.

Восéть: Вят., Даль (СРНГ).

3. Наречия со значением ‘недавно (несколько дней назад)’

Это значение формулируется обычно в источниках следующим образом: ‘недавно, на днях; недавно, с неделю тому назад; в прошлое время, намедни; в прошлое время или вчера’ и т. п.

В ряде случаев это значение выражается наречиями с основами *дав-*, *давеч-*: *давеча (давича)*, *давечка*, *давень*:

Дáвеча, *дáвича*: Опечен. Новг., Шольск. Волог., 1920. *Дáвича*: Оренб., 1849. Давича тут в воробушки были. Все поклевали. Кокчетав. Забайк, Самар., Ряз., Тул., Влад. (СРНГ).

Дáвечка: ‘вчера, третьего дня’. Кинеш. Костром., 1846 (СРНГ). *Дáвичка*: ‘прошлое время, намедни’. Раненб. Ряз., Татаринов, 1828.

Дáвень: ‘за несколько часов или иногда дней перед этим’. Давень он заезжал к нам. Пск., Осташк. Твер., Карпов (СРНГ).

Однако более обычны для выражения рассматриваемого значения наречия с другими основами. Среди них значительное место по количеству производных принадлежит наречиям *восе*, *восей*.

В СРНГ для всех них приводится такое определение: ‘недавно, на днях; некоторое (неопределенное) время тому назад’.

Восé: Сергач. Нижегор., Арх. РГО. Мы восе не отворяли окна. Нижегор., Казан.

Восéй: Влад., 1820. ‘На прошлых днях когда-то’. Влад., Бережков. Тамб., Пенз., Ряз. Восей, как дождичек был, много было (грибов). Нижнегор. ‘Иногда значит когда-то вообще без определенного времени’. Симб., Орлов. ‘Очень растяжимое понятие о времени: значит и вчера и третьего дня и т. д.’. Симб. ‘Прошлое время’. Восей я этто проехал. Самар., Васильев. Куйбыш., Сарат., Новг., Челяб. *Вусéй*: Михайл. Ряз., 1820. Ряз. Вусей ездил в город. Пенз., Сарат., Тамб. (СРНГ).

Для передачи уменьшительно-ласкательного оттенка значений употребляются иногда наречия с суф. *-ичк-*, *-ишк-*, *-еньк-*: *восеичка*, *восеишко*, *восеньки*.

Восéичка: Сарат., 1842—1846. *Вусеичка*: Козл., Тамб., 1849. Тамб., Пенз., Ряз., Сарат.

Восéишко: В Шуе и ее окрестностях говорят, особливо женщины, восеишко. Шуйск. Влад., Яковлев, 1847—1848. Влад.

Восеньки: Пск., Даль (СРНГ).

В результате распространенного в говорах сращения наречий с частицами образовывались *восека*, *восейка*, *восейко*, *восейки*, а также *восет* (<*восе*+*тъ*), иногда со смягчением конечного согласного *восеть*, *восеетка*.

Восéка (вусéка): Самар., 1905—1921.

Восéйка: Оренб., 1930. ‘Давеча, вчера вечером’. Симб., Мотовилов. Костром., Нижегор. ‘Наречие сие простой народ употребляет тогда, когда что-либо происходило прежде, временем с неделю, две или три’. Казан., Фанагорский. Самар., Куйбыш. Сказывали восейка о привозе рыбы, да за эти дни распродали. Сарат. ‘Прошлый раз, несколько дней назад’. Ряз., Сарат., Дурново. Пенз., Тамб., Астрах., Челяб. ‘Прошлый раз’. Белор. Баш. АССР, Чурко. *Восéйко*: Казан., 1847. Влад., Симб., Самар., Сарат., Астрах., Оренб., Челяб. *Вусéйка*: Зарайск., Ряз. Ряз., 1820: Вусейка напился пьяным и валялся в грязи. Пенз., Ворон., Тамб., Сарат., Нижегор., Самар., Свердл., Том.

Восéйки: Симб., 1858. Восейки я был в Шуе. Влад. Влад. Самарская Оренб. (с примеч. «староверы»). Чкал. *Вусейки*: Ряз., Сарат., 1911.

Восéйта: ‘Говорят, когда не могут прямо назначить время’. Восейта как-то на днях-то. Кунгур. Перм. Срезневский.

Вóсет, восéт, восéть, Вят., 1847. *Вóсеть, восéть*: Пинеж., Мезен. Арх., 1885. Арх. *Восéт, восéть*: Оренб., 1852. Перм., Муллов. Восет сколько этта-ка шуму-ту было из-за этого, а теперь опять подняли тоже. Перм. *Восéт*: Казан., 1894. Челяб. *Вóсеть*: ‘Несколько времени тому назад, некогда, когда-то’. Я восеть хотел было идти к тебе, да мне сказали, что ты уехал. Волог., 1902. Сиб. *Восéть*: ‘В Башкильском районе это слово особенно распространено, причем в большинстве случаев оно говорится в качестве ничего не значащего слова’. Уфим., Бирюков. Восеть там пришла в ботах, сухо было. Свердл. Краснояр. *Восет* (уд.?): ‘Третьего дня, позавчера’. Черн. Тул., Зеленецкий.

Восéетко: Шуйск. Влад., 1920—1924 (СРНГ).

В источнике встретилась запись *весед*, где изменение *о* в *е* — результат ассимиляции звуков. Однако *д* на конце слова можно считать орфографической неправильностью вследствие затемненного морфологического состава слова: *весед* — ‘недавно, с неделю тому назад’. Оренб., Лосиевский, 1849 (СРНГ).

От наречия *восет* в результате сращения с частицами *-ка (-ко)*, *-то (-та)* были образованы *восетка, восетко, восетта, восетто*.

Вóсетка: Касим. Ряз., 1852. *Восéтка*: Сарат., 1852. Ряз., Перм., Урал.

Вóсетко: Ряз., Даль. *Восéтко*: Сарат., 1852. Нижегор. *Восетко́*: Оренб., 1854.

Восéтта: Яросл., 1820. Костром., Самар., Симб. ‘Давно-давно (больше трех дней тому назад)’. Казан., Булич; Восетта был на базаре да купил рукавицы. Казан. Нижегор. ‘Говорят, когда прямо не могут назначить время’. Перм., Срезневский. ‘Недавно, с неделю тому назад’. Оренб., Лосиевский. Уфим., Свердл., Урал., Том. *Вусéтта*: Нижегор., Средневский. Перм., Челяб.

Восéтто: Уфим., Оренб., Симб., 1852. Яросл., Нижегор., Костром., Вят. *Восéтьто*: Свердл., 1964 (СРНГ).

По образцу наречий *откудова*, *оттудова*, а также *летось*, *зимусь* образовались *восеттова*, *восеттось (восеттась, восеттысь)*:

Восе́ттова: Кунгур. Перм., Срезневский.

Восе́ттось: 'Означает прошедшее время'. Чебокс. Казан., Срезневский. *Восе́ттась*: 'Выражение прошедшего неопределенного времени'. Казан. Казан., Мелановский. Златоуст. Уфим., 1936. *Восеттысь*: 'Некоторое время тому назад. Более месяца'. Космодемьян. Ядрин. Казан., 1852 (СРНГ).

Можно усомниться в правильности записи в источнике слова *восейна*, так как оно, выпадая из общей системы образования диалектных наречий с данным корнем, не подтверждается другими записями. Скорее его следует читать *восейка*. Арзам. Нижегор., 1852 (СРНГ). Тем более что наречие *восейка* в нижегородских говорах было отмечено (см. выше).

Иного происхождения группа диалектных наречий *вотэтто*, *вотэтось (вотетось)*, имеющих то же значение: 'недавно, на днях, некоторое время тому назад' (СРНГ).

Вотэ́тто: Вотэтто приходил. Барнаул. Том., 1929—1935.

Вотэ́тось: Пенз., 1960. Вотэтось за лесом град прошел, — так полосой просо и выхмыстал. Петров. Сарат. *Вотетось*: Вотетось баушка в сельсовет бегала. Пенз., 1960 (СРНГ).

Они образовались в результате сращения указательной частицы *вот* с наречием *этто* 'недавно' и с последующим сращением с *-сь* на конце слова.

В наречии *вотэти*: Вотэти ходил на базар, и чего там только нет. Пенз., 1960 (СРНГ) обнаруживается сращение указательной частицы *вот* и местоимения *эти*. Можно допустить, учитывая семантику слова, что оно представляет собой измененное *вотэтто*.

Спорадически встречаются в необычном для них значении 'недавно, на днях' наречия *лони*, *лонясь*, *лонися*: «Онолды, ономня, ономнясь, лони, лонись и пр. Все эти слова означают одно и то же — на этих днях» (Ветл. Горьк., Марков, 1939). «. . . все оне означают недавно, прошедшее время и употреблены тогда, как нам нужно сказать что-нибудь о времени дел или действий своих или чужих, сбывшихся вчера, третьего дня, на днях» (М. Н. Макаров. Кр. сл. нар. реч., 1844).

Однако самой распространенной и употребительной в говорах для выражения рассматриваемого значения является большая группа разнообразных по структуре наречий, соотносительных по происхождению с местоимениями *оный* (*онъ*), *кой*. Здесь прежде всего следует назвать обширный ряд образований от древнерусского словосочетания *ономь дни*: *ономедни*, *ономедне*, *ономедь*, *онамедь*, *ономядь*, *онеметь*, *аномедь*, *ономни*, *ономня*, *ононя*, *ономедня*, *онамеднись*, *ономесь*, *онамесь*, *аномись*, *онбмясь (ономя́сь)*, *анамесь*, *онамедни*, *ономеднись*, *ономеднясь (ономенясь)*, *онамеднись*, *ономяднись*, *онамеднясь*, *онамеднесь*, *ономнись*, *онбмнясь (ономня́сь)*, *онемнясь*, *онбмнесь (ономне́сь)*, *ономеднися*, *ономнися*,

ономняся, *ономедня*, *ономня*, *ономняся*, *ономядни*, *ономнеча*, *ономнишка*, *намедни*, *номедь*, *намеднись*, *намеднях*, *намедних*, *намядех*, а также аналогичных *оломедни*, *оломеднися*, *оломень*, *иномедни* и образованных от словосочетания *оного дня — оновня*,[17] *оноводня́* — Яросл., Соколов, 1868, *онагбдни* — Курск., Опыт 1852, Машкин, 1859.

Большой ряд производных связан также с наречиями *онагда*, *оногды*, *онолда*, *онолды*, *оновды*, которые собирателями и в лексикографических источниках поясняются обычно: 'недавно, на днях, несколько дней назад'. По происхождению они представляют собой слияние местоимения *онъ* с суффиксами *-гда*, *-гды*, *-лда*, *-лды*, *-вды*, а также *-да*, *-ды*.[18]

Истоки формирования рассматриваемой группы восходят к глубокой древности, о чем свидетельствует не только употребление *онагда* в древнерусской письменности (см. выше), но и ряд славянских параллелей: укр. *онагда*, *онагди*, белор. *онагда*, *онагдась*, чешск. onehdy, onady, польск. onegdy 'недавно', onegdaj 'третьего дня'. Наибольшего развития эта группа достигает в русских говорах XIX—начала XX в.

Ареалы приведенных выше слов (*онагда*, *онагды* и др.), явившихся источником для длинной цепи структурно-словообразовательных и фонетических преобразований, не имеют сплошного массива, а представляют собой более или менее обширные вкрапления на разных территориях. Приведем необходимые материалы.

Онагда́: Тихв. Новг., Опыт 1852. Черепов. Новг., Еремин. Онагда видал племянника на станции. Белояр. Свердл., Голубых. Тунк. Иркутск., Виноградов. *Онбгда*: Холмог. Арх., Грандилевский, Шадр. Перм., Ночвин. Об этом деле онагда говорили. Черепов. Новг., Герасимов, Еремин. Сузун. Новосиб., Федоров. *Онагда*: Свердл., Пашковский. Пск., Гомонов. *Онагда* (уд.?): Ялутор. Тобол., Абрамов. Ишим. Тобол., ИРЯЗ, № 16—65. Сиб., Селищев.

Онагды́: Ирбит. Перм., Опыт 1852. Прионеж., Шайжин. Иркут., Бобряков. Анагды, Алт., Вербицкий. *Онбгды*: Сиб., Королев, 1968 (с примеч.: «редко»). Я анагды хадила, так харашо набрала. Иркут., Бирюков.

Онблда: Свердл., Перм., Миртов. *Онолда́*: Верхот. Перм., Доп. Оп. 1858.

Онблды: Это было онолды. Ветл. Костром., Марков. Перм., Луканин, Серебренников, Втор. Доп., Миртов. Свердл., Миртов. *Онолды́*: Ирбит. Перм., Опыт 1852. *Анолды* (уд.?): Шадр. Перм., Зырянов. *Онолды* (уд.?): Тобол., Маляревский, Сиб., Селищев.

---

[17] Об этих наречиях см.: Попов И. А. Сложные наречия в говорах русского языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 161—170.

[18] Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 3. М., 1971; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959.

Онóвда: Свердл., Пашковский. *Онóвдá*: Волог., Никол., Вельск., Великоуст., Сольвыч. Волог., Дилакторский.

Анады́ (*онады́*): Обоян. Курск., Доп. Оп. 1858. Курск., Машкин, Резанов, Кардашевский. Орл., Кардашевский, Ряз., Сарат., Дурново, Чернояр. Астрах., Солосин, Ворон., Доп. Оп. 1858, Попов.

Несравненно большее территориальное распространение в говорах имеют образовавшиеся на базе рассмотренных основ наречия с сращением *-сь*, *-ся*, *-се* на конце слова: *онóгдась*, *онóдысь*, *онóлдась* и ряд других. Ввиду исключительного богатства сведений они приводятся в обобщенном виде.

Онóгдáсь (*онáгдась*, *анáгдась*): Твер., Тр. люб. рос. сл., 1820. Арх., Шренк., Плечев, Томилов, Попов, Новг. Новг., Втор. Доп., Луж. Петерб., Вильер-де-Лиль-Адам, Ленингр., Луппова, Попов, Олон., Куликовский, Онеж. КАССР, Калинин, Волог., Дилакторский, Пошех. Яросл., Архангельский, Калин., Опыт сл. калин. гов., Мещов. Калуж., Косогоров, Курск., Шаховской, Робуш, Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв., Йыгев., Тарт. Эст. ССР, Слов. гов. Прибалт., Сиб., Селишев, Южн. Сиб., Гуляев. *Онóгдась*: Шенк. Арх., Борисов, Арх., Богданов, Грандилевский, Шренк, Олон., Куликовский, Медвежьегор. КАССР, Попов, Йонав. Лит. ССР, Немченко, Яросл., Архангельский, Мельниченко, Тюмен. Тобол., Миртов, на верхн. Лене, Власенко. *Онóгдась* (уд.?): Олон., Губ. вед., 1846. Боров. Новг., Синозерский, Пошех. Яросл., Яблоков, Сарат., Леопольдов, Челяб., Оренб., Н. Ш., Том., Андреев, Енис. Енис., Пахомов.

Онóгдя́сь: Олон., Опыт 1852. Яросл., Мельниченко. Онóгдясь тое время пройдет несколько дён. Подпор. Ленингр., Попов. Калин. Опыт сл. калин. гов. *Онóгдя́с*. Подпор. Ленингр., Попов.

Онóгды́сь (*онáгды́сь*, *анáгды́сь*): Оренб., Лосиевский, 1849, Втор. Доп. Онóгдысь я ходила погадать на маму. Волог., Архангельский, Дилакторский, Петрова. Арх., Подвысоцкий, Федоров, Меркурьев. Волх. Ленингр., Луппова, Пск., Оп. 1852, Копаневич, Втор. Доп., Ржев. Твер., Гринкова, Прейл. Латв. ССР, Йонав. Лит. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР, Сл. р. ст. гов. Прибалт., Белев. Тул., Рождественский, Мещов. Калуж., Косогоров, Черд. Перм., Миртов, Южн. Сиб., Гуляев, Сиб., Селищев, Кемер., Сл. ст. гов. б. р. Оби., Иркут., Соколов, Якут., Маак. *Онбгдысь* (*анбгдысь*): Арх., Грандилевский, 1907, Томилов, Пирогова, Матвеев, Федоров, Ягодинский, Сев.-Двин., Романов., Осташк. Калин., Копорский, Прейл. Латв. ССР, Йонав. Лит. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР, Сл. р. ст. гов. Прибалт. Лун. Пенз., Пашковский, Сиб., Королев, Каин. Том., Молотилов., Иркут., Бобряков, Бур. АССР, Колым. Якут., Богораз. *Онóгдысь* (уд.?): Олон., Куликовский, Светлов, Великол. Пск., Левицкий, Тобол., Лисицын, Маляревский, Шадр. Перм., Ночвин., Миртов.

Онóгди́сь: Тобол., Патканов, Зобнин, 1899.

Онóгды́ся: Оногдыся взял два тилограмма. Верхне-Тотем. Арх., Матвеев, 1963—1965.

Онóгды́се: Холмог. Арх., Грандилевский, 1907.

Онóлда́сь: Перм., Луканин, 1856. *Онóлдась*: Перм., Луканин, 1856, Миртов. *Онолдась* (удар.?): Онолдась я-то заходил к вам. Волог., Протопопов.

Онóлды́сь: Оренб., Опыт 1852, Соликам., Черд. Перм., Миртов.

Онóлдысь: Усол. Перм., Опыт 1852. Уфим. Перм., Высотский.

Онолдысь'(уд.?): Оренб., Попов, 1847. Сиб., Селищев.

Онóлды́ся: Верхот. Перм., Опыт 1852.

Онóлда́ся, онóлдася: Перм. (?), Муллов.

Онóлды́ся, онóлдыся: Перм. (?), Муллов.

Оновда́сь: Волог., Иваницкий, Шустиков, Шайжин, Дилакторский.

Онóвдась: Волог., Пономаревский, Дилакторский. *Óновдась*: Свердл., Пашковский. *Оновдась* (удар.?): Верхот. Перм., Гельгард.

Оновды́сь: Никол. Волог., Глубоковский, 1901. Вохом. Волог. — 'в тот раз' — Герасимова, 1939. *Онóвдысь*: 'вчера'. Оновдысь така гроза была, ижно страшно было. Читин., Забайк., Соколов.

Онóвдесь: Оновдесь в город ездил. Серов. Свердл., Колеганов, 1961.

Онодась: (уд.?): Пошех., Молог., Яросл., Архангельский, 1849.

Онóды́сь (*анады́сь*): Малоарх. Орл., Опыт 1852. Орл., Вуколов, Голанов, Кардашевский. Курск., Дмитрюков, Кузнецова, Кудрявцев, Кардашевский, Вербицкий, Павленков, Резанов, Сергеев, Халанский, Ильинский. Калуж., Даниловский, Косогоров, Никольский, Втор. Доп., Ворон., Доп. Оп. 1858, Волков, Поликарпов, Прохопов, Тростянский. Дон., Миртов. Ряз., Городцов, Иерусалимский, Тул., Соколов, Рождественский. Брян., Федоров. Лебед. Тамб., Попов, Волков, Афремов. Никол. Самар., Островцев. Куйбыш., Малаховский, Кузнецова. Сарат. 'позавчера' — Зайковская. Кубан., Водарский. Терск., Караулов. Роман. Рост., Рожкова. Пенз., Зимин., 'в прошлый раз, вчера' — Иссерлин. Черд. Перм., Миртов. Урал., Миртов, Малеча. Иссык-Кульск. Кирг. ССР, Зимовнова, Хоролец. Сузун. Новосиб., Федоров. Забайк., Вейнбаум, Том., Рамзевич, Амур., Карпов, Колым. Якут., Богораз.

Анады́ся: Задон. Ворон., Тростянский, 1914, Милов, Нилов.

Анади́ся: Пестрав. Куйбыш., Кузнецова, 1952.

На базе рассматриваемых наречий было образовано несколько окказиональных слов: *онегдась*, *оновдых*, *оноволдось*.

Онегда́сь: Арх., Подвысоцкий, 1885.

Оновды́х: Вельск. Волог., Дилакторский, 1902.

Оновóлдось: Урал., Миртов.

Широкое территориальное распространение получили наречия, образовавшиеся от некоторых из рассмотренных в резуль-

тате утраты начального гласного: *нагда*, *ногды*, *нагдась*, *нагдысь* и нек. др.

Нагда́: Пск., Копаневич, 1904—1918.

Но́гды: Иркут., Бирюков, 1970.

Нагда́сь: Осташк. Твер., Карпов, 1855, Доп. Оп. 1858. Калин., Копорский, Оп. сл. калин. гов. Пск., Карпов, Доп. Оп. 1858., Пенз., Колеганов. Прибалт., Синица.

Нагды́сь: Пск., Карпов, 1855, Опыт 1852, Копаневич. Смол., Опыт 1852, Дурново, Втор. Доп. Великолук., Писаренко. Калин., Оп. сл. гов. калин. Гдов. Петрогр., Вейс. Моск., Бардинский, Иванова, Зарайск. Ряз., Втор. Доп. Тул., Сарат., Опыт 1852. Калуж., Добровольский, Воскресенский, Зотов. Морш. Тамб., Давыдов. Брян., Тиханов, Расторгуев. Екатеринб. Перм., Славнин. Свердл., Пашковский. Забайк., Осокин.

Нагды́ся: Дон., Миртов, 1929. Великол. Пск., Левицкий.

Навды́сь: Твер., Дурново, 1904. Моск., Иванова. Калин., Оп. сл. гов. калин.

Нада́сь: Терск., Востриков, 1907. Дон., Левочкин, Ряз., Сл. с. нар. гов.

Нады́сь: Курск., Шаховской, 1822. Опыт 1852, Резанов. Орл., Котков. Тул., Глаголев, Каменев, Филин. Ворон., Михайлов, Волков, Собинникова. Дон., Левочкин. Ставроп., Панова Кубан., Водарский, Терск., Востриков. Астрах., Солосин. Сталингр., Орлов, Сарат., Дурново, Адливанкин, Николаев. Самар., Петров. Тамб., Давыдов, Волков, Опыт 1852. Ряз., Фортинский, Опыт 1852, Городцов, Родимов, Пермяков, Сл. с. нар. гов. Пенз., Опыт 1852, ТМДК, 1910, Гвоздев, Зимин, Колеганов, Пашковский. Калуж., Чернышев, Косогоров, Щепетов, Зотов. Смол., Добровольский, Дурново, Терновский. Брян., Сполохов, Расторгуев, Бургутина. Роман. Рост., Рожкова. Велико-Михайл. Одесск., Тихомирова. Моск., Каринский, Иванова, Чернышев, Втор. Доп., Монаенкова, Рыбакова. Влад., Дмитриевский, Опыт 1852, Бережков, Добрынкин, Бодров, Улупов. Нижегор. Яросл., Мельниченко. Калин., Оп. сл. калин. гов. Волог., Петрова, Арх., Подвысоцкий. Вят., Магницкий. Оренб., Ботина. Чкал., Лыткин. Вост. Мар. АССР, Моисеенко. Перм., Миртов. Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Сл. ст. гов. Прибалт. Челяб., Миртов. Том., Кемер., Сл. гов. ср. теч. р. Оби. Новосиб., Федоров. Омск., Замулла, Кокчетав., Мат. Каз. П. И. Алт., Вербицкий, Тимошенко. Иркут., Виноградов, Косыгин. Забайк., Ильин. Краснояр., Слов. Бурят. АССР, Молодых, Соколов.

Нады́ся: Курск., Шаховской, 1822. Дубен. Тул., Филин. Дон., Миртов, Навл. Брян., Нащокина. Ряз. Ряз., Жбанкова. Тифл. Тифл., Михайлов. Александр. Влад., Архангельский.

Отмечен также ряд окказиональных образований: *внады́сь* — Новосиб., Федоров; *нагдо́вись* — Жиздр. Калуж., Щепетов; Брян., Расторгуев; *нагдо́вось* —Смол., Иванова и др., 1957; *позанагдожь* (уд.?) — Калуж. (?), Щепетов; а также *на́вдыкась* —

Пск., Копаневич, 1914—1914; *нагды́ситка* — Смол. Смол., Втор. Доп., 1905—1921.

Для выражения оттенка смягчения некоторые из рассмотренных наречий употребляются с суффиксами субъективной оценки *-еньк-* (*-иньк-*), *-ичк-*, *-ышк-*: *анагда́сеньки* — Прибалт., Синица, 1971; *нагда́синька* — Пск., Осташк. Твер., Карпов, 1855, Доп. Оп. 1858; *нагда́сичка* — Пск., Осташк. Твер., Карпов, 1855, Доп. Оп. 1858; *надысичка* — Николаев. Самар., Петров, 1852; *оногдышко* — Бежецк. Твер., Опыт 1952.

Менее по сравнению с рассмотренными распространены в говорах для выражения значения ‘недавно, на днях’ (СРНГ) наречия, образовавшиеся из словосочетания *коего дня* (*дни*). Для них характерна также значительная структурная вариативность и ограниченность ареалов каждого из образований.

Коегбдня: Черепов. Новг., 1898.

Коегбдни: Коегодни я был в гостях. Арх., 1852. Олон., Волог., Перм., Урал., Енис., Сиб. ‘Третьего дня’, Перм., Сиб., Даль.

Коегбдне: Шенк. Арх., 1913.

Коевбдня: Тобол., 1899. Урал., Тюмен., Курган. ‘Третьего дня’ Урал., 1930.

Коéводни, *коевбдни*: Сиб., 1921. *Коéводни*: Кадн. Волог., Тихв. Новг., 1858. ‘Третьего дня’, Новг., Даль. *Коевбдни*: Верхот. Перм., Иркут., 1852. Арх., Онеж. КАССР, Олон. Я видал его коеводни. Волог., Новг., Костром., Перм., Урал., Тобол., Енис., Краснояр., Сиб., Алт.

Коевéдни: Свердл., 1965.

Коéвадни: Челяб., Оренб., 1848. Арх., Волог., Костром., Вост., Перм., Урал., Свердл., Курган., Зауралье, Тобол., Тюмен., Омск., Новосиб., Том., Енис., Иркут., Сиб. ‘Третьего дня’ — Вост., Даль, по р. Чусовой. ‘Вчера’ — Сиб., 1893. *Кбевадни*: Новг., Даль. Курган. *Койвадни*: Ср. Урал., 1971.

Коевáдни: Тобол.

Колевáдни: Сухолож. Свердл., 1971.

Ковáдня: Камышл. Свердл., 1971.

Кбвадни, *ковáдни*: Новг., Даль. Волог. *Кбвадни*: Вят., 1847. Ковадни гляжу, девки наработу — уж солнышко высоко — оне только идут еще. Тотем. Волог. *Ковáдни*: Тотем. Волог., 1899. Урал. *Ковадни* (уд.?): Вят., Боричевский, 1842—1847.

Кбедни: Ср. Урал., 1971.

Кáдни: Тобол., 1955—1958. Да вот кадни в городе была. Курган., Зауралье, Ср. Урал. *Кадьни*: Урал., 1934.

Коевбднись: Божатка коеводнись была. Волог., 1902.

Коевáднись, *коевáднися*: Тобол. Тобол., 1896. Тобол., Урал.

Коевáднись: Шадр. Перм., 1895. Урал., Кузнец. Том., Арх., Волог.

Коеваднися: Верхот. Перм., 1899.

Коевáнися: У нас коеванися варили похлебку. Верхот. Перм. Тобол., 1930.

Кóваднись, ковадни́сь: Котельн. Вят., Слов. карт. ИРЯЗ. *Кова́днись*: Ковaднись чуть я не купил тарантас да отговорили. Волог., 1902. Ср. Урал.

Кóваднясь, ковадня́сь: Вост., Даль.

Коéднясь: Охан. Перм., 1930.

Коднéсь: Коднесь прийшел, а дома никого. Верхне-Тавд. Свердл., 1971.

Ка́днись: Тобол., 1955—1958. Каднись все мочило и мочило, а теперь сушит. Ср. Урал. *Ка́днись, ка́днися*: Тобол., 1897. Ср. Урал. *Ка́дьнись, ка́дьнися*: Урал., 1934 (СРНГ).

* * *

Рассмотренная лексико-семантическая группа наречий имела наибольшее лексическое и структурное разнообразие в русских говорах XIX—XX вв. В современных говорах происходит процесс постепенной утраты отдельных элементов этой некогда богатой системы. Лучше сохраняются наречия с корнем *дав-*, так как они поддерживаются распространенным в просторечном употреблении словом *давеча*. Процесс архаизации и утраты затронул прежде всего наречия с яркой диалектной спецификой, такие как *восейка, оногдась* и под. Собиратели неоднократно отмечали это: «Оногдась теперь редко скажу, больше даве, давча» (Лешукон. Арх., Федоров, 1949); *Оногдась* «встречается у старух» (Волх. Ленингр., Попов, 1954). *Оногдась* «встречается редко и значение его забывается» (Волх. Ленингр., Луппова, 1954); «Говорили недавно, надысь — это старинное слово» (Новосиб., Федоров, 1964—1965).

Наречия с общими дифференциальными семантическими признаками вступают в синонимические отношения, о чем свидетельствуют совпадающие указания территории их распространения (уезд, губерния, район, область). Однако сведений, прямо подтверждающих синонимичность в каком-либо говоре, недостаточно. О каширском говоре, например, А. Ф. Манаенкова писала: «О событиях, после которых прошло уже известное время, каширяне скажут: *надысь (нады́с'), намедни (наме́дни), недавно (нида́вна)*. Эти слова — синонимы».[19]

Структурное разнообразие рассмотренных наречий обусловлено рядом общих закономерностей, действовавших в говорах: образованием на основе разных вариантов производящих основ и сочетаний; незакономерными фонетическими преобразованиями внутри слова; образованиями по аналогии.

---

[19] Манаенкова А. Ф. Лексика говоров Каширского района Московской области. М., 1948. (Из материалов картотеки СРНГ).

Г. И. ДЕМИДОВА

Компаративные словоформы прилагательных и наречий с префиксом *по-* в диалекте

Компаратнивые словоформы прилагательных и наречий с префиксом *по-* в диалектологической литературе не были предметом специального изучения. Между тем эти формы являются характерной принадлежностью именно живой разговорной речи.[1] Широкое распространение получили они и в русских народных говорах. Выявить особенности их образования, значения и употребления в диалекте — задача настоящей статьи. Анализ указанных форм проводится на материале современных брянских говоров.[2]

Особенностью префиксального образования является то, что префикс в отличие от суффикса присоединяется к целому слову. В говорах современной Брянщины префикс *по-* наблюдается почти со всеми известными суффиксальными компаративными словоформами на *-ее* (*-ей*), *-ейше*, *-еиче (-ейче)*, *-е*, *-ше* (не сочетается он с компаративом на *-шей* типа *раньшей*, *большей* и т. п.).

Образование степеней сравнения прилагательных и наречий большинством исследователей расценивается как формообразовательный акт. Но, поскольку предметом анализа в данной работе является сочетаемость морфемы, описание формообразования будет иметь много общего со словообразованием, ибо в морфологии, как и в словообразовании, существуют разные степени возможности образования словоформ. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть прежде всего возможные и невозможные условия сочетаемости префиксальной морфемы с суффиксальной компаративной словоформой. Как и в словообразовании, сочетаемостные возможности формообразовательных морфем определя-

---

[1] Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974, с. 141.

[2] Данная статья представляет собой дальнейшую разработку темы о степенях сравнения прилагательных и наречий в диалекте. См. нашу статью «Образование сравнительной степени прилагательных и наречий в брянских говорах» (в кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976).

ются рядом взаимодействующих факторов — формальных, семантических и лексико-системных (лексических).[3]

Формальные ограничения сочетаемости морфем, разнообразные и многочисленные в словообразовании, в формообразовании сравнительно редки.[4] И это положение характерно не только для русского литературного языка, но и для народных говоров. Каковы бы ни были формальные свойства производящей основы — в данном случае суффиксальной компаративной словоформы, — префикс *по-* свободно сочетается с ней, так как он представляет собой звуковой отрезок, содержащий в своем составе слоговой элемент. Поэтому *по-* присоединяется к различным словоформам, начинающимся с согласного звука типа *по-темнее*, *по-чище*, *по-меньше* и т. д., с сочетания согласных — *по-млаже*, *по-старше*, *по-светлее* и т. д., с гласного — *по-алее*. Кроме того, морфологическая природа производящей основы может быть различного структурного оформления: она может быть производной и непроизводной, например *по-бел-ес-ей*, *по-персон-ист-ей* и *по-чащ-ей*, *по-бел-ей*, обладать различным количеством слогов — быть двусложной (минимальное число слогов), как *по-бо-ле*, *по-тонь-ше*, *по-ши-ре*, и многосложной, например *по-тя-жель-ше*, *по-хо-лод-не-и-че* и т. п.

Префикс *по-* у прилагательных и наречий в компаративе всегда выступает только в единственном числе, он не отмечается у словоформ, уже имеющих в своем составе какой-либо префикс, т. е. плеонастических префиксальных сочетаний в таких образованиях не наблюдается. Таким образом, из формальных ограничений можно отметить только одно — невозможность присоединения *по-* к префиксальному компаративу, что, вероятно, вызвано потребностью языка избегать по возможности громоздких словопостроений.

В имеющемся материале префикс *по-* употребляется с компаративными словоформами прилагательного с суф. *-ее*: Сивая масть зовется, если *потемнее* серой (Сузем. Устарь); Алый, красный, красный *потемнее* (Навл. Соколово); Которые *подужее* были, с тех брали ссуду (Севск. Невдольск); Она *постарее* меня (Комарич. Радогощь); Рыболов белосиневатый, чуть *подробнее* чайки (Сузем. Устарь) и др.; с суф. *-ей*: Мы сами *позубатей* вас (Дубров. Снопоть); Рыжая масть *побелесей* красной (Сузем. Устарь); Жална *погрузней* казори (Клетнян. Мармазовка); Алый *потемней* розового, сильней (Севск. Заулье) и др.; в наречиях: Двойняты *почащей* родятся (Сузем. Чухраи); Я *потолщей* помаслю скибочку (Дубров. Алешинка); с суф. *-ейше*: Бигать два волка, они *пожелтейшы* моего платка (Дубров. Снопоть); Люди разные, кто *посильнейше*, побогаче, а кто бедный (Дубров. Щипань); А кто *победнейше* (Жуков. Никольская Слобода); с суф. *-е*: Ганна, она *помлаже*,

[3] См.: Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 172.

[4] Там же.

покрепче (Дубров. Алешинка); Шалёвка — лес *потоне* который, а *потолще* — то доска (Севск. Отрокинь); А которые *побогаче*, у тех был овин (Севск. Чемлыж); Махотка *пошире* голаша (Дубров. Снопоть); в наречиях: Вучитель старается *поближе* ее купаться (Севск. Быки); В школу-то надо их собрать *почище* (Брас. Веженка); Съешь там мяса *поболе*, а кто скажет стогнушко (Дубров. Снопоть) и др.; с суф. *-ше*: Та — та *постарше* за нас (Жуков. Овстуг); Подлесок неширокий, *пошире* ладони (Почеп. Колодная); Лягушки есть большие и *поменьше* (Севск. Быки); в наречиях: Он трошки *подальше* сидить (Брян. Скуратово); Надо *потяжельше* его запрядать (Сузем. Чухраи) и др.; с суф. *-еиче (-ейче)*: Чай *похолоднеиче* (Навл. Соколово), Варево *погорячейче* (Карач. Каменная гора); Полотенце *побелейче* (Тиханов, Брянский говор, с. 238) и др.

По широте употребления префиксальные компаративные словоформы с различными суффиксами неодинаковы. Об этом свидетельствуют следующие количественные показатели: префиксальные образования от словоформ с суф. *-ее* составляют примерно 14%, с суф. *-ей* — 35.5%, с суф. *-е* — 27%, с суф. *-ше* — 16.5%, с суф. *-ейше* — 4%, с суф. *-еиче* (*-ейче*) — около 3% от общего количества зафиксированных словоформ, имеющихся в нашем распоряжении.

В целом же приведенный материал показывает, что префиксальные компаративные словоформы являются продуктивными образованиями в говоре. Их продуктивность обусловлена прежде всего структурными особенностями. Как упомянуто выше, роль формального ограничения (фактора) сочетаемости формообразовательной морфемы с суффиксальной компаративной словоформой здесь минимальна.

Говоря о продуктивности изучаемых образований, мы учитываем не только показатель широты структурных связей префикса *по-* с различными компаративами прилагательных и наречий. Продуктивность всегда предполагает и достаточно большое количество слов, созданных по определенной модели. Однако не следует смешивать распределение общих количественных данных по словоформам (их насчитывается около 200), отражающих степень употребительности, с числовыми показателями по лексемам (их более 60), означающими продуктивность. Так, в описываемом говоре префиксальные компаративы с суф. *-ше*, составляющие 16.5% всех примеров, образованы только от восьми производящих основ: *побольше*, *подальше*, *получше*, *поменьше*, *постарше*, *потоньше*, *потяжельше*, *пошырьше*, т. е. лексический круг таких словоформ сравнительно узок. И, наоборот, особое место занимают продуктивные словоформы с суф. *-ей*, в которых префикс *по-* сочетается с 32 лексемами: *победней*, *побелей*, *побелесей*, *пободрей*, *побурдовей*, *побыстрей*, *повострей*, *подебелей*, *подробней*, *подужей*, *поживей*, *позубатей*, *покислей*, *покрепчей*, *поперсонистей*, *порусей*, *посвежей*, *поскорей*, *посласней*, *посмашней*, *посмелей*, *по-*

смысленей, *посырей*, *потемней*, *потолщей*, *потоней*, *потяжелей*, *похитрей*, *почащей*, *пошибчей*, *пошпорней*.

Продуктивность определяется также возможностью сочетания префикса *по-* со словами, относительно новыми для диалекта. Примечательно, что в единичных случаях *по-* может присоединяться к словоформе с заимствованной основой, например: Таня-то была *поперсонистей* (Севск. Заулье).

На сочетаемость префикса с суффиксальной формой компаратива и, следовательно, на продуктивность префиксальных образований оказывают известное влияние семантический и лексико-системный факторы.

Как известно, на всех этапах развития русского языка основным источником образования компаратива были качественные прилагательные и наречия, но, естественно, не все они служат базой компаративов: в имеющемся материале зафиксировано более 60 различных лексем, сочетающихся с префиксом *по-*. И хотя количество их относительно невелико, они все же позволяют наметить некоторые группы прилагательных и наречий, охотнее других употребляющихся в говоре с данным префиксом. Преимущественно это качественные прилагательные и наречия, обозначающие различные физические свойства предметов, явлений и т. д., воспринимаемые органами чувств. Это прилагательные: а) служащие для обозначения цветовой характеристики предметов, явлений и пр., у которых легко развиваются различные образные оттенки: *поалее*, *побелей*, *побелёсей*, *побурдовей*, *пожелтейше*, *порусей*, *посветлее*, *посерее*, *потемнее*, *почернее*; б) характеризующие внешний облик предмета: *повострей*, *подробнее*, *погрузней*, *поперсонистей*, *поплоше*, *посвежей*, *потолщей*, *потоне*, *похороше*, *похуже*; в) обозначающие физическое состояние живых существ: *пободрей*, *подебелей*, *подужей*, *половче*, *помоложе*, *помлаже*, *посильнейше*, *постарее*, *покрепче*; г) дающие внутреннюю характеристику живого существа с точки зрения черт характера, умственной и духовной способности: *позубатей*, *посмелее*, *посмыслёней*, *построжее*, *похитрей*, *похлеще*; д) прилагательные и наречия, констатирующие различного рода физические свойства неживых предметов, веществ, явлений природы (состояние атмосферы, среды, обстановки и т. п.): *побыстрей*, *погорячейче*, *погрубей*, *поживей*, *покислее*, *поскорей*, *посласней*, *посмашней*, *посырей*, *потеплее*, *похолоднеиче*, *почащей*, *почищей*, *пошибчей*, *пошпорней*.

Прилагательные и наречия иной семантики представлены в более ограниченном количестве. Это относится главным образом к наречиям, отчасти прилагательным, означающим: а) пространственную характеристику (включая объем, величину, вес и под.): *побольше*, *повыше*, *поёмче*, *поменьше*, *пониже*, *потяжелей*, *пошире*; б) общественное положение, имущественное состояние людей: *победнее*, *побогаче*, *познатее*. Некоторые лексемы в диалекте, как и в литературном языке, многозначны, поэтому могут быть распределены по разным группам. Например: Кто *подужей* (‘посиль-

нее'), луг разработали, мелирацию (Брян. Добрунь); Которые *подужее* были ('побогаче, посостоятельнее'), с тех брали ссуду, а с нас нет (Севск. Невдольск); Съешь там мясо *поболе* ('побольше'), а кто скажет стогнушко (Дубров. Снопоть); Кто *побольше* ('побогаче'), дороже положит (Унеч. Красновичи) и т. п. Отдельные префиксальные компаративы, образованные от однокорневых основ, но с разными суффиксами, составляют иногда широкую формообразовательную парадигму, в которой словоформы могут быть рассмотрены как параллельные формообразовательные варианты. Ср. примеры в контексте: Шалёвка — лес *потоне* который, под крышу (Севск. Отрокинь); Нужно, чтобы бёрны были *потоньше* (Навл. Соколово); Есть птица, на голове как кичичка, только повострей, *потоней*, и перья у ней зезюлястые (Сузем. Устарь); Сивая масть — *побелей* серой, *побелей* чуть-чуть (Сузем. Устарь); Полотенце *побелейче* (Тиханов, Брянский говор, с. 238); Они *победнейше* (Жуков. Никольская Слобода); Кто *победней*, той за день свадьбу отыгрывал (Навл. Соколово) и др.

Как свидетельствует материал, преобладают в основном префиксальные словоформы от основ прилагательных, круг наречий значительно уступает. И лексическое богатство качественных прилагательных и наречий несоотносительно. Иногда одинаковые компаративные словоформы прилагательных и наречий имеют разное значение и говорят не о тождестве семантики словоформ, а об их омонимии. Например: Я *потолщей* помаслю скибочку (Дубров, Алешинка), где *потолщей* — 'побольше'; Выкапывается ёлка, выбирается корень *потолщей* (Клятнян. Павлинка), где *потолщей* — 'более крепкий, более разветвленный, более развитой'; На етом-то *повыше*, ловоче садиться (Севск. Заулье), где *повыше* — 'немного выше'; Для хлеба *повыше* огонь нужен (Навл. Соколово), где *повыше* — 'более сильный, более жаркий'. Таким образом, продуктивность префиксальных компаративов зависит и от лексико-системного (лексического) фактора.

Присоединение префикса к суффиксальной компаративной словоформе — это вторичная формообразующая операция (первичной является образование суффиксального компаратива). Префикс *по-*, присоединяясь к суффиксальной словоформе, не меняет ее лексико-грамматического разряда, в чем проявляется одно из характерных свойств данного префикса как грамматического, формообразовательного форманта, а не словообразовательного. Вместе с тем префиксальная словоформа имеет некоторые семантические особенности, отличающие ее от соответствующей суффиксальной. В научной литературе встречаются высказывания, согласно которым «суффиксы уже в силу их близости к концу слова теснее связаны с формообразованием или словоизменением, чем префиксы»,[5] что препозитивное положение префикса по отношению к основе слова обеспечивает бóльшую его семантическую

[5] Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965, с. 69.

самостоятельность в качестве значимой части слова, чем суффикса.[6] Объяснение этому явлению, вероятно, следует искать в прошлом префиксов, в специфике их генезиса. Как свидетельствует А. Мейе, первоначально «в общеиндоевропейском языке приставки были отдельными словами, игравшими в предложении вспомогательную роль, вследствие чего они стремились сочетаться со словами, которым придавали более точное значение».[7] А. А. Шахматов заметил: «По-видимому, грамматическая сущность значения префиксов раскрывается ссылкой на их происхождение: это наречие».[8] В наши дни К. А. Левковская конкретизировала положение А. А. Шахматова: «Префиксы, развившиеся из уточняющих частиц наречного характера (даже тогда, когда они уже полностью превратились в форманты), сохраняют в ряде случаев эту уточняющую функцию и большую по сравнению с суффиксами семантическую и фонетико-морфологическую автономность по отношению к основе, с которой они соединяются».[9] И хотя современный язык и его говоры отделены от древнего праязыка громадным периодом времени, многие свойства древнего наречия несомненно сохранились как в современном наречии, так и в современном префиксе. Отсюда семантическая нагрузка префиксальной морфемы несколько иная, чем у суффиксальной, она сближает ее в какой-то степени со словообразовательной морфемой. Эта особенность префикса компаратива дала основание А. С. Никулину заявить, что «форма *побелее* это не то же, что *белее*, хотя здесь и выражено несколько большее количество признака, чем, например, просто *белый*».[10]

Со времен А. Х. Востокова в грамматиках утверждается, что префикс *по-*, присоединяющийся к суффиксальной компаративной словоформе, вносит в значение прилагательного или наречия оттенок смягчения, указание на то, что имеется в виду незначительное усиление признака, которое может быть объяснено словами *несколько, немного*.[11] А. С. Никулин образования с *по-* включил в «уменьшительную группу сравнений», неправомерно сузив семантику префиксальных компаративов.[12] В. В. Виноградов в изучаемых словоформах видел «смягчающую степень» преобладания какого-нибудь качества в одном из сравниваемых предметов, а при отсутствии у компаратива объекта(ов) сравнения — «высшую степень» проявления признака: «*по-* может значить: на-

---

[6] Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, с. 239.

[7] Мейе М. Общеславянский язык. М., 1951, с. 234.

[8] Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941, с. 504.

[9] Левковская К. А. Теория слова. . ., с. 239.

[10] Никулин А. С. Степени сравнения в современном русском языке. М.—Л., 1937, с. 73.

[11] См.: Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 10-е. СПб., 1859, с. 46. Заметим, что на такой же позиции стоят авторы «Грамматики русского языка» (т. 1. М., 1952, с. 362).

[12] Никулин А. С. Степени сравнения. . ., с. 73.

сколько возможно, с большей степенью чего-нибудь, чем обычно».[13] Из других исследователей, обративших внимание на связь между семантикой компаратива с *по-* и отсутствием при нем объекта сравнения, был Л. А. Булаховский.[14] Таким образом, семантика префиксального компаратива имеет давнюю историю изучения. И это закономерно, так как префиксальные словоформы семантически заметно отличаются от суффиксальных.

Принимая во внимание положение о компаративе, которое было высказано в конце 60-х годов И. А. Карабань о том, что компаративные словоформы, рассматриваемые сами по себе со стороны семантической, не являются показателями какой-либо степени интенсивности называемого признака, а выступают в языке лишь как «грамматические знаки отношения», в котором могут находиться предметы,[15] для словоформ с префиксом *по-*, видимо, следует сделать определенную оговорку. Префиксальные образования не только обозначают идею количественного превышения сравниваемого признака. Благодаря наличию префиксальной морфемы они свидетельствуют об определенной степени этого превышения. В этом отношении префикс *по-* в известной мере приближается к тем дополнительным лексическим средствам, с которыми может сочетаться суффиксальная словоформа компаратива. Например, в брянских говорах засвидетельствованы словосочетания типа *очень лучше*, *гораздо лучше*, *богато старше*, *много больше*, *немножечко красней*, *мало-маленько лучше* и т. п., в которых наречия выполняют роль конкретизатора «неконкретизированной» формы сравнительной степени.

Префиксальные образования с *по-* на Брянщине, как и в русском литературном языке, с семантической точки зрения не равнозначны.[16] В зависимости от лексического значения прилагательного или наречия от окружающего контекста указанные словоформы могут иметь различные оттенки значения. Наиболее многочисленны в говорах, во-первых, компаративы, в которых префикс *по-* привносит элемент смягчения, указывают на незначительное превышение сравниваемого признака. Такие компаративы могут быть заменены синонимичными сочетаниями суффиксальной словоформы компаратива с наречием *немного*, *несколько*: Что крась, что линь — одно и то ж, у линя чешуя *подробнее* (Трубч. Кветунь); Грений — не такой, как буланый, а *потемнее* (Навл. Гладское); Алый платок *потемней* розового (Севск. Заулье); Рыжая масть бывает, это *побелёсей* красной (Сузем. Устарь); Добрые рубахи по праздникам, а будёные *поплоше* (Дубров. Сно-

---

[13] Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 258.

[14] См.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. 1. Изд. 5. Киев, 1952, с. 187.

[15] Карабань И. А. Значение форм степеней сравнения и исходная форма прилагательного. — НДВШ, Филол. науки, 1969, № 6, с. 57.

[16] См.: Чмыхова Н. М. К вопросу о синонимике образований типа *побольше — немного (несколько) больше*. — РЯШ, 1968, № 1, с. 85—87.

поть); Драчёна *погуще*, чем блины, яйца больше (Брас. Хутор Холмецкий); Подъязок *помельче*, чем язь (Почеп. Колодное); Платок *повуже* за этого шарфа (Клетнян. Алень); Мне уже шестьдесят восьмой год, старик *постарше* на пару лет (Дубров. Деньгубовка) и др.

Грамматисты XIX в. Н. Греч,[17] П. Калайдович[18] рассматривали такие формы как «промежуточную» степень между исходной и компаративной формами. Такого же мнения придерживался в XX в. А. С. Никулин.[19] И хотя на сегодня взгляды этих исследователей неприемлемы, имеют ценность лишь в плане исторической интерпретации темы, так как никакой промежуточной стадии между названными формами нет, ибо признак в исходной форме выступает в неподвижном состоянии, а компаративная словоформа — это выражение признака с грамматическим обозначением большего или меньшего его проявления, они несомненно должны быть учтены при изучении семантики компаративных словоформ.

Во-вторых, префикс *по-* может сообщать компаративу увеличительный оттенок. Такие образования означают бóльшую степень проявления признака в одном из сравниваемых предметов, явлений и пр., чем обычно. Видимо, это значение имел в виду В. И. Даль, когда писал, что *по-* «при сравнительной степени. . . означает усиленье по смыслу слова: *побольше*, *покраше*, *получше* и др.».[20] Подобные словоформы эквивалентны по значению сочетанию суффиксального компаратива с наречием *гораздо*, *много*: Мы сами *позубатей* вас (Дубров. Снопоть); Под горочку лошадь *пошпорней* пошла (Клетнян. Павлинка); Теперь бабы *похлеще*, другая мужика ест (Дубр. Алешинка); Хохлы *похитрей* за кацапов (Клетнян. Козловчик); Мужик *пободрей*, а что старуха (Дубров. Снопоть); Жална *погрузней* казори (Клетнян. Мармазовка); Нет, она *постарее* меня (Комарич. Радогощь); Тот председатель был *построже* (Карач. Покров); Лицо было не в зборках (морщинах) тогда, а *посвежей* (Рогнед. Жуково).

В-третьих, рассматриваемые словоформы могут указывать на слишком высокую степень проявления признака и выступать с оттенком ‘насколько возможно’, ‘как можно’, выявляя тем самым частичное функциональное сближение с суперлятивом. В данной функции употребляются только компаративы от наречия, означающие предельно высокую интенсивность образа действия, состояния. Это значение компаративная словоформа приобретает в особом контексте, когда речь идет о выражении побуждения,

---

[17] См.: Греч Н. И. Пространная русская грамматика, т. 1. СПб., 1827, с. 196.

[18] См.: Калайдович П. Еще несколько слов о степенях сравнения прилагательных. — В кн.: Сочинения в прозе и стихах. Тр. общества любителей российской словесности, ч. 6. М., 1826, с. 140—141.

[19] Никулин А. С. Степени сравнения. . ., с. 72.

[20] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. М., 1955, с. 134.

приказания, пожелания, просьбы и под.; в предложениях рассматриваемые компаративы обычно сочетаются с повелительной или сослагательной формой глагола. Образованы данные компаративы от наречий, в семантике которых соединяется одновременное указание на определенный признак и на степень его проявления, т. е. они наделены известной долей и экспрессивности, и модальности. Например: Вы ж глядите *побыстрей* с оттыль-та приходите (Навл. Глинное); *Почащей* ходите на речку (Сузем. Чухраи); Хоть бы *поскорей* помереть, не хота жыть у недостатках (Брян. Добрунь); А ты *поскорей*, *поскорей* иди (Клетнян. Клетня); Вы ешьте *подужей* (Дубров. Снопоть); Что ж ты не скоро кидаешь? Кажа: мертвый, кидай *пошибчэй* (Нечаев, с. 61); А ён крикнув: *пожившэй* (там же) и др. Во всех приведенных примерах при компаративе отсутствует указание на другие обстоятельства, ситуации, состояние действия, с которыми могло бы происходить сравнение. В этом заключена специфика употребления и функционирования наречных компаративных префиксальных словоформ с *по-*, несущих совершенно определенную информацию о количественной стороне проявления соответствующего признака. Нюансы, привносимые префиксом *по-* в суффиксальные компаративные словоформы, не являются принадлежностью только диалектной речи, они свойственны и русскому литературному языку.

Наряду с адекватными средствами передачи в диалектно-разговорной речи отмечаются сочетания префиксального компаратива с количественными наречиями, выступающими в роли детерминатора, которые не имеют (а если имеют, то в ограниченном количестве) параллелей в нормативном строе литературного языка. Например: Сивая масть *немного посерей* (Сузем. Устарь); Яко клевер, *немножко подробней* трава, попок звали (Почеп. Титовка); Чичас стало *малешко получше* (Карач. Покров); А эта *трошки похороше* (Дубров. Мареевка); Это *трошки подальше* (Брян. Скуратово); Рыболов белосиневатый, *чуть подробнее* чайки (Сузем. Устарь); Одна живу, была и не одна, *половче крышечку* была (Сузем. Устарь) и др. В приведенных словосочетаниях основным средством передачи превышения сравниваемого признака является компаративная словоформа с ее лексическим наполнением, а зависимое от нее количественное наречие вносит лишь некоторый дополнительный, конкретизирующий оттенок в значение компаратива. Таким образом, количественные детерминаторы помимо префикса *по-* вторично конкретизируют префиксальную словоформу, способствуя тем самым избыточности информационных средств в передаче степени преобладания сравниваемого признака.

Рассматривая особенности сочетания префиксальных образований с количественными наречиями, следует подчеркнуть избирательный характер этого взаимодействия. Он заключается в том, что компаративы с префиксом *по-*, как правило, свободно сочетаются только с такими детерминаторами, которые указывают на незначительное превышение меры сравниваемого признака.

В диалектно-разговорной речи на Брянщине в качестве таких детерминаторов употребляются наречия *немного*, *немножко*, *малешко*, *крошечку*, *трошки*, *чуть*, *чуть-чуть*. Разнообразие перечисленных детерминаторов не случайно. Как было отмечено выше, префиксальные словоформы в преобладающем количестве характеризуют именно меру незначительного превышения сравниваемого признака. Таким образом, значение меры признака префиксальной словоформы оказалось совместимым с мерой признака, выраженного наречиями *немного*, *немножко* и под.

К детерминаторам другой группы, указывающим на значительное превышение сравниваемого признака, можно отнести только одно слово *ещё*: Вы *ещё* подужей (Дубров. Снопоть); Аниска *подужей ещё* была (Навл. Гладское). Ограниченность сочетания с наречиями второй группы объясняется тем, что для русского языка не характерно повторное (двойное) выражение усиления сравниваемого признака.

Употребление рассматриваемых сочетаний в говоре значительно свободнее, чем в литературном языке. В нем возможны инверсивные построения, т. е. место компонентов в сочетании строго не закреплено, ср.: Вы *ещё подужей* (Дубров. Снопоть), Аниска *подужей ещё* была (Навл. Гладское) и т. п.

В литературном языке описываемые сочетания считаются неправомерными [21] и допускаются в определенных стилях речи,[22] ибо уже в самой префиксальной компаративной словоформе с *по-* заключено дополнительное значение ‘большей, большой или слишком большой степени проявления сравниваемого признака’. Квалифицировать отмеченные сочетания в диалектной речи вполне определенно или как окказиональные, или как обычные, стандартные затруднительно, ибо в ней нет строгой нормативности, свидетельствующей об обдуманности или избираемости форм выражения. Она «более свободна в выборе средств для передачи того или иного содержания, чем устная форма литературного языка и тем более его письменная форма. С этим связано то, что нормы диалекта всегда существуют в ряде вариантов».[23]

---

[21] См.: Розенталь Д. Э. Практическая стилистика. . ., с. 139.

[22] См.: Пятницкий В. Д. Словосочетания «количественное наречие+форма сравнительно степени с приставкой *по-*». — РЯШ, 1974, № 1, с. 17—18.

[23] Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. — Народные говоры. М., 1968, с. 133.

Н. В. ПОПОВА

Обзор лексики с суф. *-ej (a)* в русском языке и его диалектах (с привлечением фольклорного материала)

Предметом данной статьи является обзор и анализ лексики, содержащей в своем составе древний и общеславянский суффикс *-ej(a)*, выявление функций и значений этого суффикса в разные эпохи существования русского языка и его диалектов, а также установление различий в употреблении слов данного словообразовательного ряда в диалектах и фольклоре.

Материалом для наблюдений послужили диалектные словари, главным образом Слов. Даля и СРНГ, картотека этого словаря, фольклорные тексты, в особенности тексты заговоров, обрядов и эпоса, словом, те древние пласты устной народной поэтической речи, которые сохранили в неприкосновенности отдельные образцы слов и оборотов глубокой старины; обращались мы также в поисках материала к Слов. Срезневского, а также к иллюстративному материалу в различных филологических работах. Так как список источников практически неограничен, то и полнота сбора материала не может считаться исчерпывающей. Однако даже и этот первоначально собранный материал позволяет определить характер и свойства словообразовательного типа с суф. *-ej(a)*, насколько это возможно сделать в предварительном сообщении.

С точки зрения современного литературного языка словообразовательный тип с суфф. *-ej(a)* является непродуктивным ввиду малого количества слов этого ряда, а если придерживаться терминологии Г. О. Винокура, предложенной им в «Заметках по русскому словообразованию», может быть, этот ряд слов относится к числу нерегулярных образований, поскольку и среди немногочисленных примеров значительная часть является деэтимологизированной по своему морфологическому составу, как например слова *шея*, *шлея*, *затея*, *верея*, *ячея*. В литературном русском языке есть еще несколько слов, означающих профессию, — *швея*, *жнея*, сюда же можно отнести устаревшие *ворожея*, *плачея*, *лазея* (последнее является не обозначением профессии, но специальным названием, по признакам и характеру близким к термину), *гра-*

мотея — слово, имеющее в БАС пометы «устар». и «обл.». Прибавим сюда два отсубстантивных образования — *колея* и *змея*, а также несколько обрусевших слов иноязычного происхождения из словника литературных словарей — *рея*, *тавлея*, *уклея*, — вот и весь список общеизвестных слов с редким суф. *—ej(a)*. Разумеется, что лексику типа *ливрея*, *психея*, *траншея* и т. п., имеющую явно иноязычное происхождение, в нашей статье мы рассматривать не будем.

В работах, содержащих подробное описание словообразовательного инвентаря русского литературного языка, данная группа слов оставлена без внимания. Сошлемся здесь на такие фундаментальные труды, как Академическая грамматика (где о данном суффиксе ничего не говорится) и монография В. В. Виноградова «Русский язык» (М.—Л., 1947), где указывается лишь интернациональный суффикс *ере(я)* в составе таких слов, как *галантерея*, *оранжерея*, *галерея*.[1]

В исследованиях в области исторической лексикологии и словообразования мы встречаем краткие упоминания о суф. *-ej(a)* как о древнейшем словообразовательном элементе. Составители «Этимологического словаря славянских языков» выделяют этот суффикс при «именах деятеля», образованных от презентной основы глаголов (см. словарные статьи *bereja*, *berdja* [2] и нек. др.).

А. С. Львов называет суффикс *-eja* «древнейшим», «имеющим соответствие в литовском *-ejas*».[3] В «Очерках по лексике памятников старославянской письменности» А. С. Львов ссылается на данные русской диалектологии как на одно из доказательств древности этого мало изученного словообразовательного элемента: «В древности, — пишет автор, — по всей видимости, образования от глагольных основ имен на *-ēja*, *-īja* были продуктивны. Об этом можно догадаться по данным, например, русской диалектной лексики, среди которой находим такие: *стряпея* (арх.) ‘стряпуха’ (Доп. 257), *точея* (яросл.) ‘ткачиха’ (Доп. 269), *курея* (псков. твер.) ‘скопец’ (там же, 96), *толстея* (курск.), ‘толстая женщина’ (там же, 268), *гребия* (псков.) ‘кисть руки, пятерня’ (там же, 37) и т. п.»[4]

Предположение автора о том, что суф. *-е(я)* был продуктивным в отдаленнейшие времена, подтверждается собранным нами ма-

[1] Возможно, что мы не учли отдельных замечаний по поводу данного суффикса в работах, посвященных словообразованию в русском языке. Приведем здесь только одну выдержку из Справочника служебных морфем (П о т и х а З. А. Как сделаны слова в русском языке. Л., 1974): *-е (я)* выделяется в нерегулярных существительных, обозначающих лиц женского пола по их деятельности и образованных от глагольных основ — *жнея* (ср. *жать*, *жну*), *швея*» (с. 16).

[2] Этимологический словарь славянских языков, вып. 1. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.

[3] См.: Л ь в о в А. С. Варьирование в памятниках старославянской письменности. — ВЯ, 1974, № 6, с. 82.

[4] Л ь в о в А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, с. 152—153.

териалом. Приведем здесь подробный список этих слов. Предварительно оговоримся, что мы учитывали слово только тогда, когда суф. *-ej(a)* в материалах ясно был обозначен графически, хотя сфера действия его гораздо шире, так как и в произношении, и на письме он мог быть обозначен в безударном положении и как *-ej(a)*, и как *-uj(a)*, и посредством редуцированного *-ьj(a)*, и, вероятно, немало существительных с нулевым окончанием восходят исторически к суф. *-ej(a)* или являются его вариантом типа *олядь-олядья* 'корабль', 'лодка'.[5]

В данной статье предлагаем обзор лексики с суф. *-ej(a)* в диалектах русского языка и фольклорных источниках. Описание данной лексики будет поневоле неравноценно в разных его частях, так как в списке представлены слова разных эпох; этимологиям некоторых из них посвящены специальные исследования, о значении других надо догадываться по контексту.

Начнем с текстов фольклорных, где наиболее четко ощущается былая продуктивность словообразовательного суффикса *-ej(a)*. Это прежде всего тексты заговоров. Вот один из них: «На Черном море стоит послан от Бога свят апостол Сизиний и зрит в море; и возмутися море до облак, изыдоша из моря десять простовласых жен, окаянных видением дьяволы; он же вопроси их, святы апостол Сизиний: „Что вы за жены, окаянные видением дьяволы...". Они же реша ему: „Мы — жены трясовицы и послушницы Ирода царя и прочих сих. . .". И вопроси их святый Сизиний. . . „Что ваши имена?" Окаянные видением диаволы рече:. . . „Мне есть имя *Трясея*". Не может тот человек согретися в печи». Затем каждая из двенадцати «окаянных жен» называет свое имя и поясняет его происхождение. Поскольку в этом пояснении заключается главный ключ к пониманию значения имени, позволим привести здесь длинную цитату без сокращения: «Мне есть имя *Огнея*. Как разгорятся дрова смоленые в печи, так разжигает во всяком человеке сердце. . . Мне есть имя *Ледея*. Знобит род человеческий, что тот человек и в печи не может согретися». Далее *Гнетея* — «ложится у человека по-у ребре, аки камень, здыхает (т. е. вздыхает, — *Н. П.*), здохнуть (т. е. вздохнуть, — *Н. П.*) не дает, с души сметывает». *Ломея* «ломит у человека кости и главу, и спину, аки сильная буря сырое дерево». «Восьмая[6] рече: „Мне имя *Унея*. Аки выловиц плетима, испущает течь и кровь". Далее — *Желтея* — „испущает на человека желчь. . .", *Гледея* — «та буди всех проклятее: в нощи спать не дает, многие бесы к тому человеку приступаются и с ума его сбрасывают, и спать не дают: на месте не сидит». Наконец, «двенадцатая рече: Мне есть имя *Невея*. Сестра старейшая трясовича и угодница Ирода царя, наболящим чело-

[5] Пример взят нами из кн.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 574.

[6] Мы опустили здесь имена пятой и шестой девы-трясовицы, образованные по другой модели: Хрипуша — стоя кашлять не дает, исходит из человека с хрипом; Глухая — «та ложится у человека в головы и уши закладывает, тот человек бывает глух».

веком страшна; та усекнула главу Иоанна Предтечи и принесла пред царя на блюде».[7] Эти имена в других заговорах повторяются или варьируются, а также встречаются и новые: *Захотея* (СРНГ, вып. XI), *Снея*, *Чадлея*, *Гтея*.[8] Персонифицированные в заговорах, эти имена являются также названиями болезней, сохранившимися в употреблении до сего дня. Так, среди народных названий лихорадки находим следующие: *трясовица*, *знобиха*, *гладея*, *давея*, *злобея*, *знобея*, *лашея*, *гнетучка*, *надея*, *невея*, *неядея*, *огнея*, *плясея*, *пухлея*, *резея*, *сухея*, *трясея*; повышенная температура, тиф носят местные названия: *огонь*, *огнева*, *огневица*.[9] Часто фигурирует в заговорах змея — *скоропея* (варианты: *скорпея*, *скарпея*, *скороспея*, *шкуропея* и даже *шкура пега*). В говорах слово *скоропея* известно как нарицательное, обозначающее женщину со злым, сварливым нравом: *Скоропея*, *скоропейка*, сиб. (от *скорбкой*, *сердитый*) 'злая баба' (Даль, словарная статья Скорбить). В иллюстрации к слову *Скорпий* (*скорпия*, *скорпион*) в значении 'ядовитое насекомое' Даль приводит текст, близкий по характеру к текстам заговоров: «Се даю вам власть наступать на змию и на скорпию». Фасмер в отличие от Даля, отметая сопоставление с гнездом *скорб*, видит в диалектном *скоропея* этимологически родственное слову *скорпион*. «*Скоропей*, *скоропея*, см. скорпий. *Скорпий*. . . Ср. скурупей. *Скурупей*, *шкурупей*, эпитет змеи в сказках» (Смол., Добровольский); змей — *скурупей*, змея — *скурупея* — из *скоропей* 'скорпион' (Фасмер, т. 3, с. 650, 651, 633). В данном случае нам важно заметить, что слово *скоропея* восходит к глубокой древности, оно несомненно несло определенную семантическую нагрузку, а не было просто присловьем, бессмысленным «заговариванием зубов». И, может быть, здесь стоило бы остановиться на параллелях к *скорбеть*, приводимым Фасмером, — др.-исл. skorpr, skarpr 'высохший, сморщенный' и греч. κάρφω 'заставляю съеживаться' (Фасмер, с. 651), лит. skurbe 'горе' (там же). В записи Добровольского есть и другой эпитет змеи — змея-*тарупея* (Картотека СРНГ, Ельн. Смол., 1914). Этот эпитет змеи также, возможно, восходит к глубокой древности, если допустить, что в данном случае налицо отглагольное существительное от «праславянского глагола *торпать*, позднее утраченного».[10] В. А. Меркулова в своей заметке «Торпище» обращает внимание на ряд образований этого гнезда, среди которых находим в польских говорах tarpaty 'шершавый', далее др.-польск. tropić, чешск. trapiti, словен. trapiti 'мучить, терзать'. В словаре Фасмера праслав. *torp связано чередованием гласных с *tórpěti (см. словарные ста-

[7] Майков Л. Н. Великорусские заклинания. т. 2. СПб., 1869, с. 462, 463, 464.

[8] Там же, с. 465.

[9] Меркулова В. А. Народные названия болезней. I. (На материале русского языка). — В кн.: Этимология — 1967. М., 1969, с. 159.

[10] См.: Меркулова В. А. «Торпище». — В кн.: Этимология — 1966. М., 1968, с. 100—102.

тьи *торопеть* и *терпеть*). Смоленская змея-*тарупея* (возможно из *торопея*), таким образом, аналогична по своим свойствам змее-*скоропее* (ср. *скорбеть — скрести — страдатьи* и *торопеть — трепать — терпеть*) — таковы ассоциации, невольно вызываемые эпитетами змеи.

Уже при рассмотрении небольшой группы «заговорной» лексики можно наметить некоторые признаки словообразовательного ряда древней поры с суф. *-ej(a)*.

1) Суф. *-ея* участвовал в образовании не только отглагольной, но и отсубстантивной лексики (*огнея*, *змея*, *снея*, *колея*). Сюда же отнесем предположительно имя *Унеи*, которая «испущает течь и кровь», если допустить, что это образование дошло до нас из глубины веков. Здесь уместно будет привести некоторые данные, показывающие элемент *ун-* в составе слов, семантически связанных с представлением о жидкости, воде и т. п. На фоне персонифицированных наименований основных стихий — земли и огня (*змея*, *огнея*) возможно допустить и присутствие имени, связанного с водой. Э. Хэмп в «Miscelanea». 1. Слав.* vуme утверждает, что «индоевропейское название воды должно было первоначально иметь форму *uodr-, *udn-.[11] Этот индоевропейский корень сохраняется в чистой или видоизмененной форме во многих словах русского языка, связанных так или иначе с понятием влаги, например *вода*, *уж* ‘водяная змея’, *удить* ‘зреть, наливаться’, *утка* ‘водяная птица’ *ушь* ‘какое-то растение, возможно также влаголюбивое’.[12] Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» («со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений») (М., 1899) объясняет слово *ушь* как ‘мох’, сопровождая цитатой из 1-й Новг. летоп.: «ини же мъхъ ядяху, оушь. сосну. кору липову». То, что в летописях *ушь* все время соседствует со словом *мох*, делает возможным допущение, что *ушь* — прилагательное, которое в сочетании со словом *мох* означает какое-то растение (*ушь-мох*), съедобную болотную траву (может быть, болотный купырь или что-нибудь в этом роде). Аналогичные обозначения трав, составленные из сочетаний существительного и прилагательного, обычны, например *водяной мох*, *лягушачий шелк* и т. п. Элемент *у-* входит в название рыбы *угорь* — родственное, по некоторым предположениям, слову *уж* (Фасмер); ряд слов, начинающихся со слова *вы-*, также является производным от названия воды, как например *вымя*, *ведро*, *выдра* (см. указанную выше статью Э. Хэмпа). Кстати, вероятно, под воздействием балтийских языков на терри-

[11] См.: Хемп Э. Miscelanea. — В кн.: Этимология — 1970, М., 1972, с. 267.

[12] См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 556. Автор рассматривает три точки зрения на происхождение слова *ушь*. «Наличие разных гипотез, — заключает Ф. П. Филин, — показывает, что его значение (т. е. значение слова *ушь*, — *Н. П.*) пока остается неустановленным. Однако, на наш взгляд, представляется несомненным, что слово *ушь* является одним из древних новгородских лексических диалектизмов» (с. 557).

тории Псковщины сохранилась форма *удрá*, совпадающая с др.-инд. udrá.[13]

2) Суф. *-ej(a)* активно участвовал в словообразовании, являлся продуктивным и достаточно жизнеспособным, о чем свидетельствует многократное употребление слов с этим суффиксом в пределах даже одного контекста.

3) В словах, дошедших к нам из глубокой древности, суф. *-ej(a)* являлся не только суффиксом деятеля, но и суффиксом состояния, который подчеркивал постоянный признак предмета, способность субъекта передавать определенное свойство или испытывать постоянное воздействие извне. Много примеров этого словообразовательного ряда мы находим среди названий болезней, например упоминавшиеся выше названия лихорадки: *знобея*, *трясея*, *огнея*, *давея* и т. д.; среди характеристик лиц по тому или иному отличительному свойству, например *рачея* 'старательный человек', *гулея* 'любительница гулять', *ворчея* 'ворчун, ворчунья', *курея* 'гермафродит' и т. д.; среди обозначений предметов, явлений природы также находим лексику этого словообразовательного ряда: *лежея* 'полеглый на корню хлеб' Яросл. (Даль, *Плеть*); *вея* 'вьюга, метель'. На дворе такая вея, что ничего не видно (Пск., Смол., Маштаков); *водея* (варианты: *водья*, *вáдья*) Волог. Волжск. 'окошко в болотце, озерце среди топи' (Даль, *Вода* и др.).

4) В языке фольклора мы находим словообразовательные варианты заговорной лексики, в которых смешивается представление о состоянии, свойстве и т. п. с носителем такого состояния, свойства и т. д. Поясним на таком примере: заговорная *Трясея* (Трясовица, Трясунья, Трясь) предстает в обрядовом тексте не только как носитель лихорадки, но и как сама болезнь: Уж кабы тебе, сватушка, Тебе трясь привязался, Да тебе трясь привязался, Тебе трясь-то трясучая, Поползла поползучая, Да все трясло тебя, повытрясло Да с кирпича тебя до матицы, Тебя от матицы до грядицы, Тебя от грядицы до лавицы.[14]

5) В фольклорной лексике среди однокоренных вариантов находим большое количество суффиксов с близким или тождественным значением, например: Огнея — огнева — огница — огневица и т. д. Такое разнообразие суффиксов с близким или тождественным значением свидетельствует о большой степени архаичности лексики этого рода. В этом явлении мы находим подтверждение результатов наблюдений исследователей в области древнерусского словообразования, подчеркивающих многообразие самой суффиксальной системы и богатство словообразовательных средств как существенную особенность древнерусского словообразования.[15]

---

[13] См. об этом: П о п о в а Н. В. Из материалов для Псковского словаря. — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, с. 65—66.

[14] Лирика русской правды. Ред. Н. Колпакова. Л., 1974, с. 203.

[15] См.: Д у н д а й т е А. И. Древнерусские суффиксы. — Русская речь, 1975, № 4, с. 123—124.

В поэтическом языке устного народного творчества можно встретить немало примеров с суф. *-ej(a)* и за пределами лексики ворожбы и заклинаний. Мы видим морфему *-ej(a)* в качестве суффикса активного деятеля или лица, находящегося в состоянии непрерывного или привычного совершения какого-либо действия; сюда же отнесем названия лиц по профессии, по роду основного занятия. Приведем здесь некоторые названия «обрядовых» профессий.

Плачея 'плакальщица' — непременная участница как свадебных, так и похоронных церемоний; «плакуша, женщина, которая по найму вопит, воет, плачет, причитывает по покойнику, а также заводит, запевает плачи по невесте на девичнике, зная все причитанья и заплачки» [Даль, *Плакальщица*]. «Более всех плачет невеста, вернее аккомпанирует своей помощнице, плачее, которая беспрерывно причитает, исполняя одно причитание за другим».[16]

Кручея 'кручельщица' — женщина, переодевающая подвенечный головной убор новобрачной на домашний (Арх., Грандилевский). В обязанности кручеи входит расплетать девичью косу «на две», укладывать их вокруг головы, «окручивать» голову невесты, наряжать ее в повойник (см. Кузмищев, Ефименко; СРНГ).

Лапшея. Ниж. На сговоре или помолвке три лапшеи подносят мужчинам лапшу, целуясь с ними, а мужья их подносят лапшу женщинам (Даль).

Умение вести хозяйство, заниматься различными домашними делами, проявление трудолюбия, хозяйственности высоко ценится и всегда ценилось в крестьянском быту. Женщина, владеющая тем или иным «рукомеслом», отличающаяся сноровкой, талантом или старательным исполнением какого-либо дела, получала соответствующее название. В фольклоре мы встречаем ряд таких имен.

Кроея. Арх. 'умеющая кроить, кроильщица'. Встретилось в свадебной народной песне: Свекор говорит: мы медведицу ведем: Тетки говорят: Не швею, не кроею (Волог. СРНГ).

Точея, *прядея* 'ткаха, пряха': Отдают молоду На чужую сторону, Не за ровнюшку. . . Вот как тетки говорят: «Неточею, непрядею (к нам ведут)» (Соболевский, ВНП, т. 2, № 538). В других вариантах: неткалью, непрялью (Перм., Соболевский, ВНП, т. 2, № 597).

Ткея. Арх., *тчея*. Влад., *точея*. Ниж. — эти варианты приводятся Далем уже как употребляемые не только в фольклоре, но и в диалектах: «Кто тчет, занимается ткачеством по домашнему или как промыслом».

Плетея 'кружевница'. Сколок (узор) лежит перед плетеей на кутузе (подушке), а кутуз на особых козелках или креслах (Даль, *Плести*).

---

[16] Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 237.

Вязея ‘вязальщик, вязальщица’ (относится только к вязанью прутками, крючком, иглою) (Даль). В Слов. Даля, как и в фольклорных текстах, можно отыскать цитаты, «перенасыщенные» лексикой с суф. *-ej(a)*, ставшим в литературном большой редкостью и не осознаваемым в словах, которые, как правило, признаются деэтимологизированными (о чем речь ниже). Вот одна из подобных цитат: Жена моя не вязея, ни печея, а толчея и мелея, пляшет, болтает (Даль, *Печея*).

Печея, Волог. ‘стряпуха, кухарка, повариха или мастерица печь, стряпать, готовить кушанье’. В Слов. Срезневского также указана эта форма при словарной статье *Печица*: Печица-*печея*, пекарка.

Стряпея ‘стряпуха, стряпка, стряпейка’; «повариха, кухарка, приспешница; вообще неученая, а женщина, навыкшая стряпать простые кушанья; у крестьян — всякая женщина в доме, на которой лежит печное хозяйство» (Даль).

Варея ‘варщик, варщица’; ‘кто варит, готовит, стряпает; кто присматривает за варкою чего-либо’: Уха сладка, варея гладка будто ягодка (Даль).

Мелея ‘кто мелет ручным жерновом, а также палка, которой при этом пользуются’ (Опыт Пск. Твер.).

Берея. Арх. «женщина, собирающая ягоды для домашнего употребления или даже для продажи» (Даль, Шейн).

Грабея ‘женщина, нанятая для сгребания сена’ (Олон., 1885—1898); Грабеям платят (в Поморье) 30—40 коп. в день на хозяйских харчях (Изв. Арх. общ. научн. изучения русск. Сев., 1910).

К числу обозначений профессий можно отнести слово *ворожея* ‘знахарь, шептун, колдун’ (Даль), *лечея* ‘лечейка, лечуха, лекарка’ «знахарка, женщина, которая пользует больных, лечит» (Даль), *смывалея* ‘знахарка, занимающаяся смыванием, т. е. ворожбой особого рода’ («смываю с себя худость и умываю на себя хорошество и лепоту» — Сб. заговоров XVII в.); *плясея* ‘плясовица, плясица’; «женщина, пляшущая по ремеслу, напоказ, забавляя других» (Даль). *Сказея*, Влад. ‘сказочница’; «кто сказывает сказки, знает их много» (Даль). Архаичность словообразования в данном случае подтверждается как фольклорным материалом, так и материалами древнерусских памятников: «а скомороха, или волхва, или бабу ворожею. . . выбити из волости вон» (1555 г. Срезневский); «. . .непреподобно приводити себе на помощь и к деткам своим мужеи презлых чаровников и баб смывалей и шептунеи и иными различными чары чарующих».[17] «Сыта не сыта ль — всегда весела; пьяна, непьяна ль всегда плясея (Даль, *Плясать*). Слово *Плясея* приводится в словарике А. Н. Островского с пометой *моск.* и примеч.: «употребляется и доселе» (Картотека СРНГ). В картотеке СРНГ находим поговорку, за-

[17] Варбот Ж. Заметки по славянской этимологии. — В кн.: Этимология — 1968. М., 1971, с. 76.

писанную в 60-е годы собирателем П. В. Наумовым: Скоморох да плясея — вот и пара (Верхозим. Петров. Сарат., 1960—1961).

Даль приводит еще старинное название глашатая — *кличея*, или *кличий*: «*стар.* бирюч., глашатай».

При помощи суф. *-ej(a)* образован ряд названий лиц по какому-нибудь признаку, свойству.

Возея ‘суетливый человек, непоседа’ (Урал. Картотека СРНГ).

Ворчея ‘тот, кто ворчит; ворчун, ворчунья’: Ну-ко ты, ворчея! Завсе воршит да ворчит. . . Уж свекровка у ее такая ворчея. . . Едом ест сноху-то. . . (Перм., 1856. Оренб., Свердл. СРНГ, вып. 5).

Гордея. Ворон. *гордейка* ‘гордый человек’ (Даль).

Гостея (гостейник, гостейка, гостилка) ‘прихлебатель, охочий до пиров, до чужих обедов’. ||‘проживающий в доме гостем’. ||‘пришедший на побывку свой или близкий человек’ (Даль). *Гулея* ‘любительница гулять, гулена’: Гуляй, гуляй, гулея! (Смол., 1914).

Гырчея (Пск.) ‘сердитая собака’: Гырчать-ворчать как ворчит озлившись собака (Даль. Пск. Ворон.).

Игрея ‘певица, песенница’. Пенз. СРНГ.

Ищея 1) ‘тот, кто любит что-либо искать; ищейка’ (Охан. Перм., 1930); 2) соответствует словам собака, шельма, каналья, проныра: Эка ищея бабенка-то! Ах ты, ищея поганая! (Перм., Луканин. СРНГ).

Старинному термину судопроизводства в говорах дана экспрессивная окраска. В судопроизводстве «*истец* (ищея) до XV в. имел значение и заявителя, и ответчика, к изучаемому времени (т. е. к XVI—XVII вв.? — *Н. П.*) стал означать только заявителя. Параллельно специализируется термин *ответчик*».[18] Материалы Слов. Срезневского полностью подтверждают наблюдение В. Н. Туркина: «Кто будет виноват, *ищея* или ответчик, и боярину на виноватом два алтына. Судебн. 1497; Перед князем. . . сесь список положили и обоих истцевь, *ищею* старца Ферапонтовского Евстрата и ответчиков соцкого. . . Ивашку Обухова да Еску Тимофеева».[19]

Курея ‘гермафродит’ (Перм., Твер., Пск.) ||‘скопец’. СРНГ. ||‘импотент’ (Урал, 1930) ||‘состояние беременной’: Курея-то на нос лезет (Уржум. Вят., 1882).

Мелея ‘пустомеля’ (Даль, *Мельница*).

Непея — имя собственное. «В 1557 г. русский посланник Осип Непея выговорил такие же права в Англии для русских купцов». (Энциклопедия Бр.-Эфр., т. XIII, с. 684, *Иоанн IV*).

Ползея ‘кто ползает, пресмыкается’ (Даль).

---

[18] Туркин В. Н. Семантика социальных терминов восточнославянских языков XI—XVI вв. (По материалам письменности). Автореф. докт. дис. М., 1972, с. 36.

[19] Там же.

Рачея ‘бережливый человек’: Рачея — это кто бережет все, и мужчина рачея бывает. Сев.[20]

Толпея ‘толстая женщина’ (Моск., Яросл., Доп. 1858).

Толстея то же, что толпея (Даль).

Трусея ‘трус, трусишка’. О человеке и животном (Даль).

Фурея. От глагола ‘фурить’ (мочиться) (Пск., Твер., Доп. 1858).

Хвастея ‘хвастливый человек’ (Даль).

К словообразовательному ряду с суффиксом *-ej(a)* относится несколько слов терминологического свойства. Среди них встречаются слова, пришедшие из общеславянского лексического фонда. Это прежде всего обозначения предмета, детали хозяйственного быта.

Верея — древний славянский термин, известный в памятниках с XII в. Слов. Ушакова относит слово к числу областных, но в БАС помета «обл.» отсутствует. Одно из значений, сохранившихся в польском, словацком, чешском языках — «один из столбов, на которые навешиваются створки ворот» (БАС, т. 2). Н. П. Гринкова, предпринявшая экскурс в этимологию слова *верея*, приходит к выводу, что *верея* — не областное слово, а архаизм, «удел [которого] — перейти в категорию слов-терминов в этнографии и истории русской архитектуры». «Корень слова *верея*, — пишет Н. П. Гринкова, — этимологи возводят к общеславянскому корню ver- (*верáть*, *завор* и подобные) и считают это слово общеславянским». Основания для такого заключения автор находит в широких сопоставлениях элементов лексики славянских языков.[21]

Толчея в говорах имеет множество терминологических значений: 1) ‘приспособление, предназначенное толочь’ (Ряз. 1959); 2) ‘ветряная мельница’ (Волог., 1896—1920); 3) ‘конное приспособление для выделки кожи’: Толчея — воду гнали и дуб толкли (Новосиб.); 4) ‘большая ступа, в которой толкут лен или коноплю. Южн. р-ны Краснояр., 1967. ||‘Тяжелый стержень с округлым заостренным концом для толчения чего-либо’: Ступа сама по себе, а толчея тоже сама (Волог.); 5) ‘заведение, где валяют сукно и «бьют» лен’. (Мещов. Калуж., 1916); 6) ‘толченая картошка с салом’ (Смол., 1927); 7) ‘трепак (пляска)’ (Арх., 1907).

Затем идет еще ряд значений, которые мы ввиду громоздкости перечисления опустим (‘суетливая личность, смышленность’: У него в голове толчеи нет. Влад., ||‘давка в толпе’ и т. д.). Как бы ни были разнообразны реалии, их свойства и признаки, все они семантически восходят к глаголу *толочь*, *толочься*, с по-

---

[20] Варина С. Н. Словообразование личных имен существительных в русских сев.-зап. диалектах. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 124.

[21] Гринкова Н. П. Вопросы исторической лексикологии русского языка. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1962, т. 231, с. 154—155.

мощью морфемы *-ej-* в каждом отдельном слове этого ряда содержится указание на способность производить определенное действие.

Проглея — строительный термин, обозначающий пространство, образованное застройками, крыши которых сходятся в форме буквы П (покоеобразная застройка). «Дворы с *проглеей* были, по-видимому, — пишет Бломквист, — широко распространены в конце XVIII в. Пространство, образованное сходящимися крышами приусадебных построек, могло иметь различную форму, а следовательно, и носить разные названия: *прогляд*, *проглея*, *ендова*, *плоскуша*.[22] По морфологическому строению слово несколько выпадает из числа бесприставочных, вероятно, оно восходит к приставочному глаголу *проглянуть* (ср. *прогляд*), и можно полагать, что былая продуктивность суффикса позволяла ему действовать и в области приставочных глаголов.

Лазея (*лазейка*, *лазья*, *лазейня*. Пск. *лазик*) ‘лазок, тесный вход и выход, проход ползком на чердак, в курятник, в подполье’. (Ср. Урал, 1971). ||‘Конура, конурка’. 2) ‘Леток улья’ (Даль).

Верзея ‘пролом, разгороженное место в околице, в загороди’. Даль (с вопросом к форме слова).

Должея ‘продольная выемка, паз, бороздка’; ||«дощечка, которою заделывается должь или дель, сквозной паз в борти, в улье» (Даль. *Долгий*).

Долгея стар. ‘бывшая в Новгороде мелкая монета’ (Даль). Два последних случая примечательны тем, что суф. *-ej* обнаруживает свою способность к словообразованию не только от существительных и глаголов, но и от прилагательных.

Торчея ‘торчок, сучок, колышек, рожон, пенек, что торчит’; ||«у каменщиков — положенье кирпича на ребро, коротким концом на лицо или стойком» (Даль). ||‘Деревянный гвоздь в квасннке’ (Пск. Твер., 1858).

Лежея 1) «веревка в 1.5 саж., сложенная вдвое и имеющая ряд петель; служит перекладиной веревочной стремянки у бортников» (Даль. *Плести*); 2) ‘полеглый на корню хлеб’ (Яросл. Даль, *Плеть*).

Поклажея ‘вещи, положенные на сохранение’: А что поимана твоя казна. . . или поклажеи ваши или бояр твоих поклажеи. . . и мне то отдати (Дог. гр., 1433. Срезневский). Даль приводит это слово с пометой «стар.»

Тулея (*тулья*, *тулейка*) ‘часть шляпы и шапки, покрывающая голову сверху, кроме полей, околыша, ушей, козырька и пр., иногда подкладка под верхнюю тулью, род втулки в шляпу’. Даль дает это слово как производное от глагола *тулить* ‘крыть, скрывать, прятать’. Военной терминологии также знакомо это

---

[22] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 181—182.

наименование: тулеей называлась трубка для насаживания на ратовище копья (ратовище — древко копья).[23]

Отнесем сюда несколько неясных по происхождению примеров: *вечея* ‘дыра в средине верхнего жернова’ (Даль); *ячея* ‘ячейка, клетка в рыболовной сетке’ (может быть, от глагола *ять*, *имать*, т. е. ‘брать, хватать, вбирать’; *кнея* (в неводе) ‘кутец, матня, мешок у невода’ (Новг. Даль).

Выделяется в особую группу лексика, связанная с названиями природных явлений, местного ландшафта и т. п.

Бучея ‘водопад, где вода бучит, — с шумом летит вниз’ (Волог., 1972). *Толчея* ‘бурун, короткое, крутое волнение на отмели, между камнями у берега’ (Даль с пометой «морс.»). *Вея* ‘вьюга, метель’. На дворе такая вея, что ничего не видно (Пск., Смол., 1902. Маштаков). *Кочея* ‘трясина, покрытая кочками’ (Волог., Дилакторский, 1902. Яросл. Маштаков).

Водея (водья, вадья) ‘окошко в болотце, озерцо среди топи’ (Волж. Даль, *Вода*).

Вея ‘ветвь’. Вея израсла (Срезневский).

Кнея ‘отъемный лесок, лесной остров; охотничий гон или участок, захваченный облавою; сплошной кустарник, лесок’.

Здесь же вспомним древнее отсубстантивное *колея* («и сломиться коло в колии». Срезневский).

Верея ‘частица луга, леса’. Макаров. Н. П. Гринкова в упоминавшейся статье предположительно связывает с этим значением некоторые топонимические названия на территории средней России: Б. и М. Верейка Ворон. обл., Верея Моск. обл.

Веретея ‘возвышенное сухое место на низменности, среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки’. Соликам. Перм., 1973. СРНГ. В словаре Срезневского находим близкое значение — *веретея* ‘участок земли’: Се купилъ лоскутъ земли орамой, узкую веретею; Веретея земли; Плоская веретея.

Пея ‘сухое место в окружении болот’. Гомельск. обл.[24]

Несколько слов объединяются в группу названий частей тела.

Гребея ‘кисть руки’, «ручная кисть с пальцами» (Даль).

Кнея ‘часть внутренности, черев’. Даль с вопросом к значению слова.

Лядвея ‘часть ноги от колена до бедра, ляжка; бедро’. Срезневский. ||Верхняя мягкая часть задней ноги у животных’. Костр., 1895.

Шея — хорошо знакомое литературное слово с деэтимологизированным суффиксом. Если выделить корень *ш-*, можно отыскать родственные по этому корню слова того же гнезда — *шить*,

---

[23] См.: Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896, с. 62, слов. ст. *Копье*.

[24] Толстой Н. И. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька*. — В кн.: Этимология — 1967. М., 1969, с. 147.

шило и пр. В самом деле *шея* соединяет части тела, голову с туловищем, как бы сшивает их.

Известное литературному языку слово *шлея* также имеет деэтимологизированный суф. *-ej*. Шлея, как известно, — часть конской упряжи, круговой ремень от хомута (Срезневский). Слово является родственным лексике с корнем *шл-*: *шляться*, *шлендать*, *шлепанцы*, *шлый* (расхожий). О деньгах: шлые деньги (Пск.) и др.

Среди нескольких десятков слов данного словообразовательного ряда почти нет непредметной лексики. Такие примеры единичны: *Толчея* 'стук.' Смол., 1914; *громадзея* 'тревога'. Смол., 1853. *Колея* 'очередь': Коли твоя колея косить? Смол., 1914.

В заключение можно сказать, что обзор лексики словообразовательного ряда с суф. *-ej* дает возможность говорить об активности этой морфемы в древнерусском языке. Большинство представленного здесь материала имеет широкие параллели в других славянских языках. Показать этот общеславянский фон — задача дальнейшего изучения. Можно также заметить, что словообразовательные возможности суф. *-ej* были достаточно разнообразными и находили применение в сочетании с основами глаголов, существительных и даже в отдельных случаях прилагательных. Суф. *-ej* благодаря своей многозначности мог выступать в нескольких лексико-семантических группах (мы в данной работе могли вычленить лексику состояния, характеристики лица по какому-либо признаку; по роду занятий и по профессиям, терминологическую лексику). Лексика с суф. *-ej(a)* в основном архаическая, она отражает некоторые существенные черты, связанные с бытом, хозяйственным укладом, верованиями и обрядами носителей языка в древнейшую пору. Суф. *-ej(a)* потерял свою активность в современном русском языке. Этому способствовало большое количество вариантов с близким или тождественным значением. Конкуренция синонимичных суффиксов может быть темой специального исследования.

В заключение приведем алфавитный список собранных слов с суф. *-ej(a)*.

Бакалея 'залив, губа, лужа', *балея* 'деревянная лохань на ножках для стирки белья'; *берея* 'женщина, собирающая ягоды для домашнего употребления'; *бурчея* 'человек, который постоянно ворчит'; *бучея* 'водопад'; *варея* 'кто варит, готовит, стряпает'; *вервея* 'толстая просмоленная нить для шитья обуви, кожаных изделий, дратва', *веретея*[1] 'названия разных угодий и частей леса, поля, холмов, оврагов'; *веретея*[2] 'рыба Cobitis taenia, щиповка'; *верея*[1] 'один из столбов, на которые навешиваются створки ворот'; *верея*[2] 'возвышенное сухое место на пойме; опасный провал в болоте'; *верея*[3] 'веревка, на которую посажен невод, подбора' (Даль); *вея* 'вьюга, метель'; *водея* 'окошко в болотце'; *возея* 'суетливый человек'; *ворожея* 'знахарь, знахарка'; *ворчея* 'брюзга'; *вязея* 'занимающийся вязаньем бунтов, чулок, сетей

и т. п.'; *гладея* 'лихорадка'; *Глядея* — имя одной из жен-трясовиц (мифического существа, олицетворяющего болезнь — лихорадку); *Гнетея* — имя одной из жен-трясовиц; *гордея* 'гордая женщина'; *гостея* 'прихлебатель, охотник до чужих обедов'; *грабея* 'женщина, нанятая для сгребания сена'; *громадзея* 'тревога, шум'; *гулея* 'гуляка, гулена'; *гырчея* 'сердитая собака'; *давея* 'лихорадка'; *долгея* 'старинная мелкая монета, бывшая в обращении в Новгороде'; *должея* 'дверка улья; паз, бороздка'; *Дремлея* — одна из жен-трясовиц; *Дряхлея* — то же, что Дремлея; *желенея* 'желейка, дудочка'; *желея* 'большая дудка, обернутая берестой'; *Желтея* 'болезнь лихорадка' и имя жены-трясовицы; *завея* 'место, где кружит ветер'; *затея* 'замысел, намерение'; *злобея* 'лихорадка'; *Захотея* — имя жены-трясовицы; *змея* 'пресмыкающееся животное, ползающее по земле'; *знобея* 'лихорадка'; *Зубнея* — имя жены-трясовицы; *игрея* 'певица, песенница'; *ищея* 'истец, ответчик'; *казначея* 'монахиня, заведовавшая хозяйством женского монастыря;' *корчея* 'упорная перемежающаяся лихорадка'; *кочея* 'трясина, покрытая кочками'; *кроея* 'умеющая кроить, шить'; *кручея* 1) 'женщина, которая на свадьбе после венчания окручивает голову невесты'; 2) 'мельничная толчея'; *курея* 'двуполое существо'; *лазея* 'тесный вход, проход ползком; леток улья; конура, конурка'; *лапшея* 'на сговоре или помолвке — женщины, которые подносят мужчинам лапшу'; *лашея* 'лихорадка'; *качея* 'морская болезнь; кадильница'; *клея* 'рыба уклея'; *кличея* 'глашатай'; *Колея* 'очередь' и имя жены-трясовицы; *Ледея* — то же; *леденея* 'лихорадка'; *лежея* 1) 'у бортников: часть веревочной стремянки'; 2) 'полеглый на корню хлеб'; *лечея* 'лекарка'; *ловея* 'кто промышляет ловлею птиц, зверей, рыбы'; *Ломея* — имя жены-трясовицы; *лядвея* 'бедро'; *мелея* 'кто мелет ручным жерновом'; *мытея* 'прачка, судомойка, поломойка'; *Невея* — имя жены-трясовицы; *Непея* — имя собственное; *непрядея* — не умеющая прясть; *неточея* 'нерадивая ткачиха'; *неядея* 'лихорадка', *Огнея* — имя жены-трясовицы; *печея* 'кухарка, повариха, стряпуха'; *плачея* 'плакальщица, вопленница'; *Плетея* 'кружевница' и имя жены-трясовицы; *плясея* 'плясунья'; *ползея* 'кто ползает, пресмыкается'; *проглея* — строительный термин; *прядея* 'пряха'; *пухлея* 'лихорадка'; *рачея* 'бережливый человек'; *резея* 'лихорадка'; *Синея* — имя жены-трясовицы; *сказея* 'сказительница'; *скоропея* — эпитет змеи (фольк.); *Скучея* — имя жены-трясовицы; *смывалея* 'знахарка, занимавшаяся ворожбой с помощью обливания водой'; *Снея* — имя жены-трясовицы; *стряпея* 'кухарка, стряпуха'; *сухея* 'лихорадка'; *Сушея* — имя жены-трясовицы; *ткея* 'ткаха'; *толпея* 'толстая женщина'; *толстея* — то же, что *толпея*; *толчея* 1) 'приспособление, чтобы толочь'; 2) 'ветряная мельница'; 3) 'большая ступа, в которой толкут лен или коноплю'; 4) 'заведение, где валяют сукно'; 5) 'толченая картошка с салом'; 6) 'трепак (пляска)'; 7) 'суетливый человек, непоседа'; 8) 'давка, толкотня от тесноты'; 9) 'волнение на море'

и другие значения; *торчея* ‘сучок, колышек’; *точея* ‘ткачиха’; *трусея* ‘робкий, боязливый человек’; *Трясея* — имя жены-трясовицы; *тулея* ‘трубка для насаживания на ратовище, часть копья’; *тчея* — то же, что *точея*; *увея* ‘сугробистый снег; занос’; *Унея* — имя жены-трясовицы; *ухожея* ‘пастбище’; *фурея* — от глагола *фурить* ‘мочиться’; *хвастея* ‘тот, кто любит хвастаться, хвастун’; *Чадлея* — имя жены-трясовицы; *чешвея* ‘чешуя’; *швея* ‘портниха’; *шептунея* ‘знахарка’; *шея* ‘часть тела’; *шлея* ‘часть конской упряжи’; *ячея* ‘углубление, отверстие, гнездо’.

Представленная здесь лексика по своей семантике связана с существенными сторонами жизни, быта, обрядов, верований носителей языка.

По своей структуре эта лексика глубоко архаична. Большой интерес представляет выявление словообразовательных возможностей древнейшего суффикса *-ej(a)*, изменение его значений в различные эпохи, анализ того, по каким путям шло его отживание, а в отдельных случаях — консервация. Надеемся, что собранный и описанный в данной статье материал сможет послужить базой для дальнейшей разработки этой темы.

И. А. ПОПОВ

Диалектологические поездки в Ленинградскую область

Говоры Ленинградской области до последнего времени мало привлекали внимание исследователей, в особенности недостаточно изучен их словарный состав. Между тем лексика этого интересного в историческом отношении края заслуживает не только более пристального внимания диалектологов, но и самого активного собирания, так как процесс нивелирования говоров быстро стирает здесь диалектные особенности. Принимая это во внимание, группа сотрудников Словарного сектора ЛО ИРЯЗ АН СССР предприняла в 1967—1974 гг. несколько поездок в населенные пункты Ленинградской области с целью собирания сведений для Общеславянского лингвистического атласа и Словаря русских народных говоров.

В 1967—1969 гг. собирался материал в д. Княщина Волховского р-на (З. М. Петрова, И. А. Попов, а также Е. П. Луппова); в 1969—1971 гг. — в д. Староселье Тосненского р-на (Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, З. М. Петрова, И. А. Попов, А. А. Алексеев, Т. В. Рождественская); в 1972—1974 гг. — в д. Черная Волосовского р-на (Ю. Ф. Денисенко, Т. Н. Дорогутина, З. М. Петрова, И. А. Попов, Т. В. Рождественская, Е. Н. Этерлей). Во всех населенных пунктах проводились магнитофонные записи. В большем количестве была записана лексика в д. Княщина.

Ленинградская область находится в районе сосредоточения крупных промышленных и культурных центров, имеет развитую сеть шоссейных и железных дорог. Население сельской местности активно поддерживает связь с городами и крупными поселками области. Все это способствует более быстрому развитию процесса утраты диалектных особенностей. И тем не менее говоры Ленинградской области сохранили в лексике еще много своеобразия. В записях представлены разные тематические группы диалектных слов. Это названия и окружающей природы, и животного и растительного мира, и жилища, разного рода построек, сооружений, орудий труда, средств передвижения, и самого человека по разным его признакам, и мн. др. Приведем некоторые примеры.

Названия особенностей рельефа. *Грём* ‘сухое возвышенное место’: Грём, на грёмах елки растут (Черная). *Мша́га, амша́га* ‘болото’. Две мшаги; Кто мшага, кто по болоту говорит (Черная); У нас ходили они в лес через амшаги (Черная).

Названия животных и птиц. *Медвежи́ха* ‘медведица’: Медвежиха, медведь, белка, естя рыси (Черная). *Ежи́ца* ‘самка ежа’. Ежик, ежица (Черная). *Ме́щерка* ‘ящерица’ (Черная). *Лягу́н* ‘головастик’. Лягун, как головастиков называют (Черная). *Че́рев* ‘червь’ (Черная). *Ся́хи* ‘муравьи’ (Черная). *Скачо́к* ‘сверчок’ (Черная). *Карапа́тка, карапа́точка* ‘куропатка’ (Черная).

Названия ягод, грибов, растений, деревьев. *Гонобо́бль* ‘гонобобель’ (Княщина). *Брусни́ца* ‘брусника’ (Княщина). *Волну́ха* ‘гриб волнушка’ (Княщина). *Стреко́ва* ‘крапива’ (Староселье). *Лопушня́к* ‘заросли лопухов’ (Княщина). *Черёмха* ‘черемуха’ (Черная).

Названия построек, их частей, изгородей. *Ба́йня, ба́енка* ‘баня’ (Староселье). *До́мичек* ‘домик’: Малый домичек (Староселье). *Изёбка* ‘избушка’: Изёбка маленька (Староселье). *Охле́в* ‘хлев’ (Староселье). *Изгоро́да* ‘изгородь’ (Староселье).

Помимо предметной лексики, большой интерес представляют прилагательные, глаголы, наречия. *Сва́дьбешный* ‘свадебный’ (Староселье). *Па́мятный* ‘с хорошей памятью’ (Староселье). *Опу́хлый* ‘опухший’ (Староселье). *Кужле́вый* ‘сделанный из расчесанного льна, кужели’ (Староселье). *Си́вый* ‘седой’ (Староселье). *Зимово́й* ‘озимый’ (Староселье). *Позавтрика́ть* ‘позавтракать’ (Староселье). *Перехря́стывать* ‘перебрасывать, перекрещивая (нить в станке)’ (Староселье). *Отомну́ть* ‘отпереть’ (Староселье). *Спровёдать* ‘проведать’ (Староселье). *Но́нче* ‘сегодня’ (Староселье).

Некоторые диалектные слова имеют большую древность и встречаются в памятниках письменности, например *изгре́бы* ‘отходы при обработке льна’ (Черная, Княщина), *бере́мя* ‘охапка’ (Черная), *изгоро́да* ‘изгородь’ (Староселье). Ср.: Аше имущи изгреби прядохъ (‘пакля, охлопки’ — Срезневский); По беремени смолъ да берестъ (‘связка, охапка, тяжесть’ — Срезневский); По ямамъ къ изгородѣ, да изгородою по гранемъ и по ямамъ (Срезневский). Лексические материалы такого рода имеют особое значение для изучения истории формирования говоров Ленинградской области.

Как показали наблюдения, обследованные говоры неодинаковы в фонетическом отношении: говор д. Княщина — окающий, говоры д. Староселья и Черной — акающие, что объясняется историей возникновения данных населенных пунктов. Однако лексика этих говоров не имеет столь резких противопоставлений. Ср.: *веретно́* ‘веретено’ (Княщина, Староселье), *вя́зка* ‘соломен-

ный жгут для перевязывания снопов' (Княщина, Черная), *грабло́вище* 'ручка граблей' (Княщина, Черная), *си́вый* 'седой' (Княщина, Староселье), *при́уз* 'цеп' (Княщина, Староселье).

В то же время значительное расстояние между населенными пунктами, разная их историческая судьба, разная степень нивелирования говоров в современных условиях привели к известным различиям в их лексике, словообразовании. Ср. данные следующей сопоставительной таблицы.

Значение слова	Слово		
	д. Староселье	д. Черная	д. Княщина
'охапка'	*бере́мя*	*бере́мя*	*оха́пка*
'ручка цепа'	*па́лка*	*ру́чка*	*па́лка*
'ручка косы'	*косовьё*	*косьё*	*косьеви́ще*
'било цепа'		*ру́ха*	*цепе́ц, поле́но*
'брусок для точения кос'	*валёк, осёлок*	*осёлка*	*осёлка*
'наковальня'	*кова́льна*	*на́ковальна*	*наковальня*
	ка́ва		
'отходы при обработке льна'	*изгре́бы*	*кости́ка*	*изгре́бья*

Собранные во время диалектологических поездок лексические материалы отражают лишь небольшую часть словарного состава говоров Ленинградской области, который мог бы быть показан в обширном региональном словаре. В собранных материалах содержатся или новые сведения (слова, значения, территория ранее не были отмечены), или подтверждающие сохранение известных ранее слов в современных говорах, или говорящие об утрате ряда зафиксированных в прежних источниках слов.

Л. И. БЕЛОВА

О вхождении областных слов в русский литературный язык (*бирюк, блажь*)

Вторая половина XIX в. — период особо интенсивного усвоения литературным языком областных слов. Творчество писателей и поэтов — Тургенева, Гл. Успенского, Л. Толстого, Мамина-Сибиряка, Лескова, Гончарова, Никитина, Кольцова, Некрасова, Островского и др. — внесло в литературный язык множество эмоционально-оценочных слов, ранее считавшихся принадлежностью русских народных говоров.[1] Использование таких слов (обычно обладающих большей степенью оценочности по сравнению с общенародными синонимами) позволяло расширить палитру изобразительных средств. Обогащение литературного языка диалектными словами обычно сопровождалось семантико-стилистическими изменениями, которые в каждом конкретном случае были обусловлены как языковыми, так и внеязыковыми причинами.

В статье прослеживается история вхождения в литературный язык двух слов — *бирюк* и *блажь*, известных еще древнерусскому языку. Рассматриваются семантико-стилистические изменения этих слов со второй половины XIX в. до наших дней.

В работе использованы материалы Картотеки БАС.

Слово *бирюк* в русских говорах известно в нескольких значениях: 1) ‘волк’; 2) ‘медведь’; 3) ‘страшилище’; 4) ‘барсук’; 5) ‘сверчок’; 6) ‘домовой’; 7) ‘толстый крупный человек’; 8) ‘грубый, неповоротливый человек’; 8) ‘бычок’; 9) ‘виды рыбы ерша’ и нек. др. (СРНГ, вып. 2).

Наряду с названными значениями еще в XIX в. (возможно, во второй половине XVII в.) у слова *бирюк* (в значении ‘волк’) развивается переносное значение — ‘угрюмый, нелюдимый человек’. Первая лексикографическая фиксация слова *бирюк* относится к концу XVIII в. Оно включено в САР: *Бирюк*. Татарское. В низовых местах так называют волка. *Бирюк бирюком*. В (перенос-

[1] См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965, с. 480—494.

ном) смысле означает угрюмого человека. Отсюда смотреть, глядеть бирюком — глядеть, смотреть угрюмо, исподлобья.

Во второй половине XIX в. слово *бирюк* появляется в языке художественной и мемуарной литературы (обычно как средство характеристики героя) в сочетаниях *как бирюк*, *бирюком сидеть* и т. д. — вероятно, сказывалась связь с прямым значением слова, широко известным в диалектной речи, — 'волк': Сей человек напустил на себя некую блажь, засел себе как бирюк дома (Болотов, Записки); Словом, они [сослуживцы по канцелярии] казались мне сущими бирюками (там же).

Обычно это слово у В. И. Даля. В повести «Савелий Граб»: Другой дичится, напротив, в людях скучает, сидит бирюком, боится чужого человека, как ребенок буки; в «Сборнике пословиц и поговорок»: бирюком (или волком, медведем) смотреть; в Слов. Даля приведено 5 значений слова *бирюк* и словосочетания *глядеть бирюком*, *волком* 'угрюмо, исподлобья', *жить бирюком* 'одиноко, ни с кем не знаться'.

Опыт 1852 включает слово *бирюк* с тремя значениями: 1) 'волк'. Астраханское, Воронежское, Рязанское, Саратовское, Тульское; 2) 'медведь'. Симбирское; 3) 'угрюмый человек'. Псковское, Симбирское.

К середине XIX в. слово было широко известно и в прямом, и в переносном значениях, оно используется в произведениях многих авторов — А. Н. Островского, Златовратского и др. В прямом значении: Никто уже не живет там (в станицах) и только видны по песку следы оленей, бирюков,[2] зайцев, фазанов (Л. Толстой, Казаки). Слово *бирюк* в переносном значении в литературе XIX в. чаще всего употреблялось в сравнительных оборотах или в функции предиката: Насколько Воронов бирюк и недоступны ему никакие чувства, кроме любви к водке и привязанности к «Ретвизану», настолько Абрамов человек мягкий, общительный и даже сердечный (Григорович, Корабль «Ретвизан»); — А по-твоему, девицам бирюком надо глядеть. . .? (Печерский, В лесах); [Савелий] сидел молча, как бирюк, у себя в клетушке (Гончаров, Обрыв); — Но извините меня, Михайло Михайлович, я старше вас годами и могу вас пожурить: что вам за охота жить этаким бирюком? (Тургенев, Рудин).

В сознании некоторых авторов второй половины XIX в. слово *бирюк* в переносном значении сохраняло местный характер, и при его употреблении используются кавычки как свидетельство «инородности» слова или дается его объяснение. И. С. Тургенев в авторском примечании к рассказу «Бирюк» пишет: Бирюком в Орловской губернии называется человек одинокий и угрюмый. В Слов. Акад. 1895 прямое значение слова *бирюк* ('волк') дано с пометой «областное», переносное значение — без помет, с объяснением 'человек нелюдимый, угрюмый'. *Смотреть*, *глядеть*

[2] Волков. (Примеч. Л. Толстого).

бирюком ‘глядеть исподлобья, угрюмо’. Так переносное значение, возникшее на базе основного, было признано общенародным, литературным.

В художественных произведениях начала XX в. ощущалась связь с прямым, основным значением слова: Что такое он — скромный помещик, со своими двумя сотнями душ, бирюк, по целым неделям не выходящий из своего дома. . . в сравнении с этим блестящим вельможей, любимцем государя? (И. Потапенко, Сильфида); Мужики, если встретиться где приходилось, друг на друга глядели, ровно бирюки (Д. Бедный, Куриный брод); Когда дедушка обращался с ним как с недоумком и порывался его бить, он оскорблялся злопамятно и уходил, как бирюк, в берлогу (Гладков, Повесть о детстве).

Слов. Ушакова у слова *бирюк* отразил областное значение — ‘волк-одиночка’ и переносное — ‘угрюмый, нелюдимый человек’ с пометой «разговорное». С такой же пометой приведено и словосочетание *смотреть бирюком* ‘иметь угрюмый, сумрачный вид’. Аналогичное толкование слова *бирюк* в БАС и в МАС, но в БАС к значению ‘волк-одиночка’ отсутствует помета «областное».

Словосочетания *жить бирюком*, *смотреть бирюком* и *быть бирюком* используются в произведениях советских писателей — Горького, Шолохова, Панферова, Гранина, Каверина и др. Для ряда авторов середины XX в. слово *бирюк* в его переносном значении сохраняет диалектный характер, и они выделяют его в тексте: Надежда Борисовна ходила по магазинам с молодыми и старыми сельскими врачами — «бирюками», отыскивая галстук или шляпу (М. Козаков, Девять точек); Молодой и на вид угрюмый, из тех «бирюков», с которыми Немиров терпеть не мог иметь дело, Горелов поднялся с места и сухо сказал, что задачу принимает (В. Кетлинская, Дни нашей жизни).

Данные Картотеки, особенно материалы последних лет, свидетельствуют о все большем проникновении слова *бирюк* ‘волк’ в литературный язык: если к середине XX в. несомненно литературным было только переносное значение, то в настоящее время появилась тенденция употреблять слово *бирюк* вместо *волк* и использовать эти слова рядом в качестве синонимов: Представление о сером волке — бирюке — связано с воспоминаниями о непогоде, метелице. . . (Н. Зворыкин, Волк); Волк (бирюк) населяет почти всю территорию СССР. . . (С. Перележин, Охотхозяйственные мероприятия. — В кн.: Календарь охоты); Двух матерых бирюков он [лесник] уложил на месте, а от остальных пришлось отбиваться (Н. Рыленков, Синие глаза); Справа от головы сохатого он [эвенк-охотник] увидел серую тень. Это был матерый бирюк-одиночка (Г. Федосеев, Последний костер). Видимо, в современном литературном языке за словом *бирюк* закрепляется семантический оттенок ‘очень крупный волк’, ‘матерый волк’.

В современном языке возникли авторские образования: *по-би-*

рючьи, *бирюковатый* и даже существительное *бирюковатость* и глагол *бирючить* (у Симонова, Маркова, Рыленкова и др.).

На наш взгляд, принадлежность слова *бирюк* в значении ‘волк’ языку художественной литературы несомненна. Войдет ли слово в этом значении в современный русский литературный язык или сохранится лишь в художественных произведениях — покажет будущее.

В церковнославянском и древнерусском языках слово *блажити*, к которому восходит рассматриваемое существительное *блажь*, имело значение ‘восхвалять, почитать’: Блажат мя вси роди (Остромирово евангелие — Срезневский, 1893).

Однако к концу XVIII в. — времени первой лексикографической фиксации слова *блажь* — семантика, сфера употребления и сочетаемость слова были иными.[3] САР включает слово блажь с пометой «простонародное» и указывает два значения: 1) ‘нелепое дело, вздорные слова’: Какую блажь затеяла; Какую блажь мелешь, несешь; 2) ‘упрямец, своенравное, избалованное дитя’: Какая блажь, то-то блажь ребенок.

По данным Картотеки, на рубеже XVIII—XIX вв. слово *блажь* употреблялось Крыловым и Княжниным в речи персонажей как средство их характеристики. Видимо, в конце XVIII—первой половине XIX в. слово было распространено в основном в народной среде; начиная с 30-х годов прошлого века, оно все чаще появляется в произведениях художественной литературы, причем как в речи персонажей, так и в авторской речи. В произведениях Пушкина отражено изменение сочетаемости слова *блажь*, а также использование его в функции предиката и в сравнительном обороте: Поверь же ты мне, что женитьба — блажь! Я чувствовал, что он [отец] будет на нее [любовь Гринева к Маше] смотреть, как на блажь молодого человека (Капитанская дочка). У Гоголя: Вот некстати пришла блажь быть чистоплотным! (Хивря — мужу. Сорочинская ярмарка); Башмачкин знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг черт знает какую цену (Шинель).

Видимо, распространение и употребление слова *блажь* в первой половине XIX в. дало возможность составителям Слов. 1847 включить его уже без помет и с несколько иными (по сравнению с САР) значениями: 1) ‘упрямство, своенравие’: Я выбью из тебя эту блажь; 2) ‘вздор, нелепость’: Мелет, несет блажь.

По данным Опыта 1852, слово было известно в Вологодской, Тамбовской, Ярославской губ. со значением ‘дурь’, в Курской и Тверской — со значением ‘притворство, дурачество’. Слов. Даля дает следующее описание слова *блажь*: ‘дурь, шаль, дурость, упорство, упрямство, своенравие, юродство, притворная дурь;

---

[3] См.: Порохова О. Г. Из истории лексики. Слова с корнем *благ-* (*блаж-*) в русском языке. — В кн.: Слово о русских народных говорах. Л., 1968, с. 181—202.

временное помешательство, сумасбродство; мечты, бред, грезы наяву; вздор, нелепость, чепуха; несбыточные мысли, желания'. На него блажь находит — он дурит; Блажью кричать — благим матом, изо всех сил.

Сопоставление толкования слова *блажь* в трех указанных словарях середины прошлого века приводит к мысли, что к этому времени интересующее нас слово в значениях 'вздор, дурь, своенравие' имело широкое распространение и чаще всего употреблялось на правах просторечия, поскольку обладало явно выраженной отрицательной эмоциональной окраской.

Некоторое сомнение вызывает фиксация слова *блажь* в первом областном словаре, каким был Опыт. Очевидно, что к середине XIX в. слово утратило местный узкодиалектный характер (об этом свидетельствует Слов. 1847 и литературные источники).

Во второй половине XIX в. слово *блажь* становится принадлежностью литературного языка: оно отмечается в речи персонажей в произведениях писателей различных школ и направлений (Некрасов, Гончаров, Чехов и др.), не только в прозе, но и в драматургии (в пьесах Сухово-Кобылина, Островского), а также в публицистических произведениях Белинского, Писарева. Вот некоторые примеры употребления слова *блажь*: Родители поняли, что любовь Нади не каприз, не блажь, не пустая привязанность, что она на все готова (Помяловский, Молотов); Но быть артистом по профессии — что за блажь! (Гончаров, Обрыв); На мечту человек привыкает смотреть, как на блажь, свойственную праздности и барской изнеженности (Писарев, Базаров).

Широкое употребление слова способствовало более четкому определению его семантики. Слов. Акад. 1895 указывает общелитературное значение слова *блажь* 'дурь, прихоть, своенравие', а также значение, известное только в Сибири — 'несметное множество': Оленей в уезде блажь.

В произведениях авторов XX в., как дореволюционных, так и советских, отражено употребление слова *блажь* в сочетании с прилагательными и местоимением *всякая*: Давно сроднив с судьбой моей печальной |Поэзии заносчивую блажь,| Всегда был рад свой стих многострадальный |Вам посвящать усердный чтитель ваш (Бенедиктов, Не тайное признание); Да вот пришла Волосатику в голову пустая блажь — старичку тому табачку нюхательного подсыпать (Леонов, Бурыга); Если бы серьезно, а то ведь блажь очередная, — с грустью думал Иван Иванович (Коптяева, Иван Иванович).

В советской лексикографии судьба слова *блажь* такова. Слов. Ушакова определяет его как свойственное разговорной речи и имеющее значение 'нелепая причуда, каприз, болезненное своенравие, сумасбродство, дурь': Выкинь блажь из головы. БАС фиксирует это слово с пометой «в просторечии» со значением 'прихоть, каприз, причуда'. Среди литературных иллюстраций приведены цитаты из произведений Пушкина, Гоголя, Помяловского, Ма-

мина-Сибиряка, указано также на употребление слова *блажь* в словосочетаниях *блажь напала*, *пришла в голову блажь*, *напустить блажь* и т. п. В МАС слово *блажь* дано со значением ‘нелепая причуда, прихоть, дурь’ с пометой «просторечное»; в этой словарной статье приведены цитаты из Гоголя и Чехова. Оба академических словаря дают производные слова *блажь* — глагол *блажить* и прилагательное *блажной* — и указывают на их употребление в просторечии. Включено слово *блажь* и в СРНГ, где приведены семь его значений в говорах и девять однокоренных слов: *блажник*, *блажница*, *блажничать*, *блажно*, *блажной*, *блажный*, *блаженный* (СРНГ, вып. 2).

Знакомство с данными Картотеки позволяет сказать, что во второй половине XX в. слово *блажь* в значении ‘причуда, каприз, глупость’ и т. п. все чаще употребляется в одном ряду с нейтральными словами, т. е. утрачивает грубоватую окраску: Алпатов хочет большой работой изгнать из головы всякую блажь; теперь каждая минута жизни будет учтена им как трудовая минута (Пришвин, Кащеева цепь); Илья склонен был видеть в этой скоропалительной любви минутную девчоночью блажь (Б. Бедный, Девчата); Панин считал теннис блажью, пустой тратой времени (Борщаговский, Любовь Петровна); Все это казалось мне барской блажью (Н. Кузьмин, Круг царя Соломона); Ада была уверена, что это просто каприз, блажь (Д. Гранин, Иду на грозу); Итак, Лиза все же пошла работать в школу. Виктор считал ее работу временным увлечением, блажью (Д. Гранин, Искатели).

В настоящее время сочетаемость слова *блажь* расширяется: в произведениях последних лет рядом с существительным *блажь* стоят относительные прилагательные *барская*, *девчоночья* и т. п. и слова, имеющие временно́е значение, — *минутная*, *временная*. У Л. Жуховицкого: Вряд ли эта блажь надолго (Остановиться, оглянуться. — Нева, 1969, № 2).

Таким образом, слово *блажь* к началу XIX в. было употребительным в разговорной речи русского народа, со второй половины XIX в. вошло в литературный язык с более конкретным значением и на правах просторечия, а с середины 30-х годов XX в. становится свойственным разговорному стилю литературного языка.[4]

---

[4] В Слов. Ожегова (11-е изд., 1975) слово *блажь* в значении ‘причуда, дурь’ имеет помету «разговорное».

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

О древности одного семантического переноса в русских говорах (*свадьбы*, *свадебницы* как наименования времени)

В народной речи период времени или какой-нибудь месяц (месяцы), когда по обычаю чаще всего происходили свадьбы, нередко называется самим словом *свадьбы* или однокоренными *свадебницы*, *свадебники*.[1] Временна́я семантика у слова *свадьбы* возникает путем переносности одного из его значений (основного значения); у слов же иного морфемного состава — *свадебницы*, *свадебники* она слагается, по-видимому, из ряда компонентов, в числе которых — и переносность общего семантического признака всех отдельных их значений ('молодые на свадьбе: жених и невеста'; 'участники свадебного ритуала; гости на свадьбе'; *свадебник*, ед. ч. 'пирог на свадьбе'[2]), т. е. признака 'имеющий отношение к свадьбе как акту заключения брака'. Интересно, что частота происходящих явлений (свадеб) при таком семантическом переносе находит «материальное» выражение в употреблении названных слов, как правило, именно в форме множественного числа.

Характерные примеры употребления этих слов со значением времени: *Сва́дьбы* — . . .месяц январь, в продолжение которого наиболее играют свадеб (и потом еще в феврале до начала поста) (повсеместно в Арханг. губ., Подвысоцкий) — карт. СРНГ; *Сва́дебницы* — период от рождества до масленицы, в который справляется много свадеб (Лодейноп. округ, Калинин) — карт. БАС; От крещенья до заговенья время зовется *сва́дебницами* (Подпорож. р-н Ленинград. обл.) — карт. Карел.; *Сва́дебница* бывает на зимний мясоед (Опоч. р-н); *Свадебники́* — после рожества, во всю мясодь до масленицы (Красногород. р-н Псков. обл.) — карт.

[1] Использованы такие источники: картотека сводного Словаря русских нароных говоров (далее: карт. СРНГ) и картотека Словаря современного русского литературного языка (карт. БАС; обе хранятся в ЛО ИЯ АН СССР), картотеки региональных словарей — псковского (карт. ПОС), говоров низовой Печоры, говоров КАССР и смежных севернорусских областей (карт. Карел.; все три хранятся в ЛГУ), архангельского (МГУ), брянского (ЛГПИ), смоленского (Смоленский пед. ин-т); архив диалектного лексического атласа белорусского языка (Ин-т языкознания АН БССР), а также словари русского, белорусского, украинского языков и их говоров.

[2] По материалам карт. СРНГ и карт. БАС.

ПОС. Иногда временно́е значение проявляется в определенных сочетаниях: Больше всего свадеб бывает в январе, поэтому об этом времени говорят *о свадьбах* (Онеж. р-н КАССР, Калинин) — карт. БАС; *Об зимних свадьбах* — от 8 января до сырной недели (Ядрин. и Козьмодемьян. р-ны Казан. обл.) — карт. СРНГ. Последний факт свидетельствует о том, что могли различаться разные свадебные периоды в течение года. Подтверждение этому находим у П. В. Шейна: «Время от покрова до филипповых заговин зовется *большой свадзебницей*. . . от крещения до масленицы — *малой свадзебницей* (Витебск. у., Королевск. вол.).[3]

Рассмотренный случай обозначения темпорального понятия путем переноса наименования явления (наиболее характерного или часто, обычно происходящего в соответствующий промежуток времени) на сам этот период времени не является одиночным или изолированным в народных говорах. Ср.: *зыки́* ‘время, когда под кожей скота вылупляются личинки оводов, вызывая нестерпимый зуд’ (Смол., Добровольский) при *зык* ‘неистовство, бешенство скота из-за сильной жары и укусов оводов’ — карт. СРНГ; *рёв* ‘пора течки скота’, также ‘август месяц’ (Олон., Арх.);[4] *си́верница* ‘последняя неделя великого поста’, в это время должны быть холода (Челяб., Шмурло) — карт. БАС; *се́рпови́на*, *серпови́ца* ‘время, когда готовятся к жатве, заготовляют серпы’ (Смол.).[5] К таким неименованиям относятся и названия месяцев как единиц календарного счисления времени типа древнерусского *груденъ* ‘ноябрь’ (собств.: ‘с замерзшими грудами’, т. е. ‘месяц, когда замерзают комья грязи’) или белорусского *ліпень* ‘июль’ (собств.: ‘месяц цветения лип’). В индексе к работе Фр. Миклошича о славянских названиях месяцев значится 240 единиц; по типу номинации он выделяет в особую группу названия месяцев, произошедшие от наименований праздников или обычаев, упоминает в ряду таких слов и *свадьба* (в ед. ч.) ‘февраль’.[6] Среди этих названий значителен пласт древних слов.[7]

Насколько древним можно считать *свадьбы* ‘период времени’?

Приведенный материал свидетельствует об устойчивости употребления слова *свадьбы* и однокоренных по отношению к определенному промежутку времени. Это подтверждается также и довольно широким ареалом данного явления — русские северо-западные (по преимуществу), северо-восточные, средневолжские и белорусские восточные говоры: *сва́дьбы/сва́дьба* — арх., карел., казан.,

[3] Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. — Сб. ОРЯС, 1902, т. 72, № 4, с. 16.

[4] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 1955, с. 89.

[5] Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 827.

[6] Miklosich F. Die slavischen Monatsnamen. Wien, 1867, S. 23.

[7] См., например: Кочерган М. П. З історії українських назв місяців. — Мовознавство, 1967, № 1, с. 50—61; Вялкина Л. В. Славянские названия месяцев. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1970. М., 1972, с. 265—279, и мн. др.

сва́дебницы/сва́дебница — арх., карел., ленингр., лодейноп., пск., витебск., *свадебникй/сва́дебник* — пск., новг.

В этимологических словарях *свадьба* 'брак; заключение брака' в пределах восточнославянского континнуума считается общим (было известно еще в древнерусском).[8] Однако это неточно для современного периода: в просмотренных нами источниках более обычным для украинского языка является *весíлля*,[9] для белорусского — *вясе́лле*.[10] Последнее слово восходит, как и *свадьба*, к периоду общевосточнославянскому; ср. в русских говорах (в дополнение к украинскому и белорусскому фактам): *весе́лье* 'свадьба' — арх., волог., пск., смол., куйбыш., среднеурал.; южн. (Даль).[11] Значение времени у него ни в одном из источников не отмечается. Восточнобелорусское (витебское) *свадзебница* 'период времени' (приведенное П. В. Шейном) на таком фоне можно считать периферийным для белорусского языка, вероятнее же всего, это заимствование из соседних западнорусских говоров, которым свойственно это слово и в прямом, и в переносном значениях; последнюю версию поддерживают такие белорусские диалектологи, как Н. Т. Войтович и И. Я. Яшкин.[12]

Итак, представленные факты свидетельствуют о том, что *свадьбы* и другие однокоренные наименования в значении определенного периода времени в XIX—XX вв. принадлежат лишь великорусской зоне.

Материалы восточнославянской письменности подтверждают принадлежность слов *свадьбы*, *свадебницы* в качестве наименований времени великорусской области, однако уточняют хронологию их внутри великорусского периода: *свадьбы* отмечается с начала XV в., а *свадебницы* — со второй половины XV в.[13]

Оба слова фиксируются только в Псковских летописях (по спискам XV—XVII вв.): *свадьбы* в записях 1403, 1459, 1585 гг., *свадебницы* — под 1469 и 1524 гг. Приведем некоторые контексты и характерные варианты/замены к ним по другим спискам:[14] въсхожаше [комета] с прочими звѣздами *от свадебъ до вербнои*

[8] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 3. М., 1971, с. 568: белорус, *свадзьба*, укр. *свадьба*, *свайба*.

[9] См., например: Українсько-російський словник. Київ, 1971, с. 54.

[10] См., например: Беларуска-рускі слоўнік. Мінск, 1962, с. 142.

[11] См.: Словарь русских народных говоров, вып. 4. Л., 1969, с. 181.

[12] Выражаем глубокую благодарность этим сотрудникам Ин-та языкознания АН БССР за консультацию по данному вопросу.

[13] Были просмотрены известные материалы к историческим словарям древнерусского языка И. И. Срезневского и А. Дювернуа, а также картотеки исторических словарей: ДРС (хранится в Ин-те русского языка, в Москве), обиходного языка Московской Руси (ЛГУ), исторической части ПОС (ЛГУ), русского языка XVIII в. (ЛО ИЯ АН СССР), старобелорусского языка (Ин-т языкознания АН БССР), староукраинского языка XIV—XV вв. и исторического словаря украинского языка под руководством Е. Тимченко (Ин-т общественных наук АН УССР).

[14] Цит. по последнему изданию памятника: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941 (Погодинский сп.); вып. 2. М., 1955 (Синодальный и Строевский сп.).

суботы (под 1403 г. в Синодальном сп., л. 180 об.) — его замена явися звѣзда хвостата. . . *месяца февраля, а погибе месяца марта в верьбную суботу* (в Строевском сп., л. 45); тоя же зимы *о свадбах* приеде. . . архиепископь владыка Генадии (под 1485 г. в Синодальном сп., л. 221) — тоя же зимы *в мясоед*, приѣхаша владыка... Генадеи (вариант в Погодинском сп., л. 645). Во всех контекстах памятника «время свадеб» относится к одному и тому же периоду — ко второй половине января—началу февраля.[15]

Все употребления рассматриваемых слов принадлежат записям, являющимся псковскими по своей атрибуции (в других летописных сводах, просмотренных по «Полному собранию русских летописей», в соответствующих погодных известиях контексты, подобные псковским, не обнаружены). *Свадьбы* и *свадебницы* фиксируются в ряде самостоятельных записей в основных списках памятника, принадлежащих разным ветвям псковского летописания,[16] и, следовательно, эти наименования употребляются различными писцами самостоятельно. Поскольку оба слова являются локальными в восточнославянской письменности, известны в современных говорах (в частности, *свадебницы* есть в псковских говорах), они бесспорно принадлежат к местной лексике псковского диалекта средневековья.

Работы по истории и этнографии русского народа свидетельствуют о наличии нескольких свадебных периодов в году (это частично проявилось и в представленном выше диалектном материале) — в разные времена года, но всегда перед постами: осенью (в сентябре—октябре),[17] зимой (в январе—феврале),[18] весной

[15] Небезынтересно отметить, что история изучения этих наименований в отечественной науке началась именно с рассмотрения псковских летописных фактов и что вплоть до современности им уделяется внимание. Об употреблении слова *свадьбы* как обозначения временного понятия в русских летописях (без уточнения свода, но, по-видимому, только в Псковских летописях, так как, по «Материалам. . .» И. И. Срезневского и картотеке ДРС, фиксации его в других сводах неизвестны) упоминается у Н. Снегирева (Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1. М., 1837, с. 179) и мн. др. Со ссылкой на Псковские летописи о нем и о слове *свадебницы* пишут Фр. Миклошич (M i k l o s i c h F. Die slavischen Monatsnamen, S. 23), И. П. Калинский (Из церковно-народного русского месяцеслова. — Душеполезное чтение, 1872, ч. 1, с. 133), Д. Прозоровский (О славяно-русском дохристианском счислении времени. — Тр. 8-го археолог. съезда, т. 3. М., 1897, с. 204) и др., а также советские языковеды В. И. Максимов (Местная лексика в Псковской I летописи. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 173, с. 198—199), О. С. Мжельская (Лексика древней письменности в современных псковских говорах. — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, с. 12), И. Г. Добродомов (Старинный русский календарь. — Русская речь, 1968, № 4, с. 91) и др.

[16] См.: Н а с о н о в А. Н. Схематическое изображение генезиса летописных памятников Пскова. — В кн.: Псковские летописи, вып. 1, с. LXII—LXIII.

[17] См., например: С а в в а и т о в П. И. Отзыв на «Церковно-народный месяцеслов на Руси» И. П. Калинского. — Изв. РГО, 1877, т. 13, вып. 1, с. 105.

[18] См., например: Д о б р о д о м о в И. Г. Старинный русский календарь, с. 92.

(в апреле—мае).[19] И все же чаще пишут о периоде с рождества до масленицы. Ср. объяснение этому у А. О. Подвысоцкого: потому бывают свадьбы в январе и феврале, что «с приближением весны предстоит бóльшая надобность в рабочих; напротив, в месяцы, отдаленные от весны, бывает гораздо менее [свадеб] — на том основании, как говорят крестьяне, чтоб не кормить даром прибылого едока».[20]

Если в результате интерпретации фактов письменности мы получили возможность говорить о датировке рассматриваемого семантического переноса у слова *свадьбы* первыми веками великорусского периода (в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков), то материал по истории и этнографии свидетельствует о значительной древности самой «брачной активности» именно в зимний период и о более широкой территории, где придерживались такого обычая.[21]

Интересны суждения В. И. Чичерова о повсеместном распространении свадебных игр в русском новогоднем обряде и о большой древности этой особенности обряда.[22] Д. Прозоровский, объединяя факты языка и этнографии, писал также о возможной принадлежности таких наименований, как *свадьбы* 'период времени', еще язычникам: «Из времени с 6 января, т. е. со дня богоявления до мясопуста, народ произвел особый период свадебный. . . и таким образом. . . разделил зиму на три следующие один за другим, веселые периода: святки, свадьбы и масленицу, в которых приметны остатки обычаев языческих».[23] В сопоставлении с такими мнениями объяснение А. О. Подвысоцкого учитывает лишь одну сторону явления — его бытовую и хозяйственную обусловленность, что несомненно способствовало сохранению самой зимней обрядности.

Факты других индоевропейских языков, идеологически или типологически сходные с древнепсковскими или современными севернорусскими *свадьбы*, *свадебницы* во временно́м значении, подтверждают необычайную древность рассматриваемого семантического явления уже на уровне языка — именно по отношению к свадебному времени зимой. Так, в древнегреческом при γαμέω 'жениться' и γαμικά 'свадьба' γαμηλιών (у Аристотеля) 'седьмой месяц аттического календаря' соответствует второй половине января

---

[19] См., например: Селиванов В. В. Год русского земледельца. Зарайский у. Рязанской губ. — Русская беседа, 1856, т. 2, с. 8.

[20] Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, с. 153.

[21] См.: Селиванов В. В. Год русского земледельца; Календарь Юго-Западного края на 1873 г. Киев, 1872, с. 36; Чубинский П. Народный календарь. — Тр. этнограф.-статист. экспедиции в Зап.-русск. край, т. 3. СПб., 1872, с. 72, и мн. др.

[22] Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1957, с. 193.

[23] Прозоровский Д. О славяно-русском. . ., с. 204.

и первой половине февраля, т. е. собственно 'брачный месяц'.[24] Или: н.-нем. Laument 'месяц закона' — о январе при Lau 'закон', если учесть, что «древние германцы брачные договоры и всякие союзы заключали более всего в январе»;[25] франц. разг. février l'anelier 'февраль, месяц браков'.[26] Подобные факты, вероятно, можно отыскать и в славянских языках; мы ограничились здесь тем, на что уже обратили внимание языковеды.

Точное подтверждение датировки употребления слова *свадьбы* в значении 'период времени' не простирается ранее начала XV в. Однако сама устойчивость такого употребления слова в псковских говорах XV—XVII вв. позволяет предположить, что базируется она на более ранних традициях. Последнее хорошо подкрепляется фактами историко-этнографическими (на уровне понятий и реалий) и языковыми (на уровнях идеологическом и типологическом). Эти материалы, как и факты современных говоров, не позволяют считать употребление *свадьбы* 'период времени' узко местным (собственно псковским) по происхождению; в период средневековья это могло быть достоянием северо-западных говоров,[27] последние же унаследовали рассматриваемое употребление, по всей вероятности, от чрезвычайно давнего времени.

---

[24] Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 1. М., 1958, с. 313. *Свадьбы* Псковских летописей и древнегреч. γαμηλιών впервые сопоставляет П. Лавровский (Замечания об особенностях словообразования и значений в древнерусском языке. — Изв. Второго отд. АН, 1853, т. 2, с. 290).

[25] Языков Д. И. О словенорусских и вообще словенских названиях года, месяцев, недель, недельных дней и годовых времен. — Тр. Российской академии, 1840, ч. 3, с. 26.

[26] См.: Miklosich F. Die slavischen Monatsnamen, S. 24.

[27] В. И. Максимов писал о новгородско-псковском происхождении слова *свадебницы* с темпоральной семантикой, основываясь при этом на фактах Псковских летописей и записи Калинина из Лодейнопольского окр.: Максимов В. И. Местная лексика. . ., с. 199.

Л. И. БАЛАХОНОВА

В. И. Даль и областной словарь Академии наук (1852)

Излагая в «Напутном слове» историю создания «Толкового словаря», В. И. Даль в связи с этим касается своих взаимоотношений с Академией наук: в ответ на предложение министра просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова передать в Академию собранные им словарные материалы В. И. Даль вместе с материалами предложил и свое участие в словарных работах Академии. Академия не воспользовалась ни его участием, ни его материалами, просмотрев первую тысячу слов, присланных по ее просьбе. «Меня спросили, — пишет В. И. Даль, — много ли их еще в запасе? Я ответил, что верно не знаю, но во всяком случае десятки тысяч. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, по-видимому, не входила в расчет и сделка оборвалась на первой тысяче».[1]

Биографы В. И. Даля, исследователи, пишущие о нем в последние годы, излагают историю взаимоотношений В. И. Даля и Академии в значительно более эмоциональном тоне и, вольно или невольно искажая действительное положение вещей, обрушивают на Академию не заслуженные ею обвинения. Так, например, В. И. Порудоминский в книге «Даль» пишет: «Сохранилась расписка весьма постыдная (академики от словесности сочли приличным торговать словами по пятиалтынному за штуку)». И дальше: «Новым Далям не приходится начинать в чистом поле... по проложенным уже мостам легче идти к вершине».[2] В таком же духе высказывается А. Югов: «Владимир Даль тяжко страдал от косности представителей тогдашнего языкознания... Сколько поклепов вытерпел он... Скорбно и гневно, а в то же время и с убийственной насмешкой отвечал на эти злобные придирки Даль».[3] В пренебрежительном тоне говорится об Академии и ее

[1] Слов. Даля, т. 1, с. XVI.

[2] Порудоминский В. Даль. М., 1971, с. 357, 372 (разрядка моя, — *Л. Б.*).

[3] Югов А. Великий мыслитель языка. — Наш современник, 1972, № 10, с. 107—110 (разрядка моя, — *Л. Б.*).

лексикографических трудах XIX в. в некоторых других статьях, связанных с юбилеем В. И. Даля.[4]

В такой «поддержке», разумеется, ни В. И. Даль, ни «Толковый словарь» не нуждаются. Нет необходимости доказывать, что В. И. Даль не начинал «в чистом поле». Помнить с уважением о предшественниках — вовсе не означает хоть в какой-то мере умалять значение великого подвига В. И. Даля, выполнившего работу, размеры которой действительно кажутся превосходящими силы одного человека. Авторы упомянутых и некоторых других статей как бы сознательно забывают слова самого В. И. Даля в том же «Напутном слове»: «Первое признательное мое слово должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены».[5] (Вспомним, что названные словари содержат: Слов. 1847 — около 115 000 слов, а Опыт 1852 с Дополнением к Опыту 1858 — свыше 40 000 областных слов). Использовал В. И. Даль, по его же словам, такие известные специальные словари, как «Ботанический словарь» П. И. Анненкова, «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева и др.

Не следует забывать и того, что «косными представителями тогдашнего языкознания», «академиками от словесности» были выдающиеся русские языковеды А. Х. Востоков, И. И. Срезневский и др., внесшие, как известно, большой вклад в русскую науку о языке. Вряд ли справедливо будет сказать, что В. И. Даль «подвергался злобным нападкам» с их стороны и «тяжко страдал от них». За свои труды В. И. Даль был избран членом-корреспондентом Академии наук еще в 30-е годы, а после выхода «Толкового словаря» — почетным академиком. Монументальный труд великого лексикографа был отмечен высшей наградой Русского географического общества — Константиновской золотой медалью — на основании отзыва академика И. И. Срезневского (одного из составителей Опыта областного словаря Академии) и Ломоносовской премией — на основании отзыва академика Я. К. Грота, давших самую высокую оценку «Толковому словарю».

Материалы Архива АН СССР позволяют уточнить и более объективно рассмотреть многолетние и непростые отношения членов Отделения русского языка и словесности и В. И. Даля. Они показывают, что последний проявлял постоянный деятельный интерес и бескорыстную готовность помочь создававшимся в то время словарям Академии, особенно Опыту 1852, и что вместе с тем, получая от Отделения все составленные листы Опыта, В. И. Даль мог яснее осознать характер, направление, принципы построения и подачи материала в собственном словаре. И, конечно, не следует

---

[4] См., например: Сергеев И. Даль и академическая лексикография. — Русская речь, 1973, № 2, с. 65—69.

[5] Слов. Даля, т. 1, с. XXVII (разрядка моя, — *Л. Б.*).

забывать, что Опыт служил для него основным изданием, которое он использовал для пополнения и проверки своего словаря в диалектной его части.

Подготовка первого сводного словаря русских народных говоров — «Опыта областного великорусского словаря» — началась в Академии в 1845 г., когда II Отделение разослало по губерниям России циркулярное отношение к директорам и смотрителям губернских училищ, «касающееся собрания и доставления в Отделение областных слов с объяснениями и примерами, отнюдь не поставляя им однако сего в обязанность, а предоставляя такое занятие собственному и добровольному усердию их в пользу отечественного языка».[6] Обращение привлекло внимание широких общественных кругов. Число желающих «потрудиться в пользу отечественного языка» с каждым годом все увеличивалось. Наряду с местными учителями здесь были чиновники, врачи, священники, студенты и т. д., люди, жившие подолгу на одном месте и, как правило, хорошо знавшие местные обычаи, сказки, песни, язык. Иногда одни и те же лица посылали свои записи в Академию и в Русское географическое общество, где их собирал В. И. Даль.

С начала 1847 г. до выпуска в 1858 г. Дополнения вся работа над словарем протекала под руководством А. Х. Востокова. «Программа» его была написана И. И. Срезневским. К сожалению, не все ее (даже основные) положения применены в словаре (например, отражение в словаре особенностей фонетики), так как она была составлена только в 1849 г., когда И. И. Срезневский стал членом Отделения; печатание словаря к этому времени уже началось.

Естественно, что, являясь первым словарным опытом, отражающим лексику всех русских говоров, созданный в период возникновения русской диалектологии как науки, «когда приходилось впервые вырабатывать самые приемы филологического исследования»,[7] словарь Академии не мог не иметь недостатков, порожденных именно этим объективным обстоятельством. На заседаниях Отделения впервые ставились проблемы составления сводных диалектологических словарей, совершенно отличные от тех, которые уже были решены при составлении Общерусского словаря. Составители стремились, насколько было в их силах, улучшить, исправить присланные корреспондентами толкования, особенно их стиль, придать им лексикографическую форму, подчинить единым приемам толкования слова́ с однотипной семантико-грамматической структурой. Изменения, которые они вносили в определения, осуществлялись в основном за счет выбора и комбинаций наиболее четких, ясных формулировок из различных присланных толкований одного и того же слова. Особенно трудной, по сути

---

[6] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 100.

[7] Обнорский С. П. Итоги научного изучения русского языка. — Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 106, с. 7—8.

так и не разрешенной, оказалась проблема орфографии диалектных слов.

Совершенно сознательно и обоснованно Отделение называло свой труд «Опытом» и стремилось как можно быстрее составить словарь (он был составлен за 6 лет, «Дополнение» — за 7 лет), чтобы уже после его выхода широко обсудить словарь для уяснения самого направления, путей дальнейшего исследования русских народных говоров.

Подготавливая Опыт 1852 и одновременно переиздание общерусского словаря, Отделение поддерживало связь со многими учеными или просто любителями русского языка. В Отделение постоянно приходили письма с предложениями посильно помочь дополнениями или замечаниями. В Архиве сохранился список двадцати четырех ученых, общественных деятелей, публицистов и т. д. (среди них П. А. Катенин, М. И. Погодин, В. И. Панаев, С. М. Шевырев, Я. К. Грот, И. М. Ковалевский и др.), которым составители посылали для просмотра и исправлений листы словаря. Наиболее продолжительной была связь с В. И. Далем. В 1848 г. в ответ на письмо председательствующего в Отделении было получено письмо В. И. Даля, в котором он писал: «Убедившись в течение времени, что составление полного словаря, особенно на предполагаемых мною основаниях, есть труд непосильный для одного человека, занятого сверх того еще службой, я предвижу, что не доживу до окончания заданного себе урока и потому с удовольствием соглашаюсь на сделанное мне почетное предложение участвовать в словарных трудах Академии».[8] Как видно из этого письма, в конце 40-х годов В. И. Далем еще владели сомнения, сумеет ли он осуществить свою мечту и создать такой словарь «живого русского языка», какой он задумал. Поэтому В. И. Даль решил передать в Отделение свои лексические материалы, но при этом оговаривался, что ограничил себя «изучением устного, народного русского языка», и это обусловило характер собранной им лексики. «Запасы мои, — писал В. И. Даль, — состоят ныне: а) в довольно общих простонародных обиходных словах, не вошедших в Словарь (имеется в виду Слов. 1847, — *Л. Б.*), б) в сборниках слов, принадлежащих русским наречиям (мало-белорусскому) и областным говорам, в) в заметках, служащих пополнением и поправкой для словарей изданных, в указаниях на ошибки, неправильности и в более полных и верных объяснениях, г) в пословицах и поговорках, которые должны служить лучшим объяснением слов».[9]

В. И. Даль предлагал прислать для образца первую тысячу дополнений к Слов. 1847 г. и в то же время просил высылать ему подготовленные части областного словаря, в которые он мог бы добавлять пропущенные слова вместе с их толкованиями («чтобы

---

[8] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 106.
[9] Там же.

каждое представленное мною и объясненное областное слово считалось (т. е. учитывалось при денежном расчете, — *Л. Б.*), если его в данной мне для справки росписи нет», — писал он). «Соглашаясь заплатить за означенную тысячу слов согласно с его требованиями»,[10] Отделение оставило без ответа предложение В. И. Даля относительно Опыта 1852, так как «Свод» областных слов еще не был закончен А. Х. Востоковым. В сентябре 1848 г. присланная тысяча слов была передана для ознакомления академикам В. А. Поленову, А. Х. Востокову, И. И. Давыдову, П. А. Плетневу, И. С. Кочетову и М. А. Бередникову. Это, как и говорил В. И. Даль, были общеупотребительные простонародные слова, отсутствующие в Слов. 1847, и академики единодушно решили, что они должны быть помещены в подготовлявшееся второе издание Общего словаря. Часть же присланных В. И. Далем слов являлась, по их мнению, собственно областными словами: *потýсь* 'по тех пор', *ставни́к* 'большой церковный подсвечник', *чапа́н* 'кафтан' и др. Они могли бы войти в подготовляемый областной словарь, но с указанием места употребления. На основании этого Отделение решило: «Касательно областных слов. . . по прочтении всех доставленных г. Далем слов, просить его о доставлении сведений, в каких губерниях и уездах Российской империи они употребляются».[11] Члены Отделения, конечно, ни в коем случае не хотели этим выразить своего недоверия словарным материалам В. И. Даля, как казалось ему и особенно его «защитникам» в наше время, ведь они доверяли самым разным, подчас даже случайным источникам и лицам, но сведения о территории распространения слова являлись непременным и необходимым условием для сводного областного словаря. Ведь не вызывает сомнения, что в Академии полностью доверяли дополнениям, присланным Ф. И. Буслаевым, и однако собранные им три тысячи пословиц и поговорок, к сожалению и для него и для составителей Опыта, не были использованы, так как не имели территориальных указаний.

Как мы видим из приведенного выше решения Отделения, Академия не отказывалась от материалов В. И. Даля, однако с присылкой этой тысячи слов все их отношения на этот раз прекратились. Именно описанный здесь эпизод приведен В. И. Далем в его «Напутном слове». Разрыв с Академией послужил В. И. Далю последним толчком к окончательному решению самому приниматься за словарь.

Несмотря на то что Отделение не привлекло его к своим лексикографическим трудам, как того хотел В. И. Даль, этот удивительный человек, ставивший интересы общественно-патриотические превыше всего, продолжал проявлять интерес и даже заботу об Опыте 1852. Прочитав в присланном ему П. А. Плетневым от-

---

[10] Там же.
[11] Там же.

чете по Отделению за 1851 г., что у составителей Опыта возникли «непредвиденные трудности», в частности при решении вопроса соотношения орфографии и фонетики, он предложил составителям собственные соображения по этому вопросу[12] Во второй половине 1851 г. он прислал письмо со специальным разделом «О правописании в наречиях русского языка», где излагал свои мысли о фонетических особенностях народных говоров и литературного языка, впоследствии развитые в его статьях.

Задача словаря, по мнению В. И. Даля, двоякая: с одной стороны, в сохранении по возможности общепринятой орфографии, с другой — в отражении особенностей произношения слов в говорах. Для осуществления этого В. И. Даль предлагает приблизительно те же способы, на которые указывал в своих «Правилах» И. И. Срезневский: в предисловии изложить общие сведения о фонетике русских говоров, а в самом словаре сохранить принцип общенародной орфографии, отмечая в словах особыми знаками те звуки, которые в каких-либо говорах произносятся отлично от написанного. При этом способе составители обратят внимание читателя на то, что данное слово произносится в разных говорах по-разному, в предисловии же конкретно укажут, как именно и где произносится соответствующий звук. Следование этим правилам, считал В. И. Даль, позволит: «1) указать как можно вернее местный говор или произношение, 2) ввести в этом деле однообразно общий закон, без коего в правописании было бы слишком много пестроты и произвола, 3) самим правописанием указать на корень происхождения слова, иначе утратится природная связь наречия с языком, 4) легче понять и разуметь слово, которое, будучи написано на слух, будет нам казаться чуждым и непонятным».[13] И. И. Срезневский, ознакомившись с соображениями В. И. Даля, сообщил членам Отделения, что все эти приемы «уже приняты во внимание при составлении Опыта». В действительности же это оказалось совсем не так из-за сложности самой проблемы орфографии диалектного слова. В окончательном решении о правописании и произношении было сказано: «Разные выговоры одного и того же слова помещать отдельно в словаре, но определять только одно из них, а при прочих делать ссылку на объясненное уже слово».[14] Такое упрощение подачи в словаре фонетических вариантов одного слова явилось объектом самой резкой критики В. И. Даля.

Письмо В. И. Даля в 1851 г. привело к возобновлению переговоров о его словарных материалах, на этот раз только о собственно диалектных. Теперь, через три года, послав В. И. Далю отпеча-

---

[12] В. И. Даль писал: «Своими соображениями о правописании в словаре желал бы только показать участие, которое принимаю в сем общем и особенно близком для меня деле, равно как полную готовность мою принести в дань посильную крупицу (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 112).

[13] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 112.

[14] Там же, № 10.

танные листы Опыта, Отделение обратилось к нему с тем самым предложением, с которым в 1848 г. сам В. И. Даль обращался к нему: исправлять и пополнять листы Опыта. В. И. Даль решительно отказался от этого предложения. Прежде всего он ссылался на очевидную запоздалость его: печатание Опыта подходило к концу. Но, конечно, главной причиной отказа была подготовка своего собственного словаря и несогласие В. И. Даля с основными принципами Опыта. Он не хотел свои богатейшие материалы по диалектной лексике отдать в качестве простого дополнения к лексикографическому труду, самые основы которого ему казались неверными. «Позвольте мне объясниться прямо, — писал он, — если бы я высыпал запасы эти — сколь бы ни были они значительны — в Словарь Академии, то труды и заботы всей жизни моей расплылися незаметно и при том вовсе не в таком виде, не в таком порядке и нерусской одежде, в каком они у меня продолжительными и усиленными трудами подготовлены».[15]

В этом письме В. И. Даль высказывает те самые замечания об Опыте, к которым он вернется еще раз в 1852 г., а потом подробнее изложит в статье «О наречиях русского языка»: «В словаре встречаются, как мне кажется, все неудобства принятого правописания из говора».[16] В подтверждение В. И. Даль приводит несколько слов, орфография которых, по его мнению, неверна и вводит читателя в заблуждение: слова *бротать*, *истобок*, *латошить*, *галанить*, *биздиля* на самом деле — лишь фонетическая запись слов *обротать* (от *оброти*), *истопок* (от *истопить*), *лотошить* (от *лоток*), *голанить* (от *голанец*), *безделя* — и должны быть переведены на общенародную орфографию. При том правописании, которого держатся редакторы Опыта, трудно объяснить значения слов, так как теряется связь с однокоренными словами, само представление о словообразовании.

Конечно, в принципе В. И. Даль безусловно прав: фонетические особенности, представляющие собой закономерности того или иного говора, не должны получить отражения в словаре, это факты грамматики. Однако вопрос об отражении в словаре фонетических изменений диалектизмов значительно сложнее, чем представлялось В. И. Далю. В ряде случаев правы составители Опыта, а не В. И. Даль: в приведенных им примерах не все фонетические варианты являются отражением регулярных изменений, а представляют собой варианты слов с лексикализованными фонетическими изменениями (*бротать*, *истобок*, *дрянка*, *галицы* и др.) и должны быть помещены в словаре особо как самостоятельные слова.

В трудах Ф. П. Филина эти языковые явления, как известно, получили специальную разработку, ставшую основополагающей для диалектологов, лексикологов и лексикографов.

В приведенном письме В. И. Даль предостерегает составителей Опыта от некритического отношения к областным материалам

[15] Там же, ф. 9, оп. 1, № 80.
[16] Там же.

М. Н. Макарова (напечатанным в Трудах Общества любителей российской словесности). Эти материалы использовал А. Х. Востоков в Опыте. «М. Н. Макаров, — пишет В. И. Даль, — сочинял и переделывал слова, придумывал им небывалое значение».[17]

Здесь же В. И. Даль высказывает свои возражения против названия словаря (одно из его первоначальных названий — «Опыт словаря областного русского языка»). «У нас нет, — указывает В. И. Даль, — общего областного языка, а есть областные наречия, есть говоры и слова различных местностей».[18] В. И. Даль считает поэтому, что более правильным было бы название «Словарь областных наречий русских» или «Словарь областных слов русского языка». Хотя специальных обсуждений этого вопроса в Отделении не проводилось, по-видимому, именно под влиянием письма В. И. Даля название все же было изменено.

Отказавшись от присылания дополнений, В. И. Даль, однако, просит Отделение дать ему все листы Опыта: «Это могло бы послужить для сравнения и поверки слов с моими записями, хотя бы на будущее время».[19] Редакторы выполнили эту просьбу.

В начале 1852 г., перед самым выходом Опыта, В. И. Даль прислал последнее письмо с замечаниями на Словарь.[20] И на этот раз его замечания касались некритического отношения редакторов к отражению в словаре особенностей фонетики говоров.

Опыт областного великорусского словаря вышел в конце марта 1852 г. Его появление было встречено многочисленными откликами в печати. В «Современнике», в «Москвитянине», в «Библиотеке для чтения», в «Отечественных записках», «Сыне отечества» и других газетах и журналах были напечатаны рецензии, заметки или хотя бы краткие аннотации. В них Опыт рассматривался как один из важнейших трудов Академии, а его появление — как начало нового этапа в исследовании русского языка. Две статьи Опыту посвятил Ф. И. Буслаев, рассматривая его как достойное выполнение завещания Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах.[21] Неоднократно высказывал положительное отношение к Словарю и использовал его в своих исследованиях Я. К. Грот.[22] В. И. Даль также выступил в печати со статьями, характеризующими Опыт, выражал свое отношение к нему в подстрочных примечаниях «Толкового словаря».

---

[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же, ф. 1, оп. 1, № 86.
[21] Буслаев Ф. И. 1) Опыт областного великорусского словаря. — Отечественные записки, 1852, т. XXXV, ноябрь, отд. V, с. 1—54; 2) Словарь областных речений великорусского наречия. — Изв. ОРЯС, т. 1, вып. 4, СПб., 1852, с. 167—177.
[22] Грот Я. К. 1) Областные великорусские слова, сходные со скандинавскими. Областные великорусские слова финского происхождения. — Изв. ОРЯС, т. 1, вып. 3. СПб., 1852, с. 113—120; 2) Филологические разыскания, т. 1. СПб., 1885, с. 28, 154—155, и др.

В отличие от других рецензентов В. И. Даль относился к словарю Академии в основном отрицательно. Особенно резкой, но в целом справедливой критике подверг он принцип орфографии. Его соображения по этому вопросу, целиком совпадающие с высказанными им в письмах, сводятся к следующему: правописание в Опыте нельзя подчинять фонетическому принципу, во всяком случае следует помещать разные фонетические варианты в одной, а не в разных словарных статьях, как это делали редакторы Опыта.[23] Отсутствие обстоятельного предисловия, в котором излагались бы сведения о фонетико-грамматических особенностях говоров, В. И. Даль также рассматривал как один из существенных недостатков Словаря. Резкому осуждению подверг он и алфавитный принцип, принятый Академией.[24] По мнению В. И. Даля, толкования в Словаре по большей части — односторонние, отрывочные, неполные; нередко в определении раскрывается только переносное значение; много неверных определений. В статьях и подстрочных примечаниях В. И. Даль приводит прямые описки, допущенные в заголовочных словах Опыта (например, *ирпень* вместо *иргень*, *калчан* вместо *калган*, *наговка* вместо *ночевка*, *каможка* вместо *калюжка* и др.). Некоторые из внесенных в Словарь слов являются не диалектными, а офенскими (например, *корюка*, *кьяр*). Большим недостатком Опыта для В. И. Даля было также малое использование поговорок и пословиц в качестве иллюстраций.

В. И. Даль был крупнейшим знатоком диалектной лексики в то время и, естественно, мог заметить больше промахов и ошибок в Опыте, чем другие его рецензенты. Однако высказывания В. И. Даля о нем отличаются несвойственным остальным рецензиям резким тоном. Если все писавшие об Опыте наряду с недостатками видели его несомненные достоинства и признавали его большое значение для науки о языке, то В. И. Даль в основном отмечал только недостатки труда Академии. На известную односторонность и в ряде случаев несправедливость оценок В. И. Даля указывали еще его современники. Так, Я. К. Грот писал: «Ему [Далю] одним из главных источников послужили академические словари и, между прочим, наш областной словарь. Нападая, иногда очень резко, в своих подстрочных примечаниях на лексикографические труды Академии, Даль черпал, однако ж, из них полной рукой; так, из областного словаря заимствовано им не только большинство находящихся у него областных слов, но и самые примеры к ним».[25] Журнал «Современник» выступил в защиту алфавитного принципа расположения слов, осужденного В. И. Далем. Для доказательства своей правоты автор журнала обращается к статье Ф. И. Буслаева, где показано, как нужно поль-

[23] Даль В. И. О наречиях русского языка. — Вестн. РГО, 1852, кн. 5. То же: Слов. Даля, т. 1. М., 1863.

[24] Даль В. И. Опыт областного великорусского словаря. — Вестн. РГО, 1852, кн. 1, с. 1—72.

[25] Грот Я. К. Филологические разыскания, с. 154—155.

зоваться Опытом и какие возможности он открывает перед учеными.[26]

Один из рецензентов «Толкового словаря» О. А. Инбер[27] писал, что В. И. Даль, так энергично нападавший на принцип правописания, принятый в Опыте, сам не избежал противоречия в написании слов, подчиняя его то фонетическому, то морфологическому принципу (например, *беззвездный* и *беславный*; *разсаживать* и *расказывать*; *сообщать* и *сообщить* и т. д.).

В основном же все замечания и В. И. Даля и других рецензентов были справедливы.

Большинство из отмечавшихся недостатков — неполнота словаря, отрывочность географических указаний, включение общенародных просторечных слов, приведение в качестве самостоятельных слов фонетических вариантов одного и того же слова, ошибки в толкованиях — было очевидно для его составителей. Как справедливо заметил в своей статье Ф. И. Буслаев, эти недочеты неизбежны для первых областных словарей, которые еще только накапливают материал по диалектной лексике. Однако без этих подготовительных словарей не может быть создан и будущий полный областной словарь. Несмотря на свои недостатки Опыт 1852 представляет несомненный интерес для составителей нового сводного диалектологического словаря — «Словаря русских народных говоров», который создается в Академии наук под руководством Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. В своих работах о диалектных словарях Ф. П. Филин называет Опыт «замечательным трудом». В Проекте «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филин пишет: «Опыт» и «Дополнение» к нему не утратили своей ценности и в настоящее время как важный источник изучения диалектной лексики».[28]

Словарь же В. И. Даля остается уникальным словарем в русской лексикографии во многих отношениях, в том числе по своему составу, включающему на равных правах без каких-либо ограничений общенародную и диалектную лексику. Наиболее близок к нему в этом отношении незаконченный словарь А. А. Шахматова. Все остальные академические словари традиционно строились на других принципах. Советская академическая лексикография, как известно, не пошла вслед за В. И. Далем и А. А. Шахматовым: диалектизмы входят в общенародные словари только в очень ограниченном, теоретически более или менее объективно регламентированном количестве. Вся остальная масса диалектной лексики, по количеству превосходящая во много раз все прежние словари, собирается в широко издающиеся в последние годы

---

[26] Современник, 1853, № 7, ч. XV, с. 1—26.

[27] Инбер О. А. О словаре русского языка. Объяснительная записка. М., 1898.

[28] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 6.

региональные словари и новый сводный областной словарь Академии, «Словарь русских народных говоров».

Именно на основе постоянно и регулярно издаваемых академических словарей создаются (коллективами и отдельными лицами) многие другие Словари самых разных типов и размеров. И если в наше время или в будущем у кого-либо из русских писателей, по-настоящему любящих и понимающих родной язык, возникнет настоятельная потребность посмотреть на него по-своему, как может его увидеть только художник слова, и создать свой словарь, то это может оказаться удивительное и неповторимое творение. В этом случае безусловно будут использованы и БАС, и богатейший СРНГ, и другие академические словари, использованы будут, наверное, критически, в чем-то исправлены, в чем-то дополнены. Но если это сделает новый Даль, то составители академических словарей не обидятся на его даже очень резкую критику, ведь все они вместе трудятся «в пользу отечественного языка». Правда, для создания нового Далева словаря мало быть просто писателем и любить родной язык, надо еще быть выдающимся человеком, каким был В. И. Даль: «Совмещение в одном лице знатока народной словесности, выдающегося этнографа, известного писателя-беллетриста, медика, ученого-естествоведа, диалектолога, лексикографа и лексиколога, наконец, лица, работавшего на разных поприщах государственной службы, военно-морской и гражданской, большей частью имеющей близкое отношение к народным массам — такое совмещение было явлением совершенно исключительным и как нельзя более благоприятным для успешного выполнения. . . монументального памятника — Толкового словаря живого великорусского языка».[29]

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

[29] Чернышев В. И. Избранные труды, т. 1. М., 1970, с. 402—403.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС	— Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1948—1964.
Вейсманнов Лекс.	— Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
Доп. 1858	— Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, изд. Второго отд. Акад. наук. СПб., 1858.
Лекс. Поликарпова	— Поликарпов Ф. Лексикон треязычный сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище. . . М., 1704.
МАС	— Словарь русского языка, т. 1—4. М., 1957—1961.
Мат. Срезневского	— Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1893—1912.
Опыт 1852	— Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1852.
САР	— Словарь Академии Российской, ч. 1—6. СПб., 1789—1794.
Слов. Акад. 1895	— Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1895.
Слов. Даля	— Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. 1—4. М., 1955.
Слов. Кондратовича	— Польский общий словарь и библейный. . . на российский язык переведен коллежским асессором К. Кондратовичем. СПб., 1775.
Слов. Нордстета	— Российский, с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом, ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
Слов. Ожегова	— Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. 4-е изд. М., 1960.
Слов. Преображенского	— Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
Слов. Ушакова	— Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1934—1940.
Слов. 1847	— Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук, т. 1—4. СПб., 1847.
Срезневский	см.: Мат. Срезневского.
Рос. Целлариус	— Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон. . ., изд. Ф. Гелтергофом. М., 1771.
Фасмер	— Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Содержание

Стр.

Ф. П. Сороколетов. Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка 3

Ф. П. Сороколетов. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров 14

Г. П. Князькова. К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов 25

А. Винцелер, О. Винцелер. Лексика с неполногласием и полногласием в разговорной речи и фольклоре липован 32

О. Г. Порохова. О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. Ч. IV. К вопросу о генезисе лексики с неполногласием, известной в народных говорах 44

В. В. Колесов. К реконструкции общерусской лексической системы со значением 'vita' 60

О. Д. Кузнецова. О севернорусских словах *жалезо*, *жаниться*, *жалать* 76

О. Д. Кузнецова. *Зелезо*, *земчуг* в говорах русского языка . . 94

Е. Н. Этерлей. О семантике слов с корнем *яр-* (в связи с наименованием славянского божества Ярилы) 102

Н. И. Андреева-Васина. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова) 115

М. А. Тарасова. Опыт системного анализа одного синонимического ряда со значением 'лентяй' (На материале псковских говоров) 121

Е. А. Левашов. Диалектные материалы и словарь литературного языка (К ранней семантической истории глагола *подтормозить*) 129

П. И. Павленко. Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах 132

И. А. Попов. Наречия со значением 'недавно, некоторое время тому назад' в русских народных говорах 146

Г. И. Демидова. Компаративные словоформы прилагательных и наречий с префиксом *по-* в диалекте 164

Н. В. Попова. Обзор лексики с суф. *-ej(a)* в русском языке и его диалектах (с привлечением фольклорного материала) 174

И. А. Попов. Диалектологические поездки в Ленинградскую область 189

Л. И. Белова. О вхождении областных слов в русский литературный язык (*бирюк*, *блажь*) 192

Ю. Ф. Денисенко. О древности одного семантического переноса в русских говорах (*свадьбы*, *свадебницы* как наименования времени) 198

Л. И. Балахонова. В. И. Даль и Областной словарь Академии наук (1852) 204

Список сокращений 215

Стр.
3
14
25
32
44
60
76
94
102
115
121
129
132
146
164
174
189
192
198
204
215

1 р. 50 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ